

АССОЦИАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

И.М. Рагимов

БЕССМЕРТНАЯ СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

Санкт-Петербург
Издательство «Юридический центр»
2017

УДК 343.2: 343.97

ББК 67.408

P14

Редакционная коллегия

*Ю.В. Голки (отв. ред.), М.Т. Агаммедов, Н.А. Винниченко,
И.Х. Дамения, И.З. Звечаровский, А.В. Земскова,
А.В. Коновалов, С. Ф. Милуков, А.В. Сальников,
А.В. Федоров, А.А. Эксархопуло*

Рецензенты:

*К.П. Салимов, доктор юридических наук, профессор
Э. Кулиев, автор перевода смыслов и комментариев Корана
на русский язык*

Рагимов И.М.

P14

Бессмертная смертная казнь / Предисловие докт. юрид.
наук, проф. Ш.Т. Самедовой. — СПб.: Издательство «Юридический
центр», 2017. — 192 с.

ISBN 978-5-94201-756-9

Настоящая работа является продолжением размышлений автора о сущности преступления и наказания, проблемах смертной казни, ранее изложенных в книгах «Философия преступления и наказания» (СПб., 2013), «О нравственности наказания» (СПб., 2016). Если в предыдущих работах автор касается только философской сущности наказания вообще, смертной казни в частности, то в настоящей книге эта проблема рассматривается как многофункциональная и исследуется в контексте взаимозависимости исторических, религиозных, философских, социологических и психологических факторов. Автор дает возможность читателю ознакомиться не только с его рассуждениями о феномене смертной казни, но и с различными мнениями, существующими в научной литературе. Такой подход предоставляет возможность каждому читателю самому ответить на вопрос: быть или не быть смертной казни?

Книга предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов, работников правоохранительных органов, теоретиков и практиков, специализирующихся в области уголовного права, а также философов, историков, социологов, психологов и всех интересующихся проблемами преступления и наказания.

УДК 343.2, 343.97 ББК

67.408

ISBN 978-5-94201-756-9

©И.М. Рагимов, 2017
©Ш.Т. Самедова, предисл., 2017
© Издательство «Юридический центр», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие <i>{доктор юридических наук, профессор Ш. Т. Самедова}</i>	4
Введение	13
Глава I. История смертной казни	16
Глава II. Философия смертной казни	63
Глава III. Социология смертной казни	94
Глава IV. Психология смертной казни	122
Глава V. Будущее смертной казни	162
Заключение	188
Об авторе	189

ПРЕДИСЛОВИЕ

In vitium ducit culpaе fiiga
(Желание избежать ошибки
вовлекает в другую)

Гораций

Выигрышное название этой книги с точки зрения лаконичности и емкости обозначенной проблемы уже является большой удачей автора. Безусловно, ее название привлечет повышенное внимание и «случайных» читателей, в то время как мы, постоянные читатели научных трудов профессора ИМ. Рагимова, давно уже в предвкушении появления специального исследования, всецело посвященного одной из краеугольных и противоречивых проблем института наказания уголовного права — смертной казни.

Изданные в последние годы монографии уважаемого профессора — «Преступность и наказание» (М., 2012 г.), «Философия преступления и наказания» (СПб., 2013 г.) и «О нравственности наказания» (СПб., 2016 г.) — следует рассматривать как мультидисциплинарную трилогию, в которой поэтапно исследуются фундаментальные основы уголовного права и криминологии: преступление и наказание, преступность с точки зрения как права, так и философии, истории, религии, психологии, социологии. И как итог издания трилогии на суд читателей выносится исследование, специально посвященное только одному виду наказания — смертной казни, отношение к которой неоднозначно во все времена и во всех обществах.

Смертная казнь — это один из наиболее древних видов наказания. Изначально она возникла в ходе реализации принципа талиона: «око за око, зуб за зуб». Согласно данному принципу справедливым наказанием за причинение смерти другому человеку является смертная казнь. Как уголовное наказание смертная казнь была присуща законодательству абсолютно всех стран. Однако со временем некоторые государства приняли решение об исключении смертной казни из системы видов наказания. Но и в этом случае в различные исторические периоды политика государств, принявших это решение, колебалась: периоды исключения смертной казни сменялись ее возобновлением. К концу XX века в мире было лишь 35 стран, отказавшихся от смертной казни. За прошедшие двадцать лет число этих государств увеличилось втрое. Смертная казнь сейчас применяется в 39 странах. В основном это страны Африки, Ближнего Востока и Азии. Однако в это число входят и такие развитые страны, как США, Япония, Сингапур, а среди европейских государств — Беларусь, являющаяся единственной страной на континенте, которая не только сохранила, но и периодически исполняет этот вид наказания. Заслуживают научного внимания и переосмысления данные правозащитной организации Amnesty International, согласно которым в 2015 году число казненных в мире заметно возросло и достигло самого высокого уровня с 1989 года.

Таким образом, актуальность монографического исследования профессора И. М. Рагимова бесспорна. Автор в присущей ему традиции проблему смертной казни как уголовного наказания рассматривает в широком контексте, во взаимозависимости всех социально-экономических, политико-правовых и духовно-нравственных факторов.

Первая глава монографии посвящена истории смертной казни, в ней показаны зарождение и эволюция института смертной казни. Совершенно справедливо утверждение автора, что библейская заповедь «не убий!» относится не к

использованию смертной казни как наказания преступников, а к лицам, которые умышленно совершают убийства в отношении членов общества. Поэтому смертная казнь принимается всем древним обществом в целом и соответствует его представлениям о нравственности и справедливости. Ни различия в условиях и обстоятельствах их исторического развития, ни их географическое месторасположение, ни различия в религиозных воззрениях не повлияли на их представление о смертной казни. Во все времена различны были лишь способы применения смертной казни, а также круг деяний, за которые применялось это наказание. Следует заметить, что существовавший во многих обществах обычай кровной мести традиционно рассматривается как прообраз смертной казни, осуществляемой от имени государства. Однако профессор И.М. Рагимов с присущей ему научной скрупулезностью доказывает, что кровная месть и смертная казнь являются совершенно различными по сути явлениями в истории человеческого развития и кровная месть не преобразовалась в смертную казнь, а просто исчезла в результате закономерного объективного процесса общественно-экономического развития человечества.

Вторая глава данной монографии посвящена философским осмыслениям смертной казни как уголовного наказания. Принимая во внимание высокий академический уровень научного творчества И.М. Рагимова, обращение в работе, посвященной смертной казни, к глубоким и всесторонним философским взглядам о сущности смертной казни, к категориям нравственности, справедливости, гуманизма было вполне предсказуемо. Апеллируя к идеям Гегеля и Платона о том, что «юриспруденция является частью философии», автор в то же время выступает против

Предисловие

«спекулирования нравственностью как философской категорией», полемизируя с рядом философов, юристов и даже писателей-классиков (В.С. Соловьев, А.Ю. Кизилов, Э. Дюркгейм, Э. Геккель, Ч. Беккариа, А.П. Чехов, Л.Н. Толстой, В.Д. Набоков и др.). Скажу откровенно, в этой дискуссии лично мне больше импонируют приведенные в книге точки зрения Платона, Гроция, Сенеки, Канта, Гегеля: «Смертная казнь налагается не ради совершившегося преступного деяния, а ради предупреждения его повторения в будущем»; «зло требует оплаты злом, только одно воздаяние по принципу равенства может определить меру и объем наказания либо равенство по силе действия» как наиболее соответствующие в современном уголовном праве целям уголовного наказания — специальной и общей превенции и социальной справедливости.

Поэтому вывод профессора И.М. Рагимова, что «применение смертной казни, то есть право на это наказание, обоснованно тогда, когда оно является воздаянием справедливым» считаю правильным и в меру обоснованным как с философской, так и с сугубо правовой точки зрения. «Чем выше ценится человеческая жизнь, тем выше должно быть и наказание за ее отнятие»; «смертная казнь... может быть применима лишь за умышленное убийство, и только так возможно почувствовать справедливость воздаяния» — этими утверждениями автор противостоит противникам смертной казни, обосновывающим свою позицию безнравственностью указанного вида наказания, и считает недопустимым противопоставление принципа справедливости категории нравственности.

Третья глава монографии посвящена исследованию социологии смертной казни, ибо еще в предыдущей главе автор пришел к выводу, что для определения справедливости существования смертной казни как уголовного наказания необходимо выяснить полезность и эффективность

этого средства в борьбе с особо тяжкими убийствами, что требует социологического исследования практического применения смертной казни. Для выявления эффективности смертной казни предлагается определить эффективность пожизненного лишения свободы, заменившего смертную казнь. А для выявления эффективности наказания автор предлагает использовать показатели уровня преступлений, за которые предусмотрено пожизненное лишение свободы: если уровень преступлений системно растет, то можно предположить, что смертная казнь была более эффективна, чем ее альтернатива. Далее в монографии выделяются четыре степени эффективности и конкретизируется, что «полезность смертной казни, как правило, определяется степенью ее эффективности по отношению к умышленным убийствам». При этом автор на многочисленных примерах совершенно справедливо указывает на манипулирование статистическими данными об эффективности смертной казни в зависимости от того, какой позиции по отношению к этому виду наказания придерживается лицо, занимающееся сбором и анализом статистических данных. Профессор И. Рагимов, ссылаясь на многочисленные исследования об эффективности смертной казни в различных странах (США, Швейцария, Бельгия, РФ, Польша и др.) приходит к выводу, что безусловной связи между отменой или применением смертной казни и уменьшением или увеличением числа совершенных умышленных убийств не имеется. Анализ криминогенной обстановки в Азербайджане за 1992-2016 годы, который приводится автором, позволяет ему констатировать, что не отказ от исполнения смертной казни был причиной роста умышленных убийств в период с 1992 по 1999 год, а нестабильная обстановка в городе, а также наличие у населения незаконно приобретенного огнестрельного оружия. Точно также причиной уменьшения роста умыш-

ленных убийств с 1999 г. является не отмена смертной казни, а стабилизация обстановки в стране.

В четвертой главе, посвященной психологии смертной казни, исследуется механизм воздействия смертной казни на поведение людей. Называются следующие составляющие механизма воздействия: убеждение, предупреждение и устрашение. При этом автор сразу же отмечает, что на людей, которые малоразвиты, порой невозможно логически воздействовать, поэтому апеллирующий к логике механизм убеждения неэффективен. Отсюда мы приходим к выводу, что главными в механизме психологического воздействия смертной казни на поведение людей являются предупреждение и устрашение. Значимость и полезность психологического устрашения наказания, в том числе смертной казни, непосредственно связаны с уяснением основного вопроса: связано ли преступное поведение человека с его сущностью, с ним самим или это результат внешних факторов. По мнению профессора И. Рагимова, тесное взаимодействие между естественными и общественными науками о человеке, о его сущности нельзя обеспечить полностью, без психологической науки, которая способна объединить все специальные дисциплины в целях познания все еще непознанного существа — человека. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на характерную черту изложения исследовательского материала профессора И.М. Рагимова. Он всегда строит архитектуру своего научного исследования таким образом, что вынуждает читателя каждый раз задумываться об оценке и выводах изложенного. И только потом, когда читатель сам дает оценку приведенным фактам и позициям различных источников, следует точка зрения самого автора. И если честно, лично мне очень импонирует этот авторский прием, так как совпадение точек зрения по тем или иным аспектам научного исследования с выдающимся

ученым-теоретиком современного уголовного права повышает собственную оценку как ученого.

Завершающая глава монографии называется «Будущее смертной казни». В этой части работы автор вновь обращается к идеям великих мыслителей различных периодов истории об отношении к смертной казни и считает, что появление новых идей, взглядов и теорий о сущности и значении смертной казни как вида уголовного наказания связано с двумя великими явлениями в истории человечества — Гуманизмом и Реформацией, берущими свое начало с XVII века в европейских обществах. XVIII и XIX века уже можно охарактеризовать как период ограничения и даже отказа от смертной казни в некоторых европейских государствах в определенные периоды истории. С середины XX века ускоряется процесс отказа от смертной казни как вида наказания, обусловливаемый повышением роли международного права и его интеграционного влияния на национальные законодательства государств. Так, важную роль в этом процессе играет Совет Европы, одним из условий вступления в который является подписание Протокола № 6 к Европейской конвенции по правам человека о неприменении смертной казни в мирное время. Кстати, Азербайджанская Республика отменила смертную казнь за несколько лет до присоединения к Европейской конвенции о правах и основных свободах человека и вступления в Совет Европы. А основанием отмены смертной казни в 1998 году послужило присоединение ко Второму факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленному на отмену смертной казни. Вместе с тем профессор И. М. Рагимов совершенно точно отмечает, что страны постсоветского пространства (как и государства Восточной Европы) отказались от смертной казни по политическим соображениям. И сам же оправдывает подобный подход: «...проблема смертной казни непосредственно

связана не только с этическими, историческими, социальными, религиозными, криминогенными аспектами, но в современных условиях — в большей степени с политической целесообразностью».

Трудно также не согласиться с выводами автора о том, что отказ от смертной казни не является показателем уровня нравственного и культурного развития народа. Очень четко и несколько резко он отмечает, что «когда европейцы, отказавшиеся первыми от смертной казни, утверждают, что эта мера безнравственна, то это утверждение справедливо лишь в том смысле, что между европейцами и остальными существуют определенные различия в понимании понятия нравственности вообще и применительно к этому виду наказания в частности». Совершенно правильное утверждение. Например, я считаю более безнравственным, даже кощунственным, за умышленное убийство 77 лиц назначение наказания террористу-националисту Брейвику в виде лишения свободы сроком на 21 год (с возможностью последующего продления срока еще на 5 лет). Исходя из простого арифметического расчета, мы можем констатировать, что европейское правосудие оценило причинение смерти каждой жертве Брейвика в 3,3 месяца лишения свободы. Не говоря уже о том, что убийца отбывает наказание в комфортабельной камере, состоящей из трех комнат, что фактически сводит на нет сущность наказания как кары. И другой пример. На днях в СМИ прошла информация об исполнении наказания в виде смертной казни И. Джафарзаде, насильнику и убийце семилетней девочки в Иране. Задаю риторический вопрос: в каком из двух случаев назначенное наказание соответствует тяжести совершенного преступления и, следовательно, мы можем говорить о достижении социальной справедливости?

И в заключение отмечу, что я полностью солидарна с главным выводом монографического исследования:

смертная казнь должна иметь место лишь в тех случаях, когда она необходима и полезна, и основным мерилom при отношении к смертной казни должен выступать именно принцип справедливости. Несправедливо содержать приговоренного за убийство двух или более лиц при отягчающих обстоятельствах к пожизненному лишению свободы за счет государственного бюджета, формирующегося, в том числе, и за счет средств родных и близких жертв преступления. Гуманность уголовного права должна проявляться не в отказе от принципа соответствия назначаемого наказания тяжести совершенного преступления, а в исключении смертной казни в отношении определенных категорий лиц (несовершеннолетних, женщин и престарелых) и в выборе гуманных способов смертной казни.

Как видим, несмотря на отмирание смертной казни, бессмертие этому виду уголовного наказания обеспечено. Еще не одно поколение философов, юристов, социологов, психологов, политиков будут отстаивать свое понимание «за» и «против» смертной казни, будут выдвигаться новые теории и издаваться новые научные произведения. И в этом ряду монография профессора Ильгама Мамедга-сан оглы Рагимова будет занимать достойное место ввиду своей научности и читабельности.

*У.Т. Самедова, доктор юридических наук, профессор кафедры
уголовного права и криминологии, заместитель декана
юридического факультета по научной работе Бакинского
государственного университета*

Прежде чем в человеке блеснула первая искра уразумения, почему
и для чего существует наказание, оно давно уже существовало и
действовало.

А. Ф. Кистяковский

ВВЕДЕНИЕ

История смертной казни, несомненно, есть история представлений человека об этом наказании. Хотя понятие смертной казни представляется, на первый взгляд, достаточно простым, доступным и понятным, не существует единого, общепризнанного для всех времен определения сущности и значения этого феномена. Мы часто не имеем ясного представления о тех сложностях, с которыми сталкиваются представители различных научных направлений при попытках точно описать этот вид наказания. И это вполне естественно, ибо в области уголовного права нет другой такой проблемы, которая хотя бы приблизительно могла сравниться с проблемой смертной казни в ее культурно-историческом значении. Никакой другой вопрос не представляет собой лучшего отражения народных мыслей, чувств и нравов любой эпохи, никакое другое наказание не связано так тесно со всеми фазами нравственного развития народа, как смертная казнь. Именно в этом наказании отражается, как в зеркале, индивидуальность народа, его спокойствие и страсти, развитие, то есть его душа. Если история не сохранила свидетельств о каком-либо народе, кроме масштабов применения и формы исполнения смертной казни, то и этого достаточно для того, чтобы сложилось ясное представление об уровне его нравственного и культурного развития на определенном этапе исторического процесса.

Смертная казнь как вид наказания — это многофункциональное, необычное средство в понимании греков или, по Канту, «вещь в себе». С одной стороны, это явление историческое, ибо смертная казнь как институт наказания создана не одним народом, не одной исторической эпохой, а является порождением всего человечества. С другой стороны, без философского осмысления невозможно постичь истинный смысл понятия и сущности смертной казни, поскольку именно на основе нравственных начал должны строиться границы,

содержание и цели любого наказания. При этом если рассматривать это наказание с точки зрения истории его развития, то нетрудно заметить, что фактически ее характер определялся и определяется ее «философией», которая постоянно меняется в зависимости от общего развития человеческой мысли в направлении все более гуманистического взгляда на содержание, практическое применение и исполнение смертной казни. Далее, не ограничиваясь теми данными, которые предоставляют нам история развития наказания вообще и смертной казни в частности, а также теоретическое философское познание этого феномена, возникает необходимость в целях более глубокого исследования привлечь данные социологии и психологии.

Одним словом, проблему смертной казни следует рассматривать и исследовать в широком контексте, во взаимозависимости исторических, религиозных, философских, социологических и психологических факторов. Как бывает в случаях тяжелой болезни, необходим «консилиум» с участием представителей различных наук. Общеизвестно, что ни по одной проблеме из области уголовного права,

да и не только уголовного, не написано столько книг, сколько о смертной казни. Ни один именитый философ не прошел мимо этой проблемы, не высказав своего отношения к этой высшей мере. Мы осознаем, что сказать что-нибудь новое о смертной казни — задача трудновыполнимая. Поэтому, включаясь в обсуждение этой сложной проблемы, не претендуем, естественно, на исчерпывающее изложение всех вопросов, а тем более на истинность и бесспорность своих взглядов. Наша задача более скромная — дать возможность читателю ознакомиться не только с нашими рассуждениями об этом сложном феномене, но и с основными позициями, существующими в научной литературе, чтобы предоставить возможность каждому ответить на вопрос: быть или не быть смертной казни? Мы понимаем, что сегодня удобно быть противником этого самого страшного, противного и необременительного для государства наказания. Однако даже самые выдающиеся ученые и мыслители, выступающие против этой меры, всегда высказывали свое мнение с определенными оговорками и сомнениями. Мы же, отрицая смертную казнь с точки зрения нравственного чувства, в принципе, все еще испытываем глубокие сомнения в бесполезности и несправедливости этой меры в противодействии жесточайшим умышленным убийствам, которые пока, к сожалению, имеют место в нашей современной действительности.

Глава I

ИСТОРИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

1. Автор «Позитивной философии» Огюст Конт высказал глубоко верную мысль: всякая концепция может быть правильно понимаема только тогда, когда известна ее история. Следовательно, осмысление сущности, значения смертной казни следует начинать с рассмотрения процессов зарождения и эволюции идеи этого исторического феномена. Хотя мы и придерживаемся того взгляда, что вопрос о зарождении и существовании смертной казни нельзя разрешать с теологических позиций, но, тем не менее, значение их при обсуждении этой проблемы не может быть оставлено без внимания, поскольку они тесно связаны с народными воззрениями на этот исключительный вид наказания, когда человек лишается жизни, данной Всевышним. Надо отметить, что обычаи и традиции, в отсутствие правовых норм, всегда освящались религией, обретая обязательную силу, узаконивались всеми религиями. Непререкаемость обычая поддерживалась языческой религией первобытного человека, по суеверию которого «тень убитого до тех пор не может найти покоя, пока убийца не будет умерщвлен»¹. Поэтому можно согласиться с

¹ Суд над смертной казнью / Под ред. М.Я. Кантора. М., 1912. С. 4.

утверждением о том, что религия опирается на традиции и обычаи, то есть на опыт сотен поколений, что придает их нормам сакральный характер и тем, как правило, превращает их в жесткий стандарт поведения, в обязательный для всех стереотип.

Тексты Божественных Посланий свидетельствуют, что обычаи и традиции сливаются с религией и получают Божественную санкцию в эпоху распада бесклассового общества и формирования государства. Подобные санкции были крайне необходимы для поддержания авторитета родовой знати. Таким образом, религия, овладев умами, превращалась в огромную силу и оказывала колоссальное воздействие на человека и общество, историю и культуру, быт и нравы. Естественно, она всегда не только влияла на характер наказания и его исполнение, но и имела право на его применение.

В.Г. Графский справедливо утверждает, что «религия оказала серьезное влияние на институт уголовного наказания, ибо уже в первобытном обществе наказания были тесно связаны с религиозными дозволениями и запретами»¹¹.

Было время, когда обида была личным оскорблением, а ответная реакция на это рассматривалась как грубая и ничем не сдержанная месть, которая соответствовала и одобрялась нравами того времени. Когда же эта обида (преступление) стала рассматриваться как оскорбление Божества, вот тогда реакция на нее стала примирением с Богом, очищением от греха, искуплением вины. С этого времени **основой** наказания, и особенно такой его формы, как смертная казнь, стали выступать уже не обычаи и традиции, а **религия**. Библейское видение картины зарождения и последующего развития этой меры исходит из того,

¹¹ Графский В.Г. Всеобщая история права и государства. М., 2001. С. 41.

что термин «смертная казнь» своими корнями восходит к Божьей Заповеди «смертью умрешь», а Книга Бытия является древнейшим ветхозаветным источником понятия наказания. Поэтому, без сомнения, истоки учения о мести обнаруживаются в религии, и первые попытки определения сути и основания смертной казни как наказания находятся именно в религиозных верованиях и источниках. Изучая Библию, Коран — великие и уникальные в человеческой истории Книги-Писания, — мы находим пласты идей, выражающие суть воззрений древнего человека на жизнь и смерть, убийство и преступление, кару и кровную месть.

Самые древние уголовные законы (законы Хаммурапи, Ману и др.) зафиксировали в качестве лишения жизни человека те деяния, которые уже давно существовали в жизни и вызывали реакцию общества. Поэтому можно констатировать, что эти законы фактически лишь в письменном виде установили смертную казнь, которая уже давным-давно применялась за убийство или воровство как опасные для сообщества деяния.

Г. Мейн пишет: «Нет буквально ни одной системы писаного права, от Китая до Перу, которая при первоначальном возникновении не включала бы в себя суммы религиозно-нравственных предписаний и ритуальных правил. О римском праве думали, что в нем светская и понтификальная юриспруденция с древней эпохи были совершенно обособлены. Но то немногое, что дошло до нас от законов Двенадцати таблиц, содержит в себе немало такого, что может быть отнесено именно к религиозному ритуалу»^{III}. При этом речь идет не только об официальных, признанных Божественных Посланиях, но и о религиозных учениях и идеях, без уяснения сущности и содержания, социальных

^{III} Мейн Г. Древний Закон и обычай. М., 2010. С. 4.

ролей и значения которых практически невозможно понять значимость института смертной казни и его становление в жизни каждого народа. Поэтому можно утверждать, что идея Божьей кары фундаментально повлияла на эволюцию идеи об этом наказании, которая создавалась на основе не только многовековых религиозных, но и национальных, исторических, психологических, социальных особенностей каждого народа. Влияние религии, религиозных источников, религиозного права, учений на становление и развитие идеи о смертной казни осуществлялось как прямым, так и косвенным способом.

В то же время сомнений в полезном, благотворном действии этого самого сурового вида наказания на религиозно-нравственное совершенствование человека у древних людей не было. И это они по-разному, как могли, выражали именно в религиозных системах. Хотя понятия «смерть» и «умереть» имеют одно и то же значение, однако в сочетании суть Божеской заповеди «смертью умрешь» приобретает совершенно другое, сложное содержание. С философской точки зрения, «смерть», так же как и «умереть», означает не отсутствие жизни, а ее окончание, завершение. С медицинской точки зрения, эти явления свидетельствуют о закономерном завершении жизни, то есть прекращении, полной остановке биологических и физиологических процессов жизнедеятельности организма вследствие старения, болезни, самоубийства, убийства, несчастного случая. Существует также религиозное понимание понятий «смерть» и «умереть»: завершение жизни человека — это не противоположность рождению, а неотъемлемая часть воскресения. Если рассматривать заповедь «смертью умрешь» с правовой, а точнее, уголовноправовой позиции, то можно установить, что Всевышний вкладывает в это словосочетание суть и цель того наказания, которое он применяет к Адаму. Бог не преследовал

цели умертвить его, ибо в таком случае Он заповедовал бы: «казню» или «убью», и наконец, «будешь казнен». Бог дал понять Адаму, что тот будет наказан за непослушание в виде «смертью умрешь», что означает, на наш взгляд, закончить жизнь на грешной земле. Таким образом, суть Божьего наказания в отношении Адама следует понимать как переход из бессмертия в смертную жизнь.

В Ветхом Завете, помимо Божьего постановления «смертью умрешь», используются и другие выражения: «Хулитель имени Господня должен умереть, камнями побьет его все общество» (Лев. 24:16); «Если кто будет прелюбодействовать с женою ближнего своего: да будут преданы смерти и прелюбодей, и прелюбодейка» (Лев. 20:10); «Кто убьет человека, того должно предать смерти» (Лев. 24:21); «Отдай душу задушу» (Исх. 21:23); «Всякий скотоложник да будет предан смерти» (Исх. 22:19); «Убей женщину и скотину; да будут они преданы смерти, кровь их на них» (Лев. 20:16); «Кто злословит отца своего или свою мать, того должно предать смерти» (Исх. 21:17).

Как известно, и богословы, и ученые-юристы всегда пытались выявить религиозные корни смертной казни как вида наказания. При этом, естественно, ссылаются на то, что в ветхозаветной истории человечества первым уголовно-правовым установлением считается библейская заповедь, постановленная Богом для Адама, после его поселения «в саду Эдемском»: «И заповедовал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2:16-17).

Именно это Божье установление принято связывать с началом уголовного законодательства, **смертную казнь** считать первоначальным видом наказания, а Библию —

в каком-то смысле историей человеческих преступлений и возникновения наказаний. Если исходить из такого логического объяснения Божьей заповеди, то следует прийти к выводу о том, что смертная казнь является наказанием, исходящим именно от Бога. В чем же сущность выражения «смертью умрешь»? Можно ли утверждать, что эта заповедь равнозначна по смыслу и содержанию понятию «смертная казнь»? Мы нигде в Божьих посланиях не сталкиваемся с понятием «смертная казнь», хотя понятно, что в любом случае выражение «смертью умрешь», так же как и перечисленные понятия, употребляемые Богом, имеют вид смерти и она от Господа, ибо именно Он впервые употребил это выражение, когда предупреждал Адама относительно запрета. Особенность же выражения «смертью умрешь» заключается не в том, что это понятие изначальное, самое первое, а в сущности и в порядке исполнения лишения жизни Адама. Богом понятие «жизнь» воспринимается гораздо шире — как полноценное духовное бытие, основанное на твердой вере в Создателя мира, покорности Ему, пребывании в постоянном внутреннем диалоге с Ним^{IV}. Поэтому выражение «смертью умрешь» обозначает духовную, а не физическую смерть от Бога, и рассматривается как «смерть для Бога», как «духовный разрыв человека» с Богом и лишение благодати Божьей. Именно так наказал Бог Адама, переводя его в иную, смертную жизнь, хотя мог тут же умертвить его. Можно ли считать это Божье наказание смертной казнью? Представляется, что такой «приговор» Бога напоминает ссылку на грешную землю с пожизненным заключением на этой территории без права на освобождение или помилование, где «осужденный» в конце-концов умирает

^{IV} Щедровицкий Д.А. Сияющий Коран. Взгляд библиста. М., 2016. С. 10.

своей смертью. Такое прекращение жизнедеятельности Адама в ссылке вряд ли можно назвать смертной казнью в современном понимании. Скорее, такое Божье наказание можно рассматривать как альтернативу смертной казни. Господь Бог, отправляя Адама в смертную жизнь как в заключение, тем самым ограничил его пребывание там физической смертью. Возможно, в этом есть проявление любви и милосердия к своему первотворению и отсутствие акта мести. А может быть, Бог изначально не намерен был наказывать Адама, а хотел проверить проявление присущих созданному Им человеку внутренней свободы, гордости и бесстрашия? По сути, поведение Адама есть свидетельство того, что Бог создал достаточно совершенное существо, способное к самостоятельному волевому выбору. Не умертвил Бог также Каина за убийство своего брата Авеля, а выгнал его вместе с женой из той местности. Это было второе Божье наказание в виде ссылки со смертью в библейской истории после его родителей. «И сказал ему Господь: за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его» (Быт. 4:15). Несколько позже потомок Каина, Лашех, высказывает эту же мысль в стихах, выражение которых очень темно, но цель очевидна. «Смерть Каина будет отмщена семь раз, а смерть Лашеха семьдесят раз». Как видим, месть еще не отменена Богом, Он сам заботится об отмщении.

Согласно еврейской религиозно-правовой традиции Господь освободил Каина от наказания «смертью умрешь», так как он принес жертву и тем умилиствовал Бога не слишком гневаться на него (Иосиф Флавий). Христианские ученые-правоведы полагают, что назначенное наказание Каин воспринял как чрезмерное, ни с каким иным, даже со смертью, не сравнимое, что подтверждается цит. *История смертной казни* : ■ татой из Священного Писания: «И сказал Каин Господу: наказание мое больше, нежели снести можно» (Быт. 4:13). Это

наказание воспринимается как более суровое, чрезвычайное, исключительное, потому что Бог впервые произносит **проклятие** человеку именно за братоубийство, тем самым утверждая, что преступление Каина страшнее первородного греха прародителей, а значит, соответственно, его наказание больше, нежели изгнание из рая в смертную жизнь.

После Всемирного потопа, когда в результате Божьего наказания водами потопа «истребилось всякое существо, которое было на поверхности земли; от человека до скота, и гадов, и птиц небесных, все истребилось с Земли: остался только Ной и что было с ним в Ковчеге» (Быт. 7:23), наказанию смертью подверглись огромные массы грешников, так же как в Содоме и Гоморре. После потопа, как это следует из Библии, Бог через Ноя, в качестве патриарха и родоначальника нового поколения, отправляет людям положение нового закона, в котором, в частности, говорится: «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию» (Быт. 9:6). Впервые Богом четко выражен юридический, уголовно-правовой, Божественный запрет, наложенный Законодателем на человека после грехопадения. С этого момента частная месть воспрещается религией и прямо заменяется наказанием, налагаемым от имени общества.

Теперь, после некоторых разъяснений, попробуем сделать ряд выводов. Начнем с того, что слова «смертью умрешь» нельзя понимать буквально, как наказание в виде смертной казни. В связи с этим Вольтер писал: «В Книге Бытия даже не сказано, что Бог осудил Адама на смерть за то, что он проглотил яблоко. Правда, он сказал: “Ты обязательно умрешь «в день, когда вкусишь от него»”, но, согласно этой же Книге Бытия, Адам прожил 930 лет после

этого преступного завтрака»^V. Поэтому, с точки зрения «бессмертности человека», каковая предназначалась Адаму, назначенное наказание можно считать пожизненным осуждением заслушание Богу, с отбыванием на смертной грешной земле.

Смерть как наказание, указанное в санкции заповеди «смертью умрешь», следует рассматривать как смерть духовную, ибо с правовой точки зрения смерть — лишение человека физической жизни путем казни, а казнь — это уголовно-правовой, а не библейский термин, обозначающий справедливое воздаяние за совершенное преступление от имени соответствующей организации или должностного лица. Именно поэтому термин «казнь» используется только в выражении «смертная казнь».

Исходя из библейской истории, можно заключить, что у Бога, помимо санкции «смертью умрешь», имелись также и альтернативные виды наказания, которые Господом в Библии не упоминаются: пожизненное заключение, ссылка, каторжные работы. Впервые в ветхозаветной истории человечества после Всемирного потопа появляется норма, предусматривающая наказание за убийство в виде смертной казни, которое применяется уже не исключительно Богом, как это было ранее в Содоме и Гоморре, а человеком, так как, согласно Библии, «право» наказывать смертью Бог долгое время оставлял за Собой и использовал данное наказание только в качестве кары за преступление против Бога.

Изначально, в допотопный период библейской истории возможность наказания человека человеком за преступление смертью не предусматривалась. Месть запрещалась даже за совершение убийства, а право человека

^V *Вольтер*. Из философского словаря. Бог и люди. Вопросы о чудесах. М., 2010. С. 164.

наказывать себе подобного смертной казнью дается ему Богом уже после Всемирного потопа. А это означает, что источником и началом кровной мести в истории человечества является именно Божественное одобрение и благословение. Поскольку главной идеей ветхозаветного законодательства является святость человеческой жизни, то наказанием за убийство первобытных рас была **смерть**. Это было узаконено религией древних евреев (Исх. 21:12). Следовательно, сущность наказания в виде смерти — возмездие. «Кто сделает повреждение на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал: перелом за перелом, око за око, зуб за зуб» (Лев. XXI, 19:20). А из этого следует, что смертная казнь является наказанием, исходящим от Бога, а заповедь «не убий», на которую, как правило, ссылаются противники смертной казни, адресована людям и напоминает о греховности таких деяний, в результате чего человек становится проклятым Богом.

Исследуя вопрос о времени появления запрета на убийство, некоторые авторы, ссылаясь на историю с Каином: «Сделал Господь (Бог) Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его» (Быт. 4:15), считают, что запрет на убийство, на казнь существовал задолго до заповеди «не убий». Другие полагают, что история с Каином, а также библейский рассказ о чуть более поздних событиях, связанных с потомком Каина — Лашехом, который, по преданию, в результате несчастного случая во время охоты причинил смерть Каину⁶, не могут использоваться для подтверждения тезиса о существовании запрета на убийство до законодательства Моисея.

Мы не собираемся оспаривать тезис П.А. Юнгера- ва о том, что в любом случае, нарушив закон Божий — закон жизни, теперь «со времени грехопадения человек подчинен закону смерти»¹, а также учение современной христианской антропологии, доказывающее существование смертной казни

⁶ Хотя имеется и другая версия гибели Каина.

для человека не только необходимым следствием его грехов, но и благодарениями к грешнику^{7 8}. Эти утверждения имеют под собой чисто религиозное основание. Логика рассуждений, а также глубокий анализ законодательства Моисея подсказывают нам, что заповедь «не убий» появляется одновременно со смертной казнью, как ответной реакцией на убийство человеком человека, то есть тогда, когда это деяние не только стало общественно опасным для первобытных людей, но и приобрело социальный, не случайный характер. Поэтому библейская заповедь «не убий» из религиозного догмата относится не к использованию смертной казни как наказания в отношении преступников, а к лицам, которые умышленно совершают убийства в отношении членов общества. Именно поэтому смертная казнь, основанная на постулате «душа за душу», принимается древним обществом в целом, соответствует его представлениям о нравственности и справедливости, учитывает степень «жестоковыйности» народа.

Удивительно, что процесс зарождения и эволюции смертной казни у всех народов подвержен одинаковым переменам, хотя эти народы и отделяют огромные расстояния, различные условия и обстоятельства их исторического развития, исключающие и устраняющие всякое предположение о возможности прямого заимствования. Иначе говоря, можно думать, что у различных народов история возникновения и эволюции этого наказания следовала по одному и тому же пути и прошла одинаковые

⁷ Юнгеров П.А. Учение Ветхого Завета о бессмертии души и загробной жизни. Киев, 2006. С. 45.

⁸ См.: Добросельский В.В. О полемических аспектах происхождения, грехопадения и цели земной жизни человека. М., 2009. С. 309.

ступени развития, в чем мы убедимся в дальнейшем нашем исследовании. А это означает, что ни один народ не может присвоить себе институт смертной казни, считая ее своим национальным и самобытным творением. Греки, римляне, кельты, персы, евреи, индусы, славяне, кавказцы и вообще все остальные народы имели на самом деле одни и те же понятия и представления о смертной казни, хотя и воплощали их не всегда одинаковым способом. Если в какое-либо время и обнаруживалась разница в понимании сущности и целей этого наказания, то только потому, что процесс эволюции идеи о смертной казни у одних народов шел быстрее, чем у других. Так, например, когда европейцы, отказавшиеся первыми от смертной казни, утверждают, что эта мера безнравственна, то это утверждение справедливо лишь в том смысле, что между европейцами и остальными народами существуют определенные различия в понимании понятия нравственности вообще и применительно к этому виду наказания в частности. И это не потому, что европейцам удалось избавиться от применения смертной казни, которая в истории европейских народов, как нам известно, была более распространена, чем у других народов, а потому, что они первыми начали задумываться о нравственной стороне этого наказания, о его сущности и целесообразности. Как же происходил процесс зарождения и эволюции смертной казни у разных народов, с различными традициями и обычаями, а впоследствии и с неодинаковыми религиозными верованиями? Какова роль религии в этом историческом процессе?

1.2. Современные ученые-правоведы отмечают родство **Моисеева и уголовного законодательства**, а Книгу Исхода называют главным источником уголовно-правовых норм христианства. При этом они исходят из того, что законодательство Моисея восстанавливает в человеке Богом

данный природный закон. Иудейская и основанная на ней христианская уголовно-правовые доктрины исходят из убеждения, что Бог — главный автор всей описываемой в Пятикнижии древней системы уголовных наказаний, в том числе смертной казни, получившей обобщенное название Моисеева законодательства по имени проводника этих запретов, санкций в народную среду.

Вообще, законодательство еврейского народа представляет особенное явление, так как на протяжении существования этого народа оно не только не исчезло, как у многих народов, а, наоборот, совершенствовалось и дополнялось устными преданиями и юриспруденцией. Даже римское завоевание, разрушение Иерусалимского храма, уничтожение огромного числа евреев и рассеяние остальных не смогли подавить дальнейшее развитие законодательства Моисея. Казалось, что еврейский закон исчезнет совсем, как исчез Карфаген. Наоборот, именно этот закон стал подготовкой для закона Христа, который не отвергает законодательство Моисея, но усовершенствует его, обновляя одновременно и природный закон.

Смертная казнь, по закону Моисея, рассматривается, в первую очередь, как наказание Богом за прегрешения. При этом мотивом правопослушного поведения является **страх наказания**. «Страх наказания — мотив намного сильнее, чем жажда награды» (Сефер Хасидел).

По своей жестокости ответственность за нарушение положений Закона может произвести удручающее впечатление на современника. Смертная казнь была установлена за все тяжкие преступления: идолопоклонство и богохульство, продажу свободного в рабство, изнасилование и прелюбодеяние и вообще за преступления против нравов. Однако следует учитывать, что общественное сознание древнего народа вполне было адаптировано к установленной строгости. Кроме того, и чрезвычайные условия,

связанные с освоением «земли обетованной», требовали соответствующей дисциплины и строгости.

Во все времена странствования израильтян действовали необыкновенно строгие законы, немилосердно карающие смертной казнию каждого нарушителя религиозных или общественных установлений, так как нужно было приучить народ к точному исполнению закона, данного на Синае, и потому всякие нарушители приговаривались к смертной казни беспощадно. Воровство, колдовство, преступное бездействие в виде неисполнения требования об обрезании, безнравственные деяния и т. д. сурово наказывались смертью как преступное пренебрежение милостью Божьей. Так, преступно безнравственными и караемыми смертью признаются в Ветхом Завете действия Онана, который женился на жене своего покойного брата. Книга Чисел приводит точные данные о количестве подвергнутых смертной казни за поклонение чужому Богу. «Умерших же от поражения было двадцать четыре тысячи» (Числа. 25:9). Как известно из Книги Исхода, когда-то при горе Синай левитами по приказу Моисея были казнены около трех тысяч израильтян, предавших Господа и поклонившихся другому идолу — золотому тельцу. В израильском законе человек всегда ценился несравненно выше какого бы то ни было имущества, ибо из всех Божьих творений только он один был создан по образу Творца. Поэтому убийства наказываются по общему правилу смертной казнию. «Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти» (Исх. 21:12).

Следует особо подчеркнуть стабильность Моисеева законодательства и последовательность применения смертной казни. Так, например, система наказаний, по Книге Левита, традиционно схожа с тем, как данный институт был регламентирован в Книге Исхода, ибо также широко применяется смертная казнь за подавляющее большинство преступных деяний.

В Книге Чисел, так же как и в предыдущих книгах, по-прежнему лидирующее место в системе наказания занимает смертная казнь с дифференциацией способов исполнения. Способы исполнения этого наказания, как правило, побивание камнями, повешение. Для более эффективного психологического устрашения применяется сожжение. За умышленное убийство допускается также кровная месть. Итак, устрашение людей через угрозу смертной казни мыслилось библейским законодательством в Пятикнижии Моисея самым эффективным средством сдерживания преступных проявлений.

1.3. Христианская точка зрения по отношению к смертной казни выступает решительно против Моисеева закона. Утверждается, что раз смертная казнь возникла из естественного человеческого чувства мести дохристианской эпохи, значит, она не может быть оправдана христианской этикой. Так, А. Бернер пишет: «Как может защищать смертную казнь христианин, когда казнь Спасителя должна служить поводом к вечному и громогласному протесту против смертной казни?»^{IX}

Итак, в учении Иисуса Христа была поставлена точка в вопросе человеческой мести и смертной казни как возмездия: христианство более определенно и последовательно, чем иудаизм, отказывает людям в праве вершить месть и возмездие. Христианское учение закрепляет право лишать человека жизни за Богом и только за ним по принципу «наказание с любовью», который означает, что Бог наказывает нас потому, что любит людей. Иисус вовсе не отрицает суровость Бога. Он говорит, что если Бог является суровым, то только потому, что он является любящим. Бога делает Богом именно любовь, милосердие. «Итак,

^{IX} Бернер А. О смертной казни. СПб., 1865. С. 13-14.

будьте милосердны, как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6:36). Для Бога каждый христианин — свой, Он — Отец наш, а мы все — братья и сестры, члены единой, связанной духовными узами семьи. «Наказание Господне, сын мой, не отвергай и не тяготись обличением его; ибо кого любит Господь, того и наказывает и благоволит к тому, как отец к сыну своему» (Притчи Соломоновы. 23:13-14).

Таким образом, христианское этическое требование было иным, чем иудейское: «отвечай на зло добром», «не старайся побеждать злым злое», «не противься злему». Соответственно, суть наказания должна была быть иной. Именно в вопросе о сущности наказания, и в первую очередь смертной казни, наблюдается противоречие между иудаизмом и христианством. Иисус многократно в разных ситуациях говорит о своем отношении к закону Моисея. Наиболее полно и конкретно он формулирует его в Нагорной проповеди, в пятой главе (стихи 21-48) Евангелия от Матфея. В частности: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5:38-39).

В принципе, наказание в виде смертной казни Евангелием не отвергается. Разумеется, проведение его в государственной жизни настолько отличается от евангельского отношения к виновному, насколько различаются задачи и условия деятельности государства и церкви. Моисеев закон создан был суровой жизнью и, естественно, должен был к ней приспособиться. А христианская мораль рисует идеалы, к которым все должны стремиться, но которых никто не достигает. Призыв Христа: «Не судите, да не судимы будете!» в то время был обращен не к населению, не к большой массе, а к отдельным людям. Поэтому Иисус, скорее всего, имел в виду не суд в значении правосудия, а свойственные людям пересуды житейские, бытовые, человеческие.

Отрицающие или отвергающие смертную казнь, как правило, ссылаются на то, что она не соответствует учению Христа, а также Евангельским заповедям. Поэтому христиане нравственно обязаны совершенно и бесповоротно отказаться от этого наказания. Н. С. Таганцев писал: «Да и как шатки основания, на которых покоятся теории воздаяния или возмездия! Если ссылаются на божеский закон, требующий воздаяния “око за око”, то забывают, что мы живем не в ветхозаветном, а христианском мире, где нет места возмездию, где основой морали должны быть положены начала примирения и прощения»^х. Главные доводы следующие: зло рождает зло; как огонь не может потушить огонь, так зло не может подавить зло; движение человечества вперед совершалось не с помощью подавления зла злом, а с помощью воздаяния добром за зло; мы не знаем, какое зло является большим, то ли то, которое мы устраняем, или то, которое причиняем. Для ума верующего человека это весьма соблазнительно, но только на первый взгляд. На самом деле, Евангелие, имеющее для христианина особенное значение, дает образ нравственного совершенства, но не содержит в себе политического учения. Оно не отрицает и не утверждает какой-либо государственный строй, не запрещает, но и не повелевает наказывать людей, совершивших преступление. Что касается Христа и его отношения к наказанию, и в частности к смертной казни, то Новый Завет (Евангелие) содержит данные, указывающие лишь на то, что Иисус исправлял некоторые положения Ветхого Завета. В частности, по существу отменил принцип талиона «око за око, зуб за зуб». Однако эти исправления не относятся к основе Священного Писания — 10 заповедям Моисея. Именно поэтому никто не отрицает, что в основе христианства лежит именно

^х Таганцев Н.С. Смертная казнь. М., 2016. С. 19.

Ветхий Завет. Кроме того, христианство поддерживает воздаяние за преступление, не предусматривая прощения преступникам, а тем более убийцам.

Иисус Христос никакого запрета на применение смертной казни не налагал, а людям вообще никогда ничего не запрещал, не проявлял власти, хотя всегда говорил и учил «как власть имеющий» (Мф. 7:29). Это можно даже усмотреть в случае с женщиной, виновной в прелюбодеянии, на который очень часто ссылаются противники смертной казни. Как известно, с этим фактом к Христу пришли книжники, то есть законодатели, и толкователи законов — фарисеи, к которым люди обращались за разъяснением законов Моисея. С какой целью они пришли к Иисусу Христу? Складывается мнение, что это была своего рода провокация, а мягко говоря, искушение, чтобы найти против Иисуса Христа улики, если он будет отговаривать их от убийства, что означает выступать против Закона. Однако Христос разгадал их замысел. И когда его спросили, следует ли побить женщину, виновную в прелюбодеянии, как велит закон Моисеев, он ответил: пусть первый бросит в нее камень тот, кто чувствует себя безгрешным. Можно ли из этого высказывания делать вывод относительно его отношения к смертной казни и к наказанию вообще? Р.А. Папаян, комментируя этот случай, считает, что Христос не позволил предать смерти блудницу, поскольку «израильтяне искажали закон, неверно цитируя Моисея», в том смысле, что побивать такую женщину камнями по закону было нельзя, ибо слово «смерть» в законе «фигурировало без всякой конкретизации, а значит, не является санкцией на казнь»^{XI}.

^{XI} Папаян Р.А. Христианские корни современного права. М., 2002. С. 44-45.

Т.П. Буткевич, говоря в Государственном совете России о противниках смертной казни, ссылающихся на учение Христа, выразил сожаление, что слышал от них такие ссылки. Он обвинил сторонников отмены этого наказания в подтасовке христианского учения, доказывая абсурдность таких тенденциозных выводов. В частности, он говорил: «Напрасно ссылаются на то, будто Христос осуждал смертную казнь, так как Он проповедовал, что царство Его не от мира сего. В Евангелии Христос ничего не возражал против смертной казни. Вы не встретите ни одного интеллигентного еврея, который бы вам сказал, что его религия запрещает смертную казнь». Бесспорно одно: учение И. Христа проникнуто духом любви и снисхождения к человеку. Его Бог есть Бог любви и милости, желающий исправления падшего человека. Но это абсолютно не означает, что христианский Бог и Иисус Христос отрицают наказание, в том числе смертную казнь. Апостол Павел говорит: «... ибо начальник есть Божий слуга тебе на добро... Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч...» (Римл. XIII, 4). А это означает, что правитель-христианин не может сомневаться в том, что, карая, он поступает согласно воле Бога.

Немалое влияние на судьбу смертной казни в Европе оказала христианская церковь. Еще при Феодосии Великом в конце IV в. в католической церкви появляется смертная казнь за религиозные преступления. Представители духовенства пропагандировали в законодательных учреждениях Западной Европы идею смертной казни и ее «божественного установления». В защиту этого наказания выступали и французские священники. Например, пастор Абру, защищающий смертную казнь во Франции, видел в этом наказании эффективное средство заставить преступников склониться к христианской религии. Одним словом, можно привести огромное количество примеров,

когда христианское духовенство во все времена с особой силой защищало смертную казнь. Достаточно отметить, что Фома Аквинский оправдывал смертную казнь для еретиков на том основании, что загрязнять веру, которая является жизнью души, гораздо более серьезное дело, чем подделывать деньги, поддерживающие жизнь. Поэтому если справедливо отправлять на смерть фальшивомонетчиков и других преступников, то с еретиками следует поступать аналогичным образом.

Русская Православная церковь считает, что особая мера наказания — смертная казнь — признается в Ветхом Завете. Указаний на необходимость ее отмены нет ни в Священном Писании Нового Завета, ни в Предании и историческом наследии Православной церкви. Поэтому христианская доктрина не осуждает и не запрещает применения смертной казни.

Кто знает, может быть, современная христианская Европа не стала бы такой, какая она есть сегодня, без смертной казни, если в европейских странах в период их становления и духовного развития не действовали бы жесткие наказания за многие преступления, включая лишение жизни, так же как и сегодняшние евреи не были бы такими, какими они есть сейчас, если в свое время Моисей не применял бы в отношении своего народа жесточайшие законы и наказания.

1.4. Мы используем понятие «**мусульманское право**», так как оно существует только для народностей, исповедующих религию ислама, несмотря на происхождение этих народностей. Для всего, что касается очищения и омовения, молитвы, десятины, поста, поклонения святым местам, ислам находил правила из Корана. Мусульмане, независимо от этнического происхождения, не могли отступать от этих правил. По вопросам уголовным, института наказания имеются лишь неполные, смутные, иногда противоречивые указания. Это и явилось основанием и причиной формирования

~~мусульманского уголовного права, которое создавалось не~~ законодателем, а авторитетом ученых и знатоков ислама. Наиболее известные из них — Абу Ханифа (умер в 767 г. в Багдаде), Малик ибн Анас (умер в 795 г. в Медине), Хафен (умер в 819 г. в Каире) и Ганбал (умер в 855 г. в Балх, в Аравии) — являлись творцами мусульманского права вообще и уголовного в частности, как прежде них М. Сабин и М.А. Лабенон были творцами римского права. Из каких источников черпали юристы ислама свои доктрины? Коран, предание, древние арабские нравы предоставляли им лишь некоторые элементы. Можно утверждать, что для создания института наказания они многое заимствовали из римского уголовного права. Скорее всего, среди арабских ученых было распространено знание римских уголовных законов, кодифицированных Юстинианом, так как некоторые теории мусульманских юристов в области наказаний представляют сходство с римскими идеями в этой области. В целом мусульманское уголовное право имеет лишь исторический интерес, поскольку в настоящее время оно отменено во многих странах европейской ориентации. Свидетельством тому является отмена смертной казни.

В самом Коране понятие «смертная казнь» отсутствует. Тем не менее она существует в Священном Писании и в Хадисах в качестве возмездия под другими наименованиями. «Воистину, те, которые сражаются против Аллаха и Его посланника и стремятся сотворить на земле нечестие, в воздаяние должны быть убиты или распяты, или у них должны быть отсечены накрест руки и ноги, или они должны быть изгнаны из страны. Это будет для них позором в этом мире, а в Последней жизни для них уготованы великие мучения» (Коран. Сура 5:33).

Вместо термина «смертная казнь» посланником Аллаха употребляется также понятие «проливать кровь». Со слов Абдуллаха ибн Масуда, посланник сказал: «Проливать кровь мусульманина, который свидетельствует, что нет божества, кроме Аллаха, и что я — посланник Аллаха, можно в трех случаях: если он совершил прелюбодеяние после того, как вступил в брак; если он убил человека и если он отрекся от веры и откололся от общины». Этот хадис передали Ахмад, аль-Бухари, Муслим, ат-Тирмизи, Абу Давуд, Ан-Насаи и Ибн Маджа. Достоверными также считаются слова Аиши о том, что посланник Аллаха сказал: «Убивать мусульманина можно...»

Существует также хадис, где Пророк Мухаммед употребляет для обозначения наказания слово «казнить». Передают, что Абу Бакр б. Мухаммад б. Амр б. Хазм рассказывал со слов своего отца, а тот — со слов своего отца, что Пророк отправил в Йемен послание, в котором было написано: «Если доказано, что человек предумышленно и несправедливо убил правоверного, то его надлежит **казнить** (выделено нами — *И.Р.*)».

В любом случае, в каком бы виде в Коране и Хадисах не употреблялось наказание — в виде распятия, убийства, казни, побития камнями, — оно всегда связано с лишением человека жизни, основанном на идее возмездия. Это важнейший и основополагающий принцип, на котором построен институт смертной казни: «И воздаянием зла — зло, подобное ему» (Сура 42:40); «Мы предписали им в нем: душа — за душу, око — за око, нос — за нос, ухо — за ухо, зуб — за зуб, а за раны — возмездие» (Сура 5:45). Таким образом, так же как Декалог и Нагорная проповедь, Коран признает справедливость смертной казни, то есть равное воздаяние, прямо ссылаясь на Моисеев закон. Коран выражает ту истину, что добро заключает в себе награду, а зло — наказание.

Следовательно, оставаясь в рамках этики и логики, Аллах считает невозможным помыслить себе, чтобы за зло воздавалось не злом, то есть добром. Талион, который существовал раньше, по Корану, является как бы средством борьбы против насилия; он сужает насилие. Поэтому талион оправдан как ограничение насилия между людьми, то есть это не самоцель. Именно за отступление от требования «не убивай» предусмотрена в виде наказания смертная казнь по принципу «отвечать убийством за убийство». Поэтому Коран не столько предписывает возмездие за убийство, сколько принимает его как правовую реальность, с целью ограничения убийств между людьми: «Кто убил душу не за душу или не за порчу на земле, тот как будто бы убил людей всех. А кто оживил ее, тот как будто бы оживил людей всех» (Сура 5:35). Нельзя забывать, что Коран обусловлен временем и обычаями народа, среди которого он возник, что отразилось на конкретном материале и формулировках нравственных норм. По содержанию Корана можно судить о нравственном уровне арабов того времени, о прошлом этого народа, об их обычаях и традициях. Наказание в виде смертной казни по Корану, естественно, не могло не соответствовать этим нравам. В то же время оно было направлено на борьбу с отжившими обычаями и традициями. Поэтому необходимо было такое суровое наказание, но уже основанное на новых нравственных началах.

Представители других религий, особенно на Западе, очень часто задаются вопросом: почему ислам предусматривает жестокие наказания, частое применение смертной казни? **Во-первых**, наказание в Коране по своей сути такое же, как и в законодательстве Моисея и Библии, — **возмездие**. Достаточно вспомнить политику применения смертной казни в средневековой Европе. **Во-вторых**, как известно, нравственная норма может легко трансфор-

мироваться в правовую. Это наиболее ярко проявляется в мусульманском праве, основанном на Коране. Такая динамика выражает особенность исламского правосудия. **В-третьих**, «жестокость, — справедливо подметил В.Г. Беспалько, — есть явление, не подлежащее раз и навсегда данному четкому определению, ибо представление о ее содержании всецело зависит от господствующей в обществе системы моральных ценностей»^{хп}.

1.5. Древнейший первообраз европейского права вообще и уголовного в частности находится в Индии. Движение его можно проследить начиная с Браманских кодексов, с Авесты и заканчивая окраинами Европы.

Индусские священные законы также оказали громадное влияние на становление и эволюцию учения о смертной казни, которое, безусловно, было основано на религиозных принципах этого народа. Вместо первобытных обычаев, встречающихся у всех древних индоевропейских народов, браманы создали религиозное законодательство.

Согласно **древнеиндийской религиозной традиции** человек очищается наказанием, возвращается к праведной жизни после духовного падения, греха. **Очищение и спасение** — вот два религиозных столпа, на которых зиждется понятие наказания в человеческом мире. Следовательно, наказать — значит очистить человека от греховной скверны, спасти его душу от гибели. А из этого следует, что понятие наказания у индусов проникнуто **религиознонравственным смыслом**.

Именно к такому выводу можно прийти после знакомства с древнейшими юридическими текстами древнеиндийских памятников «Нарада» и «Яджнавалкия», а также

^{хп} Беспалько В.Г. Ветхозаветные корни уголовного права в Пятикнижии Моисея. СПб., 2005. С. 250.

•
Ййд

'Г ==_==_==^_____ книг Ману¹ и Вишну^{13 14}, Глава I

происхождение которых, несомненно, связано с влиянием религиозных верований. Они называются книгами законов, главным образом, потому, что содержат в себе правила поведения, определенные с величайшей точностью. Какое наказание постигнет человека, не повинующегося этим правилам? Иначе говоря, какова санкция в этих законах? Основаны ли они на религиозных началах?

Именно в характере наказаний можно увидеть религиозное содержание этих юридических трактатов. Суть наказания принадлежит к совершенно другой области бытия — **покаянию**, то есть человек должен карать себя здесь для того, чтобы не подвергнуться худшему в другой жизни. Например, он обязан три раза бросаться в огонь или идти на битву и сделать из себя мишень для врагов. Все зависит от того, какое им совершено преступление. Так, за тяжкое преступление он обязан был сжечь себя. Иными словами, эти законы давали возможность самим преступникам-грешникам исполнять предусмотренное в них наказание, в том числе смертную казнь.

Законы Ману и Вишну практический смысл смертной казни видят в защите людей честных и слабых от преступников и сильных. В основе этого положения лежит религиозная идея, которая рассматривает наказание не только как сильнейшее средство восстановления Божественной гармонии, нарушенной в результате преступления, но и как осуществление основ справедливости. «Наказание правит всеми людьми, наказание же охраняет; наказание бодрствует, когда все спят; мудрые объявили наказание воплощением дхармы... Если бы царь не на-

¹³ Вильям Джонс относит появление Ману к 1280 г. до Р.Х.

¹⁴ В так называемом кодексе Вишну говорится, что он был про'
диктован одним из лиц индусской Троицы Богинь Земли.

лагал неустанно наказание на заслуживающих его, более сильные изжарили бы слабых, как рыбу на вертеле» (Законы Ману).

Как видим, лишение жизни в виде смертной казни понимается как могучее средство, необходимое для поддержания порядка, справедливости и спокойствия. За счет каких качеств это наказание обладает такой силой? Разумеется, оно может выполнять эти функции, имея свойства устрашения. Поэтому индуизм абсолютно был убежден в справедливости и нравственности смертной казни как устрашения. По поводу наказаний в будущей загробной жизни человека, индусские верования предусматривали, что переселение души имеет такое же важное значение, как прямые награды и наказания, которые во всех своих формах признаются по своему существу не вечными, а временными. Станет ли человек в будущей жизни растением, пресмыкающимся, птицей, женщиной, браманом, мудрецом, зависит от него самого, от того, как он себя ведет в этой жизни: если человек в реальной жизни не смыл пятно надлежащим **покаянием**, то он будет одной из самых низких тварей; если же он умер чистым, то может достигнуть высшей ступени человечности. Поэтому только путем устрашения возможно направить людей на хорошие поступки в этой земной жизни, хотя угроза направлена на будущее и наступит в другой жизни.

Закон Вишну, в частности, гласит: «Преступники высшей категории переселяются преемственно из одного растения в другое, проходя все виды растительного царства. Виновные в смертном грехе переселяются в тела червей и насекомых. Лица, совершившие меньшие поступки, переселяются в тела птиц. Преступники четвертой категории обращаются в водных животных. Те, которые совершили

преступление, ведущее к изгнанию из касты, переселяются в тела земноводных» (Вишну. X-VI. 2).

Яджнавалкия — более поздний кодекс по отношению к кодексу Ману. Треть этой книги, то есть 100 последних статей, содержит в себе весь уголовный кодекс. Закон сохранил телесные наказания для убийц и воров. Наказание ужесточается в случае повторения преступления. Неумышленное убийство не подлежит никакому наказанию. Смертная казнь предусмотрена за преступление против царя или государства.

Институт **Наряды** представляет самый поздний по времени появления и, может быть, самый важный из браминских кодексов. Оставляя в стороне религиозную часть, то есть все, что относится к катехизму и ритуалу, Нарада рассматривает исключительно юридическую часть закона и старается обосновать ее путем логики. В отличие от закона Яджнавалкия уголовные законы занимают немного места в Нараде. Насилие бывает трех родов. Два первых имеют своим объектом имущество и наказываются штрафом. Насилие третьего рода направлено против человеческой жизни и влечет за собой, смотря по обстоятельствам, телесное наказание или даже смерть.

1.6. В отличие от древнеиндийской традиции, где смертная казнь рассматривалась как справедливое возмездие за совершенное преступление, в **Китае** она выступала и сейчас выступает в качестве средства поддержания порядка в государстве для сохранения государственной власти по принципу: «Лучше наказать несколько невинных, чем пропустить одного злодея». Становление и развитие института смертной казни в Древнем Китае связано с **буддизмом** — учением, раскрывающим суть праведной жизни. Его цель — сделать поведение человека более совершенным, добиваться гармонии в отношениях с самим

собой и с другими. Будда¹ является родоначальником одной из мировых религий, и культурное освоение его образа продолжается на протяжении двух с половиной тысяч лет.

Будда призывал учеников искать спасения своими силами, не полагаясь на богов. Поэтому для буддизма характерна тенденция к ограничению роли и масштабов смертной казни как наказания, так как это средство не способствует совершенствованию человеческой сущности. Преступление, по буддизму, — болезнь, учение — лекарство, Будда — врач. Следовательно, бороться с преступными проявлениями следует не лишением жизни преступника, а учением Будды, которое важнейшей целью уголовной политики считает не наказание человека, а его исправление и перевоспитание, возвращение преступников в лоно буддистских духовных и этических ценностей. Будда говорил: «Мой закон есть закон милости для всех». «Все дрожат перед наказанием, все боятся смерти — поставьте себя на место другого. Нельзя ни убивать, ни понуждать к убийству... Кто добрым делом искупает сделанное зло, тот освещает этот мир, как луна, освобожденная от облаков... Неделание зла, достижение добра, очищение своего ума — вот учение просветительных...»^{15 16}

Как видим, по сравнению с другими мировыми религиями, буддизм выделяется более высокой степенью гуманизма и нравственности. Но как это отразилось на институте смертной казни? Влияние буддизма на этот институт

¹⁵ Слово «будда» означает «просветленный», «пробужденный» и является нарицательным именем человека, достигшего наивысшей мудрости. Сиддхартха Гаутама (Шакьямуни) — не первый будда и не последний. Тем не менее Будда стало его собственным именем. Собственно, и учение называется буддизмом в двух смыслах: и потому¹, что оно основано Буддой, и потому, что оно учит, как стать буддой

¹⁶ См.: *Лафитский В.И.* Сравнительное правоведение в образах права: В 2 т. М., 2011. Т. 2. С. 191.

«К в странах, исповедующих эту религию, в силу особенностей их историко-политического развития различно. В раннем периоде государственности и правовой системы в этих странах превалировали религиозные нормы, а порой, они даже заменяли нормы уголовного права. Иными словами, отношение человека к смертной казни основывалось на разработанном Буддой подробном восьмиступенном пути, методе достижения истины и приближении к нирване.

Поэтому поведение человека не регулировалось существованием смертной казни, а заключалось в соблюдении буддистами восьми правил (ступеней, состояний), которые не определены в каком-либо письменном источнике. Они воспринимаются буддистами как «некие обычаи», передаваемые из поколения в поколение. Соблюдая указанные правила, в том числе непричинение боли другим, воздержание от дурных поступков, преступлений, человек достигает высшей формы жизни. Следовательно, для таких людей существование смертной казни смысла не имеет, ибо они соблюдают эти правила не в силу боязни перед лишением жизни, а в результате постижения истины о необходимости правильного поступка в образе жизни.

Итак, завершая дискурс по вопросу о религиозном происхождении, становлении и эволюции идеи о смертной казни, можно отметить, что для древних людей лишение жизни человека за определенные деяния понималось как одобренная Богом мера, как Божеское благословение, как начало торжества справедливости.

Что касается религии как нормативно-этической системы, то, безусловно, она составляла нравственную основу и неисчерпаемый резерв развития института смертной казни. Нравственно-религиозный уровень народов, естественно, не мог не оказывать воздействия на характер этого наказания на каждой стадии его исторического разви-

тия. Поэтому можно утверждать, что сущность наказания в виде лишения человека жизни, в принципе, всегда соответствовала существующим нравам и господствующим религиям, развиваясь и меняясь с развитием и совершенствованием народов. А это означает, что эволюция идеи о смертной казни у народов с различным уровнем развития проходила по-разному, поскольку, помимо обычаев, традиций, у них были разные религии и культуры, психология и характеры.

2. Согласно достаточно распространенному мнению на первоначальных стадиях общественной жизни первой формой выражения смертной казни служила **кровавая месть**. Она встречается у всех народов, а не только у варваров, ее следы ведут в первобытное римское право, к потомкам Авраама. Израильское право (Закон) налагает на ближайшего родственника убитого обязанность преследовать и умертвить убийцу, предварительно приведя его к судьям и обвинив его на основании показаний двух свидетелей. У арабов до Корана за убийство человека его близкие мстили убийце и его родственникам до пятого колена. Основы польского закона (1368 г.) уделяют значительное место уголовному праву, в том числе институту смертной казни. Надо отметить, что до этого польское право было неписанным обычаем. Впрочем, упомянутый закон несколько не препятствовал кровавой мести, то есть частной вражде, которая была отменена только в XV столетии Казимиром Ягеллоном. Еще в XI в. в законе Ярослава на Руси право мести господствовало во всей своей первобытной жестокости. Закон Ярослава начинается с провозглашения права или, точнее, обязанности мщения. Древнейшая редакция грузинского закона, принадлежащая царю Георгию, царствовавшему с 1318 по 1346 г., во всех случаях признает

право частной мести. Судья служит только посредником, обязанным сделать попытку к примирению. Это — первобытное уголовное право со всеми особенностями, присущими народам арийского происхождения. И только в третьем тексте, заключающемся в Сборнике законов Вахтанга, который в 1605 г. обнаружил патриарх Грузии, система наказания, налагаемая от имени общества, окончательно преобладает над первобытной системой частной мести. Кровная месть и патриархальное устройство семьи также являются началом армянского права. В этом можно убедиться, ознакомившись с законодательными сборниками Армении конца XII в. Неизбежным последствием каждого убийства у осетин являлась война между двумя семействами, война всех против всех, беспощадно продолжавшаяся до полного истребления. Мщение считалось религиозной обязанностью. Труп жертвы приносили домой с церемонией. Все родные ее кровью натирали себе лоб, глаза, щеки и подбородок и клятвенно обязывались исполнить свой долг. Совершивший акт мести отправлялся на могилу родственника и в торжественной форме объявлял о том, что он сделал, повинувшись обычаю и религии.

Таким образом, можно констатировать, что у всех народов в древности потерпевший мстил обидчику за себя и свой род, то есть брал на себя роль палача. Впоследствии государство заменило частных мстителей палачами, и смертная казнь стала, можно сказать, господствующим, общераспространенным карательным средством. Именно так представлял себе возникновение и развитие смертной казни известный ученый А.А. Пионтковский^{xvii}.

Э. Ферри также считал, что первым выражением идеи наказания в форме лишения человека жизни у всех наро-

^{xvii} Пионтковский А.А. Избранные труды: В 2 т. Казань, 2010. Т. 2. С. 180.

дов была частная кровная месть, которую автор определял как первую фазу в эволюции наказания вообще, называя ее **элементарной**, то есть оборонительной и мстительной, реакцией. Затем появляется **религиозная** фаза или, по Э. Ферри, фаза Божеского воздействия, которая позднее переходит к **этической** (фаза средневекового искупления). В настоящее время, считает автор, наказание вообще и смертная казнь в частности находятся в **юридической** фазе, и необходимо начать осуществление **социальной** фазы, при которой, благодаря новейшим данным антропологии и уголовной статистики о происхождении преступления, наказание перестает уже быть соразмерным воздаянием за нравственную вину, но является совокупностью превентивных и репрессивных социальных мер¹.

М.М. Абрашкевич, в отличие от Э. Ферри, разделяет процесс образования и развития смертной казни не на фазы, а на этапы. На первом этапе, по его мнению, мы сталкиваемся с реакцией человека на вредоносные деяния, которую следует считать **местью**. Второй период наказательного права — период выкупов — принято называть **композицией**. Наконец, лишение жизни человека вступает в нынешний, третий период — **государственных наказаний**^{18 19}. По утверждению А.М. Богдановского, общий исторический процесс развития идеи смертной казни у всех народов начинается с **мести** в обширном значении этого слова — **самоуправства**. Рано или поздно эта форма сменяется другой, более правильной, менее неопределенной, так называемой **системой выкупов**. Когда же в народном сознании появляется идея о государстве, как о едином и живом организме, и о преступлении, как

¹⁸ Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005. С. 363-364.

¹⁹ Абрашкевич М.М. Эволюция идеи о преступлении и наказании. Одесса, 1903. С. 9-13.

о действии, враждебном этому организму, — вот с этого времени начинает развиваться и высшее понятие о наказании как истинном воздаянии за преступление, за оскорбление идеи права, самым целостным органом выражения которого служит государство. С этого времени начинается третья форма любого вида наказания — **система публичных наказаний**¹.

Наконец, хотелось бы привести еще одну точку зрения по этому вопросу, которая принадлежит известному ученому И.Я. Фойницкому. На первоначальных ступенях истории наказания смертная казнь, по его мнению, принадлежала частным лицам, потерпевшим от преступных деяний. Наказания не существует, его заменяет месть. Постепенно общественные кружки сосредоточивают власть наказания всецело в своих руках и сами расправляются с обидчиками. Личная месть и личность потерпевшего, таким образом, более отодвигаются на задний план. В современном правовом строе цивилизованных народов, утверждает автор, объединение общественных кружков привело к тому, что право наказания смертной казнью принадлежит единственно и исключительно государству как его субъекту^{20 21}.

Представляется, что определение кровной мести как прообраза смертной казни является неверным как с юридической, так и с исторической точки зрения, ибо единственное, что их объединяет, — факт лишения жизни человека, виновного в совершении запрещенного деяния. В то же время существует достаточно много условий, подтверждающих, что эти явления отличаются друг от друга

²⁰ *Богдановский А.М.* Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857. С. 5 и далее.

²¹ *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с торьмоведением. СПб., 1889. С. 18.

История смертной казни =====^ ^^ ^^ ^=====^=====^--^--^--^^= - многими принципиальными признаками, которые опровергают утверждения относительно генетической связи кровной мести и смертной казни. Как правило, многие ограничивают свое внимание формальным объяснением понятия кровной мести и не ценят или порой даже относятся с презрением к историческому прошлому этого феномена и его возникновению. Скорее всего, это связано с тем, что преимущества исторического метода получили больше теоретическое признание, нежели историческое применение и оценку. Между тем «современные общественные институты не чужды связи с историческим прошлым. Как бы ни представлялись они, на первый взгляд, новыми и оригинальными, при ближайшем изучении оказывается, что они возникли из истории данного народа, раскрывающей в постепенных превращениях их antecedенты. Эти превращения или эволюции настолько разнообразны, что часто между прототипом и его более высокой формой, без выяснения промежуточных форм, трудно уловить какую-либо связь»²².

Кровная месть очень тесно связана со всеми фазами исторического развития любого народа. Она появляется с первыми же зачатками первобытного общества у всех народов и во все времена. И этот процесс у всех народов почти одинаковый. Если мы признаем, что природа человека одинакова повсюду, значит, зарождение и становление акта кровной мести были однородными даже у весьма далеко стоящих друг от друга народов. Следовательно, можно утверждать, что тесное сходство лишения человека жизни за деяния у отдельных рас, весьма отличных друг от друга, является фактом историческим и свидетельствует о том, что этот институт создан не одним народом, не одной исторической эпохой, а историей всего человечества. Как и откуда появилась кровная месть?

²² Там же.

~~История развития человеческого общества~~ дает возможность утверждать, что источник этого исторического человеческого акта поведения коренится в самой природе человека, одаренного инстинктом самосохранения, и является плотью присущих человеку первобытных свойств. Смертная казнь же как форма наказания есть продукт организованного сообщества гораздо более позднего периода. Кровная месть была вызвана к жизни самыми первичными потребностями и целями человеческой природы, которые сводятся к одному общему могучему стремлению, вложенному изначально во все живущее, — инстинкту самосохранения. Им объясняется всякая реакция на вредоносные действия.¹

Чисто машинальный характер действия (реакция наиболее пассивной формы) — первичная подсознательная форма реакции человека на вредоносные деяния. Поведение человека в рамках первобытности отличалось от инстинктов животных только тем, что в первом случае это были осознанные инстинкты, которые регламентировались сугубо внешним образом, через табу; оценки принимали в расчет только фиксированные поступки. Способность сдерживать свои инстинктивные порывы и согласовывать свои поступки с интересами коллектива является результатом длительного процесса. А.М. Золотарев обоснованно утверждает, что «до тех пор, пока человек продолжал повиноваться в своем поведении только двум основным инстинктам — инстинкту пола и инстинкту пищи, он еще не был человеком»^{23 24}. Следовательно, только когда реакция человека на вредоносный факт становится контролируемой посредством разума, соединенного с представлением

²³ *Абрашкевич М.М.* Указ. соч. С. 10—11.

²⁴ *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 63.

о намеченной цели — устранить врага и тем самым защитить себя, тогда мы сталкиваемся уже с сознательной отплатой злом за зло. Любое враждебное личное нападение извне превращается в рефлекторное действие против нападающего как противника. Именно на этой, подобной рефлексу, реакции индивидуума против внешних нарушений его неприкосновенности основывается месть, которая стремится уничтожить виновника такого нарушения. Естественное чувство мести не знает другой меры, кроме силы раздражения и энергии, которая накопилась у соответствующего лица¹.

Разумеется, реакцию людей как основу самосохранения от внешних опасностей для существования общины не следует считать мезтью. Хотя и первые зародыши того, что мы сейчас называем наказанием в виде лишения человека жизни, необходимо искать в явлениях социальных и природных. Известно, что на определенные деяния людей, которые действительно или по существующим в известную эпоху взглядам ставили общество в опасность, обществу приходилось реагировать соответствующим образом. Г. Оппенгеймер полагал, например, что преступлениями, караемыми в примитивных обществах, или же деяниями, которые считались, по мнению сообществ, племен, опасными для их существования и, соответственно, приводили к необходимой реакции за это, являются следующие: чародейство, противоестественные пороки, измена, святотатство, разнообразные преступления^{25 26}.

Реакцию общины на эти деяния, конечно же, нельзя считать частной мезтью, ибо она рассматривалась как ор-

²⁵ *Еллинек Г.В.* Социально-этическое значение права, неправды и наказания. М., 2013. С. 104.

²⁶ *Оппенгеймер Г.* Историческое исследование о происхождении наказания. М., 2012. С. 6.

W''

ганизованное выражение общественного недовольства, как всеобщее негодование. Это есть общественная реакция, но не всеобщая месть, ибо опасность этих деяний чувствуется и осознается не отдельным индивидуумом, а каждым членом общины. Э. Дюркгейм, в частности, отмечал, что существует коллективное (общее) сознание, представляющее собой систему верований и чувств, общих для членов одного и того же общества. Действие преступно, когда оно оскорбляет сильные и определенные состояния коллективного сознания²⁷.

Самым распространенным из всех первобытных общественно опасных деяний было чародейство, то есть вера в способность отдельных членов общины управлять сверхъестественными силами. Например, если какой-нибудь колдун мешал выпадению дождя, он являлся злейшим врагом общины и обязательно подлежал смерти, потому что представлял опасность для всего общества. Эта реакция была необходима для «предупреждения», «предотвращения» большой общественной опасности, по уверению сообщества, племени. Первобытная подобная реакция в виде лишения жизни члена сообщества не преследовала цели отомстить изменнику, чародею, колдуну. Она назначалась всем сообществом для искупления, но не ради самого «виновника», а для общества, чтобы предотвратить месть со стороны сверхъестественного существа, направленную всему обществу. Поэтому такую форму лишения жизни человека следует рассматривать не как кровную месть, а как **жертвоприношение**, с целью предупреждения и предотвращения общественно опасных проявлений. Жертвоприношение появилось наряду с личной частной мезтью тогда, когда первобытное общество стало чувствовать опас-

²⁷ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 80-81.

ность от сверхъестественного существа, которая могла быть причиной поведения одного из членов общины. Для того чтобы предотвратить месть со стороны сверхъестественного существа, необходимо было изъять из общества того, кто являлся источником опасности пока он оставался в среде людей. Другое дело, когда совершено убийство физическим способом одного члена общины другим. В таком случае действует обычай кровной мести, и общество не вмешивается в эти личные отношения, ибо это не предмет публичного интереса, а дело частного характера. Понятие преступления в современном понимании, естественно, в период кровной частной мести определялось не формальным моментом — нарушением закона, а материальным — причинением вреда, заключающегося в деянии **обидой**. Различные деяния стали считаться обидой в различных обществах, но общий принцип, который лежит в основе всех их, есть принцип **мести**. В качестве обиды стали рассматриваться те деяния, которые влекли за собой, месть, а позднее — талион. Именно в этом усматривается генетическая связь мести и обиды, вреда.

Если даже древним временам были известны вполне четкие различия деяний (неправды) и степень реакции на эти деяния, то взоры первобытного человека должны были остановиться, прежде всего, на внешней стороне преступления, на вреде, который оно причиняет. Иначе говоря, первобытный человек ничуть не задумывался о воле своего противника, то есть о внутренней стороне его поведения. Уже позже человек стал распознавать проблески понятия субъективной виновности, хотя разъяснить и развить их ему пока не удавалось, а точнее, было не под силу. Свою волевою способность он переносит и на животных, и на предметы неодушевленные и, соответственно, применяет в отношении них акт агрессии. М.М. Абрашкевич отмечает: «Как ребенок, ударившись о стул, бьет его с уверенно-

стью, что стул по злобе причинил ему боль, так точно, по тем же соображениям, все человечество на низшей ступени развития творит расправу над всем окружающим»¹.

Как отмечалось, кровная месть у всех народов развивалась по принципиально единой схеме, проявлялась в одних и тех же структурах, осуществляла примерно одинаковые функции, проходила одни и те же стадии, но только в разное время. На природу мести оказывали влияние крупные перевороты в первобытном строе общежития, поэтому институт кровной мести менял формы. Наиболее древний и самый длительный период его истории связан с родовой мстью, когда «род восстает на род». В эту эпоху склонить кровников к примирению было практически невозможно. Древний обычай упорно требовал пролития крови как единственно возможного удовлетворения за убийство. Так, согласно более ранним представлениям курдов, кровь убитого сородича не переставала течь, пока убитый не был отмщен^{28 29}. С распадом родового строя со временем институт кровной мести переходит к стадии кровнородственной мести. Сущность и социальное назначение кровной мести состоит в том, что за зло, причиненное кому-либо тем или другим действием, должно быть непременно воздано также злом, что за всякой обидой должно следовать возмездие, отмщение. Если обида — убийство, то месть обязательно должна быть кровной («кровь за кровь»). Можно считать, что она является священным долгом, который теоретически приводит к бесконечной цепи, ибо порождает новый виток, и так без конца. «Не только кровная месть, но и все формы наказания — от самых примитивных до самых совершенных — являются выражением мести»³⁰.

²⁸ *Абрашкевич М.М.* Указ. соч. С. 6.

²⁹ *Никитин В.* Курды. М., 1964. С. 214.

³⁰ *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 2004. С. 380.

Обязанность мести за кровь убитого у некоторых народов поддерживалась и их первобытными религиозными верованиями: не отомстить за кровь убитого родственника значило навлечь на себя презрение чужих родов и замогильный гнев убитого.

На самом деле, убийство из мести — это ответная реакция индивида на несправедливое, неправильное поведение, которое причинило смерть или какое-либо увечье ему или одному из членов его семьи, рода, племени, группы. Это не оборона от нападения, ибо она возникает уже после того, как причинен вред, и потому о защите от грозящей опасности говорить уже поздно. Кровная месть может быть направлена не только против того, кто причинил вред, но также и в отношении других членов группы. Согласно Э. Фромму, человек берется вершить правосудие, когда теряет веру. «В своей жажде мести он больше не нуждается в авторитетах, он — “высший судья”, и, совершая акт мести, он сам себя чувствует и ангелом и Богом... это его звездный час»¹.

Следует отметить, что кровная месть выполняла и определенную социальную роль в обеспечении стабильности общества. Она являлась сильнейшим средством предупреждения междоусобиц и тяжких преступлений. С самого начала своего появления кровная месть носит яркий социальный характер. Л.С. Белогриц-Котляревский пишет: «Частной мести, лишенной всякого социального элемента, никогда не было. Всегда индивидуальный инстинкт самосохранения бессознательно служил сохранению рода, всегда эгоизм работает в интересах общества»^{31 32}. Кроме того, именно в мести человек обнаруживает свое

³¹ Там же.

³² Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Киев, 1903. С. 112.

право, то есть не только осознает то, что другой причинил ему физическую, телесную боль или материальную потерю, но, самое главное, он понимает и осознает, что унижен и оскорблен. Поэтому наши предки понимали, что только через кровную месть можно смыть это унижение и, соответственно, удовлетворить свое внутреннее чувство справедливости. Можно ли считать кровную месть юридическим явлением? В наиболее общей форме смысл кровной мести, как уже отмечалось, выражается в требовании возмездия за кровную обиду, которая, по выражению Г.В. Мальцева, является более или менее остро переживаемым человеком или людьми чувством недовольства (гнева, возмущения) по поводу какой-либо утраты или лишения жизненных возможностей в результате действий другого человека или других людей¹. Поэтому обычай кровной мести в качестве правила поведения не может быть отнесен к категории моральных или правовых норм^{33 34}. Кровная месть — не право, потому что права в догосударственном обществе не было по определению, хотя и были приняты сообществом нравственные нормы поведения, соблюдение которых охранялось.

Принципы эквивалентности и талиона были первыми понятиями в истории кровной мести. Поэтому следует согласиться с Г.В. Мальцевым, который пишет: «Насколько далеко проникает наш взгляд вглубь истории института кровной мести, мы видим, что от начала до конца кровная месть рассматривается как право одной группы в отношении другой. Ни одно другое “право” в архаическую эпоху не воспринималось людьми столь серьезно, не было столь

³³ Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. М., 2012. С. 129.

³⁴ См.: Жильцов С.В. Смертная казнь в России: историко-правовой очерк // Право на смертную казнь: Сборник статей / Под ред. А.В. Малько. М., 2004. С. 6.

значительным и бесспорным, как право кровной мести»¹. Далее автор утверждает, что «генезис института кровной мести представлял собой процесс, совпадающий по времени с формированием древнейших систем обычного права»^{35 36}. Если даже институт кровной мести решал определенные задачи общества по урегулированию конфликтов, по предупреждению опасных для сообщества деяний и если он был принят сообществом, то это еще не свидетельствует о его правовом статусе. Тем не менее именно кровная месть породила талион, который был, после некоторой эволюции, перенесен в уголовное право ранних государств в качестве наказания-возмездия. Зауалированное родство современного уголовного права с талионом обнаруживается всякий раз, когда мы доискиваемся до логических и исторических корней системы наказаний за преступления или обсуждаем вопрос о правомерности лишения человека свободы и смертной казни.

С распадом родового строя кровная месть постепенно перешла к стадии родовой, а затем — кровнородственной. Именно с этого момента кровная месть приобретает важные экономические функции и становится более определенной. В литературе она обычно связывалась с более широким понятием — системой выплат и композиций. Суть этой системы (наказания) состояла обычно в комплексе мер, посредством которых необходимо было удовлетворить потерпевшую сторону. Меры материального характера могли быть совершенно разнообразными: вещи, предметы, скот, женщины (для продолжения рода), рабы, даже сам убийца. Однако этого было недостаточно. Самое главное состояло в том, чтобы заставить виновного просить прощение публично, унизиться перед всем обществом, перед обиженной стороной (родом). Это был ритуал покаяния. Главная причина появления платы за кровь состояла не только в том, что для кровнородственного

³⁵ См.: *Мальцев Г.В.* Указ. соч. С. 216.

³⁶ Тамже. С. 217.

союза все более значительными становились экономические интересы, но и в том, что безграничная месть перестала соответствовать общественному строю. Это был огромный шаг вперед от широкого господства кровной мести, хотя новая система не очень-то воспринималась обществом. Отношение его членов к выкупу за кровь было очень настроенным, что вполне понятно, поскольку «для тех, кто не совсем еще освободился от первобытного сознания, ничего более высокого, чем защита чести рода в этом мире, не существовало; они не верили, что несколько голов скота или меховых шкур заставят родственников убитого забыть свою обиду»³⁷.

Так, например, Моисей не отменяет обычай кровной мести: «Вы не будете получать деньги от того, кто хочет откупиться от смерти, которую он заслужил за пролитие крови, но он сам умрет тотчас» (Числа. 25:31). Он провозглашает индивидуальность преступлений: «Отец не будет отвечать за сына, ни сын за отца» (Второзак. 24:16). Это равно закону и свидетельствует о непрекращаемом религиозном и политическом авторитете Моисея. Однако как бы ни был ясен запрет, тем не менее укоренившиеся обычаи были сильнее. Поэтому можно предположить, что и у евреев следы древнего обычая композиций все-таки встречаются наряду с кровной мезтью. Так, например, если кто-нибудь ударит беременную женщину и от этого удара последует выкидыш и если женщина умрет, наказанием виновному будет смерть, если же женщина не умрет, он оплатит вознаграждение. В штыки воспринимали плату за кровь также, например, в Персии. Созная это, в персидской хронике Табари царь Минотешер при вступлении на престол обращается к армии и народу, объясняя им главные начала и принципы кровной мести: «Если кого-нибудь убьют несправедливо... то не нужно, чтобы царь миловал убийцу, ибо этого требует истина и справедливость царей. Напротив, нужно, чтобы он подвергнул его наказанию талиона, если только

³⁷ Там же. С. 310.

родственники, имеющие право кровной мести, не простят убийцу». Другой персидский царь Парвиз, один из последних царей династии Сасанидов, сказал умирая: «Кто не убьет убийцу его отца, тот будет незаконным сыном»¹. Утверждается, что сам персидский царь напрасно старался спасти одного своего придворного, совершившего убийство, и предлагал потерпевшим такую сумму, какую они пожелают. Но так как они упорствовали в требовании его крови, то им отдали убийцу. Жена, мать и сестра покойного пронзили его ударами кинжала и, собрав его кровь в вазы, подносили каждую из них ко рту, чтобы уменьшить жажду, которую ничто не могло утолить^{38 39}.

Тем не менее система выкупов быстро укореняется: только что народившаяся частная собственность ценится очень высоко, едва ли не выше самого человека. Потребность в кровной мести, тем временем, постепенно ослабевает по мере смягчения нравов и упорядочения общественных отношений. Люди начинают различать степень вины. Они осознают, что в отдельных случаях расплата убийцы кровью может быть заменена иным, бескровным способом, например, при неумышленных убийствах. Возникает необходимость определять настоящую «цену крови» по критериям, вытекающим из сферы экономического оборота. На первое место ставится умножение богат-

³⁸ Tabari, k. I, II. 345.

³⁹ Chazdin, *ibid*, 295., изд. 1711, t. VI.

ства. Появляются и действуют своего рода прейскуранты, по которым производятся выплаты в случаях не только убийств, но и совершения других преступлений против личности. Так возникает необходимость в обычном праве, составлении кодексов, судебныхников и т. д. Месть- композиция есть также система отмщения, при которой возникает объединение смежных родов, а вместе с ним и некая высшая общая власть родоначальников или князей. Итак, не только мечь, но и принятие выкупа становится традиционной реакцией на «обиду» и долгое время существует с ней параллельно. С образованием централизованной власти — княжества, королевства, царства, государства и других форм управления народом — начинается становление идеи о наказании вообще и смертной казни в частности.

Государственная власть на первых порах не отменяет систему выкупов, а только видоизменяет ее, разделяя выкупы на две части: одну оставляет пострадавшему от преступления, другую — для себя как плату за посредничество. Взамен денежных штрафов вводятся **смертная казнь** и телесные наказания. С течением времени возникают и другие меры наказания, в частности лишение свободы. Укрепление государственной власти ведет к ужесточению наказания с целью поддержания общественного благоустройства и безопасности. Господствующим принципом наказания является устрашение. Поэтому во главе карательной системы становится смертная казнь, применяемая в самом широком объеме и в самых разнообразных формах.

Исследование зарождения и становления кровной мести дает основание отметить некоторые существенные различия между этим институтом и институтом смертной казни. Как уже отмечалось, источник кровной мести ко-

ренится в самой природе человека, одаренного инстинктом самосохранения. Возникновение же смертной казни как вида системы наказания связано с появлением власти в любой форме, в особенности государственной, когда у власти оказалось право на применение смертной казни. Поэтому, если при кровной мести имеет место реакция человека на **обиду** личную, то при наказании в форме лишения человека жизни — ответ власти государственной на покушение на интересы государственной, общественной безопасности. Следовательно, кровная месть носит частный характер, а в основе смертной казни лежит публичное воздаяние. Из этого следует, что субъектом кровной мести является индивидум, частное лицо, в то время как субъектом смертной казни — государство. Мечь при кровной мести — это долг; при смертной казни — обязанность государства. Следует также помнить, что месть была актом религиозным, необходимым для «освящения» души убитого, для доставления мира в загробной жизни. Этот акт является не только актом необузданных чувств человека, но и нравственным долгом, религиозной обязанностью. В противоположность этому смертная казнь является актом правовым, юридическим, необходимым для предотвращения особо тяжких преступлений.

Все вышеизложенное позволяет прийти к выводу о том, что кровная месть и смертная казнь — совершенно различные явления в истории человеческого развития. Хотя по внешней форме они схожи, поскольку в том и другом случае имеется факт лишения жизни человека, но по сути существенно отличаются друг от друга. Сущность же — это неотъемлемое качество, без которого предмет, явление невозможно мыслить. Сущность — «внутренняя субстанция в противоположность внешним ее выраже-

ниям, обобщенным в понятии “явление”. Это устойчивое отношение, нечто единое в многообразии явлений»^{XL}. Однако постоянного, неотъемлемого однородного качества, без которого эти явления невозможно себе представить, мы не обнаружили. Следовательно, не совсем убедительно утверждение о том, что кровная месть является прообразом смертной казни. Она не превратилась, не преобразовалась в смертную казнь, а исчезла в результате закономерного объективного процесса общественно-экономического развития человечества.

^{XL} Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2011. С. 155.

Глава II

ФИЛОСОФИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

1. Непрерывающиеся споры относительно смертной казни, в принципе, сочетают в себе ретрибутивистский и утилитаристский дискурсы. Если первый тип дискурса носит чисто философский характер, ибо в обосновании легитимности (правомерности) права на лишение преступника жизни лежит философия, то второй тип дискурса опирается на социологию и психологию, так как речь идет об исследовании полезности этого наказания.

Когда-то А. Бернер сказал, что «объявить вопрос о смертной казни простым вопросом пользы, в котором для участия философии вовсе нет места, — значит доказывать поверхность своего понимания»^{XL1}. Поэтому неудивительно, что и противники, и сторонники смертной казни в доказательство своих позиций всегда опирались на философию, которая дословно означает «мастерство мудрости». Во все времена у всех мыслящих людей возникало достаточно много вопросов, на которые в рамках какой-либо конкретной области познания ответить не представляется возможным. На какие же вопросы мы, юристы, не можем

^{XL1} Бернер А. О смертной казни. СПб., 1865. С. 95.

найти ответа, исследуя проблему смертной казни, и чего мы хотим от философии?

Юридическое познание не в состоянии ответить, в частности, на следующие вопросы. Нравственна ли вообще, в принципе, смертная казнь как наказание? Как следует понимать принцип справедливости и гуманизма применительно к этой мере? Нужно ли понимать и применять это наказание только как акт возмездия и устрашения? Кому принадлежит право наказывать смертной казнью и кто это право дал?

Понятно, что без ответов на данные вопросы невозможно представить истинную сущность и социальное назначение этого института. Очевидно также, что правовые категории беспомощны объяснить этот феномен в пределах своих возможностей. Максимум на что способна уголовно-правовая наука — дать формальное определение смертной казни как организации реакции на преступление со стороны государства и ответить на вопрос: в силу каких предпосылок действие становится преступлением, а реакция на него — наказанием в виде лишения жизни преступника. Удовлетворит ли нас такой подход, когда мы пытаемся определить судьбу смертной казни? Еще древние философы давали отрицательный ответ на этот вопрос, и учение о смертной казни, как и многие проблемы, считали предметом философской мысли.

Стремясь к познанию бытия, философия отвечает на вопрос: что значит быть? Философия видит смысл познания в стремлении дойти до изначальных оснований мироздания и миропорядка. Она соединяет выводы других наук в одно стройное целое и исследует положения, лежащие в их основе и применяемые ими догматически.

Философия едина и многообразна, человек не обходится без нее ни в одной из областей своей жизни, так как вечно размышляет над всеобщими проблемами

«мир — человек». Все области знания граничат в окружающем нас пространстве с неизвестным. Когда человек входит в пограничные области или заходит за них, он попадает из науки в сферу умозрения. Его умозрительная деятельность — тоже вид изучения, и это, помимо всего прочего, есть философия (Б. Рассел). Совершенно очевидно, что без философских категорий невозможно отличить существенное от несущественного в значении понятия смертной казни, ибо вопросы добра и зла, страдания и кары, возмездия и справедливости, нравственности и целесообразности относятся к этике, то есть это этические категории, а не правовые, без которых этот феномен немислим. Именно философское осмысление сущности этого наказания даст нам возможность вмешаться в суть смертной казни, подвести ее под выработанные философской мыслью категории и найти ответы на вышепоставленные вопросы.

Глубокой ошибкой представителей позитивизма является утверждение о том, что наука о праве самодостаточна и не стоит привлекать философию, этику и другие науки для раскрытия и понимания сущности правовых явлений. Лучше, чем Гегель, и не ответишь: «Юриспруденция является частью философии»⁴². Следовательно, мы должны относиться с большим вниманием к философии и ее возможностям при исследовании тех теоретических проблем, которые недоступны в полной мере правовым наукам. Как заметил еще Платон, если «отсутствие интереса к философии является признаком, скорее, самодовольного невежества, чем превосходства истинного знания, то отсутствие такого интереса у юриста является уже пренебрежением к его собственному профессиональному делу, пренебрежением тем более непростительным, что результатом его

⁴² Философия права. М., 1990. С. 17-18.

может оказаться гибель юриспруденции от натиска чужеродных учений»¹.

Юристы утверждают, что философы говорят много прекрасных, но весьма далеких от практической пользы вещей и пытаются объяснить многие правовые явления слишком сложными понятиями и категориями, не совсем доступными для юриспруденции. Возможно, но, на самом деле, не столько сложна сама философия, сколько сложен язык, которым она излагается большинством философов.

Основной философский вопрос смертной казни есть вопрос о ее нравственной сущности. Легитимность (правомерность) права на жизнь, смертной казни была поставлена под сомнение в XVIII в. Утверждается, что лишение жизни человека безнравственно, ибо только Всевышний вправе забрать жизнь, которую дает именно Он. Так, безнравственность смертной казни, по мнению В.С. Соловьева, заключается в том, что общество в лице человеческой юстиции присвоило себе то право, которое принадлежит абсолютно только суду Божию как выражению Божественного всеведения^{43 44}. Такое действие со стороны общества автор рассматривает как нечестивое, бесчеловечное и постыдное, а значит, как принципиальное отрицание коренного нравственного отношения к человеку. Но если согласиться с тем, что только Всевышний дает жизнь человеку и никто, кроме Него, не вправе ее отнять, то как же быть с убийцами, которые с особой жестокостью, умышленно, преднамеренно, обдуманно лишают жизни других, себе подобных? Разве можно поверить в то, что Всевышний наделил этих убийц правом лишать жизни тех, кого Он также

⁴³ Философия и юриспруденция. Юридический вестник. Кн. II. М., 1913.

⁴⁴ См.: Против смертной казни. М., 1906. С. 80.

создал? Вот почему совершенно правильным и логичным выглядит вопрос А.Ю. Кизилова: можно ли признать онтологический статус убийцы равным Божественному, поскольку, причиняя смерть, он «отваживается» на то, что вправе сделать только Господь? ^{XLV} Ведь если на основании общественного договора личность сознательно и добровольно согласилась на отнятие у нее жизни, то одно из важнейших условий нравственных начал смертной казни соблюдено. В таком случае вряд ли можно поверить в идею о том, что общество в лице государства присвоило себе право, которое принадлежит абсолютно только суду Божию как выражению Божественного всеведения. Если же, как говорил А.П. Чехов, «государство — не Бог», оно не имеет права отнимать то, что не может вернуть, и это право принадлежит только самом}' Создателю, то тогда действие общества, безусловно, следует рассматривать, выражаясь словами ВС. Соловьева, как «нечестивое, бесчеловечное и постыдное», а значит, и принципиально отрицающее коренное нравственное отношение к человеку. Смертная казнь в таком случае является безнравственной, потому что жизнь человеческая священна, неприкосновенна, дар Божий.

Вообще, спекулировать нравственностью как философской категорией — это уже само по себе мероприятие безнравственное, тем более когда речь идет о такой сложной проблеме, как смертная казнь. Лучше всего обратиться к возникновению нравственности как сложному многоаспектному процессу, детерминированному объективными закономерностями социального бытия людей, начиная с первобытного периода. Это позволит правильно и объективно оценить роль нравственности в форми-

^{XLV} Кизилов А.Ю. Смертная казнь как разновидность монополии на насилие // *Lex Russica*. 2016. № 12. С. 85.

исповедании человека как разумного социального существа и в урегулировании поведения индивидуума в сообществе, так как первобытность характеризовалась тем, что нравственность была непосредственно вписана в повседневность. Именно в этом усматривается историческая роль нравственности в развитии человечества, ибо еще не были сформированы ни религиозные, ни правовые средства, способные запретами и угрозами уберечь людей от опасных, вредных и злых деяний.

Таким образом, жизненная деятельность, сообразная с нравственной нормой, становится первым и важнейшим принципиальным требованием общественной нравственности. В результате с развитием человеческого общества в пределах первобытной нравственности появляются разнообразные правила, запреты и предписания, соблюдение которых считается безусловно обязательным. Как правило, обычаи и традиции надолго переживают те условия и конкретные исторические обстоятельства, которыми они когда-то были непосредственно детерминированы, и поэтому в новых условиях кажутся бессмысленными и непонятными, а самое главное — безнравственными. Человеческий ум постепенно стремится в историческом развитии своем к более зрелому понятию нравственных начал. Поэтому появляется естественная необходимость освободиться от уже ненужных, вредных обычаев и традиций, которые когда-то соответствовали нравственному уровню развития сообщества и защищались под угрозой наказания.

Иначе говоря, происходят отбор и сохранение ценностей и передача их последующим поколениям. Именно через обычаи и традиции осуществлялись нравственная преемственность поколений и социальное наследование духовных богатств. И в этом процессе огромная роль принадлежала именно наказанию, которое совершенствовалось

с нравственным развитием человечества. Необходимость применения наказания для существования и прогресса общества так очевидна, что вряд ли нуждается в доказательстве. В тех случаях, когда для утверждения общественного порядка соответствующих правил поведения недостаточно, появляется безусловная необходимость нравственно законного принуждения посредством наказания.

Всякий сознает, что если бы вдруг все запрещенное законом перестало быть запрещенным, то водворилось бы совершенно невозможное положение вещей. Однако наказание допустимо и нравственно обосновано только в той мере, в какой способно устранить какое-нибудь большее зло. Следовательно, наказание законно с нравственной точки зрения, если оно не нарушает границ, определенных общими принципами справедливости и гуманизма, на которых должны строиться все формы государственного принуждения. В связи с этим, естественно, всегда возникает вопрос относительно границ допустимости наказания. Отрицать важную связь нравственных и правовых начал наказания вряд ли вообще возможно. Если безнравственное деяние есть нарушение повеления о любви к ближнему, то преступление как явление правовое есть нарушение запрещения совершать действия, вредные для ближнего. Повеление нравственного охраняется совестью, а наказание за безнравственное — угрызение совести.

Нравственность требует не только того, чтобы наши действия были согласны с благом ближнего, но и чтобы мотивы этих действий были проникнуты любовью к ближнему. «...Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я медь звенящая, или кимваль звучащий. Если я имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание, и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничего. И если я раздам все имение мое, и отдам тело мое на сож-

жение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (Апостол Павел. Первое послание к Коринфянам, гл. 13). Следовательно, нравственность требует, чтобы и помыслы, и действия наши были проникнуты любовью к ближнему. Ясно, что по существу своему общество не может установить наказание за безнравственное поведение. Нормы нравственности не имеют в самих себе иной принуждающей к исполнению их силы, кроме нравственного чувства, и иной санкции на земле, кроме угрызений совести. Эту иную санкцию и достаточную силу принуждения должен создать человек, ибо нравственный порядок не мог бы утвердиться в мире без этой санкции.

Из требований нравственного закона вытекает обязанность общественной жизни, из обязанности общественной жизни — обязанность поддерживать господство права, из обязанности соблюдения права — необходимость внешнего принуждения к его реализации. А принуждение составляет существенный признак наказания. Именно этим оно и отличается от убеждения, от нравственности. В принципе, область нравственного есть царство свободы, а где свобода, там нет места принуждению. Следовательно, когда мы говорим о смертной казни как о наказании с точки зрения нравственности, то должны помнить, что речь идет о нравственности относительной, ибо лишение жизни человека осуществляется в принудительном порядке.

Итак, если нравственность являлась основой и результатом поведения, определяла линию поведения человека в обществе, ограничивая заданными рамками, то наказание служило средством восстановления нормального порядка в обществе, устраняя конфликты не только между индивидуумами, но и между личностью и обществом. Таким образом, наказание за нарушение принятых правил поведения в обществе нравственно обоснованно, поскольку сама идея этой меры принимается сознательно всем сообществом как реакция,

основанная на нормах нравственности, хотя эта реакция «на заре человеческой культуры у первобытных обществ носила характер мести, часто соразмерной не с тяжестью преступления, а с силой раздражений»¹. И это вполне естественно, ибо, как справедливо подметил Э. Дюркгейм, «прежде всего, наказание состоит в реакции, выпущенной страстью. Этот признак тем очевиднее, чем менее культурны общества»^{46 47}.

Сейчас очень легко осуждать нравы наших предков, которые широко и грубо применяли смертную казнь, но при этом стоит задуматься о том, как будут несправедливы наши потомки через несколько столетий, когда узнают, что мы за многие преступления, в том числе за умышленные убийства с особой жестокостью, применяли такое жестокое наказание, как пожизненное заключение. Вот почему будет правильным нравственность или безнравственность любого наказания оценивать с точки зрения исторической эпохи его применения, с учетом уровня нравственного состояния народа в тот период времени. Поэтому, оценивая необходимость или бесполезность смертной казни известной эпохи и известного народа, всегда нужно учитывать жизнепригодность этой меры, которая выработана народной жизнью и предназначается для служения интересам этой жизни. То, что было неизбежно и полезно в XVII, XVIII, XIX вв., было бы не только бесполезной, но и вредной жестокостью в настоящее время. По словам Ч. Беккариа, «на грубые души народа... необходимо действовать более сильными и более чувствительными впечатлениями»⁴⁸.

⁴⁶ Гинс Г.К. Право и культура. М., 2012. С. 49.

⁴⁷ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 86.

⁴⁸ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2004. С. 156.

Обладая свойством причинять человеку страдание посредством принуждения, как утверждал, в частности, И. Бентам, «всякое наказание есть вред; всякое наказание есть само по себе зло»⁴⁹, ибо оно по сути своей возмездие, устрашение. Но значит ли это, что наказание безнравственно и что кровная месть наших предков была основана на безнравственных началах?

Возможно, что на начальной стадии становления, то есть когда наступил период частной кровной мести, источник этой реакции не определялся этическими представлениями. Кровной мести как формы реакции были чужды связи с этикой, ибо нравственность есть продукт истории человечества. Однако значительное пренебрежение нравственным элементом в основании и эволюции института кровной мести, на наш взгляд, также ошибочно, ибо «среди сил, формирующих действительность, нравственность является самой первой»^{49 50}.

Еще с древних времен нравственность стала регулировать не только поведение человека в обществе, но и отношение между индивидуумами и обществом в целом в лице сообщества, племени, группы, так как нравственность выступает, прежде всего, как продукт совместного творчества масс, которые вырабатывают свой нравственный идеал. Поэтому, когда мы говорим о нравственности или безнравственности смертной казни, следует понимать, что речь идет об отношении не только отдельного индивидуума к этому наказанию, а всего общества в целом. А это значит, что смертную казнь можно считать основанной на нравственных началах тогда, когда она соответствует нравственной оценке со стороны всего сообщества, а не

⁴⁹ Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства. М., 1998. С. 221.

⁵⁰ Швейцер А. Культура и этика, М., 1973. С. 103.

отдельного индивидуума. Смертная казнь — это средство для достижения поставленной всем обществом цели, то есть реакция для сохранения и укрепления самого общества и его членов. Поэтому если нравственность является основой и результатом поведения, определяет линию поведения человека в сообществе, ограничивая заданными рамками, то смертная казнь служит средством восстановления нормального порядка, устраняя конфликты не только между индивидуумами, но и между ними и сообществом в целом. Следовательно, лишение жизни человека за нарушение принятых правил поведения, имеющих жизненно важное значение в обществе, нравственно обоснованно, ибо сама идея этой меры наказания принимается сознательно (осознанно) всем сообществом, как реакция, основанная на нормах нравственности.

1.1. Следующее сомнение в легитимности права на смертную казнь, а значит в ее нравственности, усматривается в том, что это наказание свидетельствует о мести, о возмездии. Так, например, В. С. Соловьев отмечал: «Будучи противна первоосновам нравственности, смертная казнь, вместе с тем, есть отрицание права в самом его существе. Мы знаем, что это существо состоит в равновесии двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага, откуда прямой вывод, что последний интерес (общего блага) может только ограничивать первый (личную свободу каждого), но ни в каком случае не иметь в намерении его полное упразднение, ибо тогда, очевидно, всякое равновесие было бы нарушено. Поэтому меры против какого бы то ни было лица, внушенные интересом общего блага, никак не могут доходить до устрашения этого лица как такового чрез лишение его жизни или чрез пожизненное отнятие у него свободы»¹¹.

¹¹ Против смертной казни. М., 1906. С. 80.

Ярым и непримиримым противником возмездия, отрицающим нравственный характер смертной казни, был, как известно, Л.Н. Толстой, который на основе известного призыва Иисуса Христа «не противьтесь злу» обосновал свою теорию «непротивления злу насилием», что и означает признание изначальной, безусловной святости человеческой жизни. Поэтому признание жизни каждого человека священной есть первое и единственное основание всякой нравственности. Следовательно, смертная казнь по сути своей является средством бесчеловечным и безнравственным.

Современник Л.Н. Толстого известный естествоиспытатель Э. Геккель, последователь Ч. Дарвина, пытался, апеллируя к естественным законам борьбы за существование, обосновать справедливость, нравственность и благотворность смертной казни, как он выражался, «неисправимых преступников и негодяев». Возражая ему, Толстой спрашивал: «Если убивать дурных полезно, то кто решит: кто вредный?» Писатель не принимал аргументации в пользу насилия, согласно которой насилие оправдано в тех случаях, когда оно пресекает большее насилие. Он считал, что, казнив преступника, опять-таки нельзя быть стопроцентно уверенным в его неизменности, нераскаянии, а значит, в бесполезной жестокости.

О том, что смертная казнь не может быть оправдана не только с правовой, но, в особенности, с нравственной точки зрения, в свое время говорил также В.Д. Набоков: «Как рабство, как пытка, как увечные наказания, смертная казнь будет изгнана из законодательства не теоретическими только рассуждениями, а немолчным, все растущим и всех охватывающим протестом возмущенного нравственного чувства»^{LI}.

^{LI} Цит. по: *Бернер А.О.* О смертной казни. СПб., 1865. С. 23.

Итак, отвечая на вопрос, почему же смертная казнь безнравственна, противники этой меры отвечают: потому, что она преследует только одну цель — возмездие (воздаяние). Посмотрим, что по этому поводу говорит философия.

Аристотель, например, писал, что люди стараются воздать зло злом и если подобное возмездие невозможно, то такое состояние считается рабством¹. Нетрудно понять, что великий философ имел в виду не смертную казнь, которая является общественным актом воздаяния, а кровную личную месть как ответ на нанесенную обиду. Поэтому вряд ли можно утверждать, что Аристотель считал возмездие целью смертной казни. Приблизительно так же рассуждали Платон, Цицерон и Сенека, которые не пытались уловить разницу между целью и сущностью смертной казни. Так, Платон в разговоре о законах прямо говорил, что смертная казнь налагается не ради совершившегося преступного деяния, а ради предупреждения его повторения в будущем, что достигается прямым способом: истреблением преступника, для которого это наказание является лекарством, исцеляющим его нравственный недуг; устранением влияния дурного примера на сограждан; избавлением государства от опасного, вредного члена. Те же принципы указываются и Сенекой. Только с началом философии уже у Гуго Гроция доктрина теории **цели возмездия** получает более ясную обрисовку, хотя и Гроций, отождествляя наказание с талионом, подкрепляет свой взгляд по преимуществу историческими указаниями^{53 54}.

В наиболее целостном виде эта теория получает известность только в позднейшей немецкой философии. Первым философом, признавшим идею возмездия единственной целью наказания вообще и смертной казни

⁵³ Аристотель. *Этика*. М., 2002. С. 89.

⁵⁴ Гуго Гроций. *De jure belli ac pacis*, 1625.

£-*•43

в частности, был Кант, который писал: «Зло требует оплаты злом, только одно воздаяние по принципу равенства может определить меру и объем наказания либо равенство по силе действия»¹.

Особое значение, как для развития философской мысли, так и в доктрине уголовного права, имела теория возмездия Гегеля. По учению немецкого философа, право должно восстановить себя путем возмездия за нарушение его, иначе говоря, подчинить частную, оппозиционную волю самосущей разумно-свободной воле, праву. Гегель утверждает: «Наказание — возмездие, но не возмездие как некое равенство в ценности между ущербом, причиненным преступлением, и ущербом, причиненным преступнику наказанием»^{55 56}. Таким образом, абсолютная теория целей наказания Канта и Гегеля заключается в воздаянии за содеянное, расплате за него: преступление считалось грехом, а наказание за него — искуплением этого греха. Разница заключается лишь в том, что Кант развивал теорию возмездия материального, а Гегель — диалектического, то есть если возмездие, по Канту, требует арифметического равенства, то, по Гегелю, — геометрической пропорциональности, равноценности. Возмездие как цель наказания в виде смертной казни оказалось настолько живучим, что на века «пережило» теоретиков этого взгляда.

Правильна ли постановка вопроса **о целях наказания** вообще? Этот вопрос, как мы убедимся в дальнейшем, имеет принципиальное значение для уяснения нравственной сущности высшей меры наказания. Любая деятельность,

⁵⁵ Кант. *Metaphysische Anfangsgrunde der rechtslenze*, 1797. — См.: Ойзерман Т.И. *Философия Канта и современность*. М., 1974. С. 187-191.

⁵⁶ Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М., 1977. С. 49—51.

в том числе и деятельность государства, имеет определенную цель, иначе эта деятельность является бессмысленной. При этом, соответственно, используется необходимое эффективное средство для достижения этой цели. Однако не любое средство, если даже оно и служит общему благу, может считаться нравственно оправданным, ибо принцип «цель оправдывает средства» сам по себе является безнравственным. Цель возникает раньше, чем ее реальное воплощение в действительность. Она заранее намечается человеком, государством, соответствующим органом в ее еще субъективной форме. Применительно к наказанию цель выступает в качестве внутренне-побуждающего начала в деятельности законодателя по преобразованию в действительность. Цель рассматривается в качестве идеального явления, предвосхищения результата, идеального мысленного образа ценности. Поэтому цель законодателя при построении наказания определяется как мысленно намеченный им образ состояния, результата уровня преступности в стране. Как правильно отмечает Д.А. Керимов, цель надо признать исходным пунктом и двигательной силой волевой деятельности и одновременно направляющим фактором в этой деятельности¹.

Из вышеизложенного следует, что цель — это категория не уголовно-правовая, а философская, под которой понимается предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия. Гегель писал: «Цель есть ближайшим образом нечто сущее внутри меня, субъективное»⁵⁷⁵⁸. А это означает, что цель, которую намерено достичь общество, государство посредством применения наказания в виде смертной казни, субъективна, ибо формируется людьми, выражается в законодательстве

⁵⁷ Керимов Д.А. Указ. соч. С. 272—273.

⁵⁸ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. VII. М.; Л., 1934. С. 39.

и реализуется субъективной деятельностью людей. Наказание, в том числе и смертная казнь, по существу, не преследует каких-либо целей, тем более невозможно перед ними ставить какую-то цель, ибо цели могут быть поставлены субъектами, то есть государством, обществом, властью и т. д., с учетом естественно объективных возможностей наказания. Таким образом, смертную казнь, так же как и другие виды наказаний, необходимо рассматривать как средство достижения цели, определенной субъектом — государством. А это означает, что безнравственным или нравственным следует считать не смертную казнь, а то государство, в руках которого находится эта мера наказания.

Что касается **возмездия**, то это сущность смертной казни, то есть неотъемлемое качество, без которого это наказание невозможно мыслить, это ее внутреннее содержание, выражающееся в единстве всех многообразных и противоречивых форм. Следовательно, чтобы познать сущность смертной казни как наказания, необходимо выявить главное, основное и определяющее в его функционировании и развитии, выявить ее назначение, понять, для чего она необходима. Поэтому применение смертной казни, то есть право на это наказание, нравственно обоснованно тогда, когда оно является **воздаянием справедливым**. Иначе говоря, именно справедливость как категория философская является объективным показателем нравственности воздаяния. Так, например, в период Советской власти за хищение государственного и общественного имущества более чем на 10 тысяч рублей в законодательстве было установлено наказание в виде смертной казни, которое реально применялось, хотя еще Т. Мор выступал против этой меры в отношении экономических преступлений. В данном случае, естественно, применение смертной казни за это преступление свидетельствовало о безнрав-

ственным характере уголовной политики государства, но не о безнравственной сущности этого наказания. Вряд ли можно считать нравственным также применение смертной казни за потребление наркотических средств (Сингапур, Таиланд), за прелюбодеяние, богохульство (Иран) и т. д., ибо воздаяние не соответствует нормам и принципам общепризнанной справедливости. Другое дело, воздаяние за умышленное убийство смертной казнью в исключительных случаях, когда это преступление характеризуется особой жестокостью и тяжкими последствиями. В этих случаях применение смертной казни нравственно оправданно, так как это воздаяние является единственным показателем справедливости. Итак, смертная казнь может быть нравственно оправданна тогда, когда она является воздаянием справедливым, или же безнравственной, если она применяется не как справедливое воздаяние, а как средство государственной властной мести.

Если считать, что идея справедливости есть руководящее нравственное начало, то наказание, как при его определении государством, так и при назначении, должно иметь место во всех указываемых случаях и только в требуемых его размерах. Самое главное — следует исходить из того, что справедливость есть начало, регулирующее, а не только ограничивающее наказание. Следовательно, требования справедливости должны быть строго выполненными и ни в коем случае не могут изменяться в сторону смягчения или усиления их суровости под влиянием каких-либо полезных целей.

П. Росси писал: «Наказание никогда не должно выходить за пределы справедливого возмездия. Как только оно превышает заслуженное зло, хотя бы на один атом, нет более справедливости»^{LIX}. Таким образом, в принципе, следует

^{LIX} Росси П. *Traité de droit pénal*. Кн. I и III. Bruxelles, 1829. С. 169.

согласиться с тем, что идея справедливого возмездия требует определенного размера, она противится тому, чтобы в руководящих началах наказания не только было предусмотрено большее зло за преступление, но и неоправданно смягчена неизбежная строгость и неумолимость начал наказания. А это означает, что если суть преступления заключается в покушении на свободу и жизнь человека, то наказание состоит в угрозе лишения свободы и жизни покушавшегося, то есть преступника. Следовательно, если тяжесть преступления измеряется степенью насилия над свободой другого человека, то тяжесть наказания — сроком лишения свободы преступника. Вот принципиальная схема наказания-воздаяния, которая вытекает из формулы: равенство в свободе по всеобщему закону. Тезис о ценности жизни человека невозможно оспорить. А это означает, что чем выше ценится человеческая жизнь, тем выше должно быть и наказание за ее отнятие. Как известно, большего наказания, чем смертная казнь, не существует. Поэтому логически она может быть применима лишь за умышленное убийство, и только так возможно почувствовать справедливость воздаяния, ибо мысль о наказании как о возмездии так глубоко проникла в сознание человека, что он просто-напросто не видит в нем ничего более, кроме возмездия, но возмездия в смысле **справедливого воздаяния** как выражения нравственной общественной оценки преступления. И это обоснованно, ибо психологическим основанием наказания-возмездия выступает чувство мести, естественное стремление пострадавших от преступления людей «вернуть боль и страдание» злодею, чтобы он мог пройти через подобные муки, искупить свою вину и раскаяться. И. Кант, в противоположность утверждениям о безнравственной сущности наказания как возмездия, выдвинул свою концепцию наказания, в основе которой лежит идея абстрактной справедливости, выра-

=====^=====^=====

женная формулой римских юристов: «Пусть совершится правосудие, хотя бы ради этого погиб мир».^{LX}

Именно идея возмездия (воздаяния), достаточно глубоко и полно исследованная Кантом, сыграла решающую роль в его понимании нравственных начал смертной казни. Именно в реализации требований «категорического императива», в осуществлении справедливости во что бы то ни стало Кант видел единственный смысл и оправдание нравственности смертной казни. В вопросе о нравственности смертной казни Гегель также считал справедливым за умышленное убийство назначение только лишения жизни преступника. Это вытекало из закона отрицания отрицания Гегеля. Однако отношение Канта к смертной казни, исходя из теории возмездия по принципу «равное — за равное, жизнь — за жизнь», поставило перед нами весьма трудный вопрос: следует ли признать его философский принцип абстрактной справедливости и специфического уравнивания противоречащим основным началам нравственности? Можно ли нарушить справедливость наказания утилитарными соображениями, то есть целесообразностью, полезностью? Ведь если нарушить — тогда наказание противоречит коренным нравственным началам, а значит, это наказание несправедливо. Если же все эти коллизии решать в пользу справедливости, то, фактически, намеченные утилитарные цели утратят значение целей. Горе тому, говорит Кант, кто будет руководствоваться змеиными указаниями принципа пользы, фарисейским изречением: лучше одному человеку умереть, чем всему народу пострадать, ибо если уничтожится справедливость, то и жизнь человеческая потеряет цену. Такой взгляд на смертную казнь как на воздаяние за убийство напрямую вытекает из общей логики «золотого правила нравственности», которое напоминает людям, что в случае совершения ими умышленных убийств, то есть лишения

^{LX} См.: *Кант И.* Метафизика нравов. Метафизические начала учения о праве. СПб., 1903. С. 58-59.

жизни другого человека, виновника ожидает то же самое.

Невозможно и недопустимо противопоставление принципа справедливости категории нравственности, ибо справедливость находит свое применение во всех, без исключения, сферах общественной жизни, хотя это понятие чаще всего в истории этических учений рассматривалось в качестве меры нравственного воззрения и требования. В целом такое понимание считаем верным. Недаром старинная эмблема справедливости — весы. Если исходить из философско-правовой трактовки справедливости как «воздаяния каждому должного», то смертная казнь как наказание должна соответствовать умышленному убийству как преступлению.

Итак, если с точки зрения нравственного чувства смертная казнь безнравственна, то с точки зрения справедливого воздаяния ее применение обоснованно, ибо помимо чувства нравственности в реальной общественной жизни господствует принцип здравого смысла, основанный на представлении и вере в объективную необходимость, полезность и справедливость существования этого наказания как эффективного средства защиты общего блага от жестоких убийств и злодеяний. Однако, чтобы определить, насколько смертная казнь необходима, следует выяснить полезность и эффективность этого средства в борьбе с особо тяжкими преступлениями, в частности с умышленными убийствами. А это уже область утилитаристского дискурса, требующая социологического исследования практического применения смертной казни, которое будет предметом дальнейшего обсуждения.

2. Центром спора о смертной казни, начиная с конца XVIII в. по сегодняшний день, является философское высказывание Ч. Беккариа о том, что **смертная казнь** не опирается ни на **какое законное право**, ибо человек, вступая в общество, не уступал права на свою жизнь. По его мнению, жизнь не составляет блага, даруемого человеку государством, а потому государство и не имеет законного права эту жизнь отнимать. Жизнь есть дар

Божий, ее прекращение или продление зависит только от воли Творца, и государство, самовластно прекращая таковую, присваивает себе не принадлежащее ему право^{LXI}.

В самом деле, зачем человеку надо было передавать государству или какой-либо другой власти право на лишение его жизни, которая является его естественным правом, данным ему Богом? И вообще, существует ли предел прав, переданных индивидуумом для защиты общих благ? Ведь с таким же успехом можно утверждать, что индивидуум, член общества, не передавал государству права и на пожизненное лишение свободы, поскольку свобода — это тоже его естественное право, данное Божеством. Но факт остается фактом: в процесс исторического развития человеческого общества это право оказалось в руках общественной организации, образованной самими же членами сообщества. Но как этот институт наказания оказался в руках субъекта, у которого нет большей власти над человеком, чем возможность лишить его жизни за нарушение установленных сообществом правил поведения? Нет сомнений в том, что обоснование смертной казни всегда вытекало из потребностей, этот институт вызывающих. И не только история вопроса о праве лишения жизни человека, но и о системе наказания вообще на протяжении нескольких столетий занимала выдающиеся умы во всех

^{LXI} Беккариа Ч. Указ. соч. С. 125 и далее.

цивилизованных странах. По словам Ч. Беккариа, утомленные вечными раздорами, люди решили, наконец, пожертвовать частью своей свободы с тем, чтобы пользоваться остальной частью спокойно и в безопасности. Таким образом, источником права наказания является, по его мнению, необходимость защищать общественную безопасность от насилия отдельных лиц.

Однако история не дает ни одного примера образования государства по договору индивидуумов. Поэтому, Голлер не без основания утверждал, что общество не создано искусственно, в виде его полезности, договором отдельных лиц, а возникло естественно, независимо от людских соглашений; корни его заложены глубоко в природе человека. Следовательно, право наказания покоится, по его мнению, не на договоре, а на силе, могущей предоставить защиту. Право наказания заключается в естественном праве защищать себя и заботиться о своей безопасности. Оно не есть принадлежность исключительно государственной власти, а является и теперь общим достоянием всех людей. Некоторые авторы смешивают вопрос о праве наказания с принципами, на которых оно должно быть основано. Так, например, итальянский юрист Ф. Каррара считал, что право наказания покоится на трех принципах: справедливости, пользы и симпатии^{LXII}. Представители теологических теорий также выводят право наказания из пользы, поскольку, по их мнению, естественный закон допускает лишь то, что служит благу человечества. Следовательно, право наказания имеет своим источником справедливость, так как естественный закон как закон Божественный предписывает лишь абсолютно справедливое. Наконец, оно не может не пользоваться всеобщим признанием, так как

^{LXII} См.: Programma dei cazco di dizitto criminale. 8-е изд. 1897. I. § 609.

нравственный закон начертан творцом в сердце человека, подсказывается нравственным чувством и здравым разумом; его требования не могут не встретить отклика во всех не испорченных страстью сердцах. Однако следует не забывать, что всякая теория, возводящая свои принципы к религиозной основе, является, как подчеркивает С.В. Познышев, «шаткой и рискованной в том смысле, что не может предоставить достаточных гарантий действительного соответствия выставляемых его начал воле Всевышнего и всегда возбуждает основательное сомнение: не выдает ли она за веление верховной Божественной воли человеческие измышления?»^{LXIII}. Поэтому попытки отыскать основание права наказания в религии бессмысленны и не имеют под собой научной основы.

Будем исходить из того, что более приближенной к реальности является теория общественного договора о передаче права наказания руководителями племен, родов, союзов в руки государства. Об этом говорил еще Сократ, по мнению которого обязанность законопослушного поведения не предписывается «сверху», а является результатом свободного, добровольного выбора совершеннолетнего афинянина в момент принятия им гражданства. Но это вовсе не означает, что государство произошло или образовалось в результате произвола людей.

В конце концов люди осознали, что общежитие является не только необходимым, но и разумным условием человеческого бытия. Благодаря слабости и недостаточности организма человека только в обществе себе подобных он может найти опору и поддержку в борьбе за существование, найти средства и способы осуществления высших

^{LXIII} Познышев С.В. Основные вопросы учения о наказании. Исследование приват-доцента Императорского Московского университета. М., 1904. С. 111.

задач человечества, постепенного развития материальных и духовных интересов каждого¹. Поэтому, без сомнения, следует признать, что в основе образования государства лежит нравственная необходимость, ибо люди осознали, что они по самой природе своей вынуждены жить в государстве, которое в античный период рассматривалось с двух противоположных позиций: как коллективный надобщественный ареал, необходимый социуму для защиты прав и свобод, и как механизм ограничения индивидуальных волеизъявлений. Согласно Эпикуру, справедливость, законы, государство оказываются результатом соглашения «о том, чтобы не вредить и не терпеть вреда»^{64 65 66}. Цель такого соглашения (договора) — обеспечение общей пользы как взаимной безопасности. Члены сообщества убедились в том, что даже рекомендации Эпикура — «живи незаметно», «безопасность достижима благодаря тихой жизни и удаления от толпы», «надо освободиться от обыденных дел и общественной деятельности» — не могут спасти (уберечь) человека от опасностей вне общества. Во имя этой всеобщей безопасности и должно использоваться наказание, которое рассматривается как юридически уравнивающая сила в обществе различных по своим качествам людей. Наказание как бы обеспечивает равенство участников соглашения, договора в сообществе. Люди поняли, что спокойствие в обществе возможно поддерживать только наказанием, ибо только при его существовании человек спокойно ложится спать и спокойно просыпается⁷.

Итак, право на наказание перешло государству не насильственным путем, а с согласия людей, которые отказались от определенных прав и свобод, в том числе от права на месть, принадлежащую им в естественном состоянии. Человек передал

⁶⁴ Таганцев Н.С. Смертная казнь. М., 2016. С. 13.

⁶⁵ Материалы Древней Греции. М., 1955. С. 217.

⁶⁶ Алексеев Н.Н. Идея государства. Нью-Йорк, 1955. С. 42.

это право в руки новообразованного организма с тем, чтобы в дальнейшем этим правом располагало государство в той мере, в какой этого будет требовать общее благо. При этом право наказания передается каждым лицом лишь с наилучшим намерением, чтобы сохранить себя, свою собственность и свободу. Следует согласиться с тем, что, с точки зрения моральной и материальной, наказывать людей — отнюдь не завидное право, а, напротив, весьма тягостная обязанность, от выполнения которой государство уже не может уклониться, ибо естественное начало — основной принцип права наказания — вытекает из необходимости защиты не только отдельного индивидуума, но и самого общественного организма. Передавая добровольно государству когда-то принадлежащее предводителям племен, родов и союзов право наказания, люди понимали, что из этого права вытекает также неоспоримое право государственного принуждения. Но почему же люди, добровольно объединившись в новое сообщество, не в состоянии были без принуждения соблюдать и уважать права и свободы друг друга? Иными словами, возможно ли было гражданское согласие на основе свободного выбора законопослушного поведения без государственного принуждения, детально законодательной регламентации всех сторон жизни? Разве нельзя было, объединяясь в сообщества, договориться не обижать друг друга, не нарушать установленные правила поведения, чтобы затем не быть наказанными? Не противоречит ли механизм государственного принуждения высшему нравственному сознанию, свободе индивидуума? Ведь, в принципе, право свободы исключает всякое принуждение, которое абсолютно неправомерно, ибо оно похищает внутреннюю свободу индивидуума. Но так было в начале истории человечества, когда каждый рождался свободным, должен

id -----
быть свободным и мог действовать только по собственному усмотрению. Однако наступило время, когда община

свободных людей задумалась над устройством взаимоотношений между членами сообщества, так как стало понятно, что, если каждый будет поступать только по своему собственному усмотрению, то нельзя будет противиться злу насилием, иначе похищается внутренняя свобода индивидуума.

Вступая в общество, человек взамен того, что он теряет, делаясь членом общества, приобретает известные выгоды, недоступные для него в состоянии естественном. Каждый имеет право защищать свою свободу силой, имеет право принуждать нарушителя его прав к соблюдению установленных правил. Однако такое принуждение не имело ни силы, ни гарантий правомерности, потому что оно было неорганизованным. Поэтому члены сообщества были вынуждены отдать (передать) свое право принуждения, то есть свою силу и свое право судить, третьему, нейтральному субъекту, который должен быть сильнее и справедливее. Именно так появилась необходимость в законном праве субъекта применять принуждение, которое не было дано природой, а есть продукт сознательной, целесообразной деятельности людей на добровольных началах с целью обеспечения справедливого порядка.

Это властное принуждение, которое мы сейчас именуем государственным, было основано, образно говоря, на договоре всех членов сообщества. Он устраивал всех, поскольку если раньше право осуществлять принуждение принадлежало самим членам сообщества, то обиженный легко мог оказаться в состоянии невозможности осуществить это свое право в силу своей слабости. Кроме того, сами субъекты права не могли определять меру принуждения, то есть они не в состоянии были судить о том, нарушено ли право, в какой мере оно нарушено и т. д. Как говорил Фихте, «нет права принуждения без суда». Парадокс заключается в том, что человек добровольно соглашается на применение в отношении него принуждения третьим субъектом, понимая (сознавая), что этим он теряет часть своей свободы, ограничивает ее. Однако если вникнуть в суть этого исторического процесса, то становится ясным, что,

наоборот, именно посредством организованного правового принуждения защищаются права и свободы каждого члена общества. В противном случае права каждого постоянно нарушались бы: сильный обижал бы слабого, здоровый — больного и т. д. Поэтому принуждение, в принципе, не дает возможности одним властвовать над другими. Для этого каждый был вынужден, прежде всего, ограничить свою свободу так, чтобы рядом с нею могла существовать свобода другого лица. Причем это ограничение требует строгой взаимности: я лишь потому и лишь постольку ограничиваю свою свободу, поскольку другое лицо ограничивает свою. Принуждение, конечно, противоречит свободе и нарушает ее, но правовое принуждение есть разрешение этого противоречия и устранение правонарушения, ибо принуждение здесь уничтожается принуждением; правовое принуждение есть «второе принуждение, составляющее уничтожение первого принуждения». По Гегелю, оно есть отрицание отрицания свободы и поэтому утверждение свободы.

Итак, вопрос о естественном начале перехода права на наказание государству нами уяснен. Однако остается неразрешенной проблема смертной казни: была ли и эта мера оговорена общественным договором? По логике, если смертную казнь отнести к виду наказания, то есть если эта мера является наказанием и обладает всеми его признаками, то ее применение было согласовано с членами сообщества. В противном случае смертную казнь следует считать государственной репрессией или мстью в отношении индивидуумов, не предусмотренную общественным договором. Следовательно, такая мера не имеет нравственной основы.

С практической точки зрения, можно поставить вопрос таким образом: что должно считаться наказанием? Ответ простой: наказание — особое специфическое средство в руках государства или другого субъекта, обладающего соответствующими правами на его принятие и применение, для достижения определенных целей. Приблизительно так

понимает наука уголовного права понятие наказания. Ну а если более конкретно, то традиционно законодательство дает следующее определение наказания: «Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда». Такое юридическое определение, как мы понимаем, дает возможность субъекту выбирать и применять любое средство, в том числе, естественно, и смертную казнь, в качестве наказания. В таком случае приходится признать, что смертная казнь как вид наказания нравственно оправдана, так же как и другие виды, если **она необходима, полезна и справедлива**. Этого требует здравый смысл и логика. Однако это еще не означает, что оно подходит под истинно философское понятие наказания, которое непосредственно связано с правами человека, в том числе с правом на жизнь, ибо при смертной казни преступник фактом преступления лишается своих прав в широком смысле слова. Иначе говоря, у него отнимается первое условие всякого права — существование.

Логически все, вроде бы, верно, ибо пока у преступника, совершившего даже самое тягчайшее преступление, остается какое-либо право, наказание продолжает по-прежнему иметь уголовно-правовой смысл. Но стоит отнять у него права без исключения, тогда наказание лишается своего необходимого элемента — уголовно-правового субъекта и превращается в **ненаказание**. Иначе говоря,

и в случае смертной казни уничтожается форма наказания — правовой субъект, и наказание лишается своего правового смысла. На самом деле, если мы наказание рассматриваем как государственное осуждение, которое поражает преступника в определенных правах, то правильно ли смертную казнь считать наказанием, если виновный лишается своей правосубъективности, становится бесправным перед государством, превращается из человека в другое живое существо?

Если наказание имеет смысл и ценность до тех пор, пока существует еще правовой субъект как носитель идеи права, как член правового союза, то, действительно, вряд ли смертную казнь можно считать наказанием. Это означает абсолютную власть государства над личностью. А как же быть с признанием неотъемлемых прав человека? Ведь воздействие государства на личность посредством наказания как реакции на поведение имеет пределы самой сущностью наказания. Государство, в зависимости от сложившейся ситуации, в целях усиления охраны безопасности общества может перейти эти пределы. Однако этот оправдываемый переход есть заведомо уже не правовое наказание, то есть не уголовно-правовой акт, а акт временной общественной безопасности. Так бывает, как правило, после революций или во время войны. Поэтому в данном случае речь идет об отделении наказания как средства противодействия преступности и меры общественной безопасности. Оправдан ли в таком случае переход предела границ наказания при резком увеличении тягчайших преступлений, умышленных убийств? Конечно же, при определении предела границ следует исходить, в первую очередь, из того, что личность не бесправна, а является носителем неотчужденных прав, не подлежащих нарушению со стороны государства, содержание и объем которых может меняться для каждой данной эпохи, для каждого народа, но идея наличности каких-то неотъемлемых прав остается неизменной. Поэтому преступник, какое бы он ни

совершил тяжкое преступление, не лишается своих прав, и в первую очередь права на жизнь, которое дано ему с рождением.

В подтверждение положения о том, что смертная казнь не является наказанием законным, необходимо привести такие доказательства, к которым могли бы примкнуть здравомыслящие и рассудительные люди из самых разнообразных слоев общества. Но таковых пока мы не услышали. Ведь нельзя забывать, что когда мы говорим о законности смертной казни как наказания с точки зрения нравственности, то должны помнить, что речь идет о нравственности относительной, ибо лишение жизни человека осуществляется государством в принудительном порядке.

Смертную казнь можно было не считать наказанием, если бы государство ставило цель отомстить преступнику, применяя эту меру, причинить зло или страдание. Но, если общество хочет просто обезопасить себя и своих граждан от новых убийств, а также одновременно с этим удовлетворить чувство справедливости людей, разве оно не вправе использовать любое средство в определенных границах нравственности? Законность применения смертной казни более оправдана не тем, что она полезна и необходима, а тем, что она справедлива в отношении определенных категорий убийц, совершивших особо тяжкие, квалифицированные убийства с тяжелыми последствиями. Иначе говоря, применяя смертную казнь, общество в лице государственной власти не преследует цель продемонстрировать свою жестокость и зверство, а желает довести до людей информацию о всей полноте имеющихся в его распоряжении возможностей в реагировании на брошенные вызовы отдельными членами сообщества.

Итак, с появлением государства человек решил свое право убивать нападающего на него передать новообразованному органу, говоря: уважайте мою жизнь, защищайте ее; я, со своей стороны, буду точно так же действовать в отношении остальных, то есть и я обещаю никому не отнимать жизнь; согласимся взаимно быть лишенными жизни со стороны государственной власти, если несправедливо лишим жизни одного из членов своего сообщества. Данное негласное, добровольное соглашение между властью и индивидуумом практически означает, что **не государству дано право применять смертную казнь, а преступник потерял право на жизнь**. Общество же не создает нового права, а только пользуется старым естественным правом, становясь при использовании этого наказания на место частного лица. Из всего этого следует, что за личностью остается право отнять переданное когда-то государству свое право кровной мести, если она видит явное нарушение принципа справедливости, оговоренного и утвержденного в договоре.

Следовательно, если когда-то члены общества это свое право передали государству, исходя именно из необходимости, полезности и справедливости, то только они сами могут отказаться от применения смертной казни тогда, когда убедятся в ее безнравственности, несправедливости и бесполезности.

Глава III

СОЦИОЛОГИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

1. Мы убедились в том, что философия обращает внимание на смертную казнь и на ее сущность с точки зрения ее места и роли в общественном механизме, оправдания, отрицания или

осуждения юридической природы этой меры наказания с позиций этических норм, духовно-нравственных ценностей. Иначе говоря, философский подход помогает исходить из доверия к силам нашего разума, могущего отыскать абсолютную сущность смертной казни. Однако философское осмысление нравственности этого наказания сопровождается сомнениями, которые не могут служить основанием для утверждения законности права государства на смертную казнь, хотя истинные знания добываются только через сомнения. Поэтому мы вынуждены обратиться к социологическому подходу, опирающемуся на социологию, чтобы определить полезность высшей меры наказания в противодействии тем преступлениям, за которые эта мера предусмотрена. При этом будем обращаться к умышленным убийствам, в частности совершенным жестоким способом и с тяжелыми последствиями, ибо именно об этом виде преступления идет речь, когда возникает вопрос полезности смертной казни.

Термин «социология» впервые появился в «Курсе позитивной философии» О. Конта, в котором автор обозначил основные признаки и свойства того метода, при помощи которого социология должна добывать научные знания об обществе. Следовательно, социологию О. Конт определяет как способ получения соответствующей информации обо всем том, что связано с обществом, то есть дисциплину, изучающую общество как целое и применяющую для этого все средства и методы современного научного познания. Таким образом, предметом социологии, то есть собственно социологии в «чистом» виде, без антропологического компонента в своем названии, является общество как таковое, а человек для нее — это периферийный объект. Однако социология в «чистом» виде не может претендовать на статус науки, потому что общество как таковое без человека невозможно. Другое дело, когда социология уделяет первостепенное внимание закономерностям возникновения и развития совместной жизни людей как представителей определенных социальных общностей и групп. Вот в этом значении социологию можно определять как науку, стремящуюся понять смысл социального поведения людей путем обнаружения движущих ими причин, ибо поведение, с точки зрения немецкого социолога М. Вебера, это человеческие действия, имеющие субъективный смысл.

Таким образом, социологию можно определить как науку о социальном взаимодействии, о поведении людей в среде себе подобных. При этом очень важно понимать, что для социологии важно не только поведение людей в его внешних проявлениях, но и содержание тех духовных ценностей, на которые оно ориентировано. Понятно, что поведение людей в обществе невозможно без соответствующего регулирования. Д. А. Керимов отмечает, что регулировать — значит устанавливать принципы, пределы,

масштабы поведения людей, вносить в общественные отношения стабильность, систему, порядок и, тем самым, направлять их в определенное русло^{LXVII}. А таким качеством обладают именно правовые нормы. По природе своей право есть нормативный регулятор, его социальное назначение проявляется в регулировании жизненных процессов, то есть в социальной организации порядка, его поддержании, сохранении и защите ради определенных, признанных культурным сообществом целей.

Общие законы, которые подчинили бы себе все социальные факты, все социальные институты и все сферы жизни общества, вряд ли возможны. Это под силу исключительно отдельным отраслям знания, в частности социологии права, становление которой как науки обычно связывают с именами французского философа и социолога Э. Дюркгейма и австрийского юриста Е. Эрлиха, хотя именно Ш. Монтескье действительно дал самый мощный толчок юридическому изучению права как социального явления. Поэтому не случайно некоторые ученые называют именно французского просветителя первым социологом, несмотря на то, что социологии как науки в его время еще не существовало.

Социология права является достаточно молодой научной дисциплиной, имеющей историю протяженностью всего лишь в полтора столетия. Социологический подход к праву имманентно содержит в своих установках идею необходимости подчинения индивида социальным предписаниям, освещенным авторитетом общественной власти. Поэтому предметом социологии права в широком смысле являются все государственно-правовые институты, входящие в государственно-правовой механизм регулирования

^{LXVII} Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2003. С. 363.

общественных отношений, их социальная обусловленность, а также оценка эффективности регулирования возможностей права, равно как и процесс обратного воздействия общества на государственно-правовую сферу¹.

Все свойства, методы, приемы, присущие социологической науке в целом, характерны и для социологии права, хотя и имеют свою специфику. Традиционно социологический подход к правовым феноменам предполагает опору на принцип социального детерминизма, который требует исходить из того, что весь комплекс причин, условий, предпосылок и оснований права пребывает в пределах социального мира. «В свете социологического видения право, — отмечает В.А. Бачинин, — предстает не как самостоятельный и самоценный феномен, но как составная и в значительной мере подчиненная часть социальной системы, наделенная рядом служебных функций»⁶⁸
⁶⁹.

Э. Дюркгейм совершенно правильно утверждал, что нет необходимости доказывать социальный характер юридических институтов. Сегодня ученый, изучающий социологию права, не может быть энциклопедистом в этой широкой области. Поэтому появляется необходимость, чтобы каждый ученый сосредоточился на отдельных категориях правовых проблем. В частности, речь идет о социологии уголовного права. До настоящего времени не выработано единой позиции в определении понятия, предмета и места социологии уголовного права в системе правовых наук. Так, считается, что вопросы уголовной социологии должны рассматриваться в рамках криминологии, а не уголовного права, ибо, как известно, проблема преступности изучается именно этой наукой. Поэтому только криминология, по существу, и может рассмат-

⁶⁸ Корнев А.В. Социология права. М., 2015. С. 55—56.

⁶⁹ Бачинин В.А. Социология. СПб., 2004. С. 508.

риваться как социология уголовного права. А как быть тогда с проблемой наказания? Ведь институт наказания не входит в область изучения криминологии. Каково же место наказания в рамках социологии уголовного права? Если считать, что криминология есть наука, изучающая все, что связано с преступностью и преступлением, а наказание — реакция общества на уже совершенное преступление, то закономерно и существование социологии наказания. В системе правопведения социология наказания есть направление (аспект, сторона) науки уголовного права, которое рассматривает уголовно-правовой институт наказания в его социально-экономической обусловленности, в процессе его функционирования в обществе и в связи с его социальной эффективностью. В наиболее общем виде **социологию наказания** можно определить как самостоятельную подсистему науки уголовного права, представляющую собой систему теоретических взглядов, представлений, гипотез о социальной обусловленности, восприятии и реализации «в реальной жизни» института наказания (системы наказания в целом и отдельных ее видов), начиная от уголовного правотворчества и заканчивая исполнением приговора.

Социология наказания представляет собой сложный познавательный акт, направленный на изучение процессов реального действия этого средства в жизни, его воплощения в обществе, его воздействия на население и на поведение отдельных людей. Следовательно, предмет социологии наказания — это социальный механизм реализации уголовного наказания на население в целом и лиц, совершивших уже преступление. Социология наказания призвана раскрыть, каким образом, в каких формах и насколько эффективно действует система наказания. Особенность социологии наказания состоит в том, что основная масса знаний, получаемых в ходе исследований,

является эмпирической. Знания такого уровня отражают объективную реальность, свидетельствуют об эффективности наказания на основе данных о состоянии преступности в стране.

Итак, необходимость выделения социологии наказания в качестве самостоятельного понятия связана с наиболее оптимальной возможностью оценки качества действия системы наказания в целом, а также отдельных ее видов с позиций эффективности в реальной жизни общества. Мы имеем достаточно данных для вывода о том, что уголовное наказание как социальное явление входит в предмет социологии, и в частности в ту ее отрасль, которую называют социологией уголовного права. Контроль над преступностью предполагает знание причин преступлений и того действия, которое производит наказание на это социальное явление. Следовательно, можно заключить, что социология наказания, в принципе, невозможна, беспредельна без статистических данных о преступности и причин преступлений.

Уголовная социология, таким образом, состоит из двух взаимосвязанных частей: криминологии и социологии наказания, которую преступность интересует не только как статистика, но и как явление социальное. Социология наказания включает в себя следующие направления. Первый уровень касается возможностей применения универсальных познавательных принципов социологии в системе наказания. То есть возможно ли вообще понятие «социология наказания»? При положительном ответе мы переходим ко второму этапу, где разрабатывается теоретическая социология, формулирующая гипотезы, выстраивающая аргументированные концепции. На этом уровне анализ ведется с использованием познавательных средств психологических, демографических, статистических и других научно-теоретических и научно-практических

■ sx-f»

дисциплин. Далее мы переходим к эмпирической социологии. Здесь проводится практическая работа, ведутся различные формы наблюдений над процессом действия системы наказания в целом, а также отдельных ее видов на население, а также на конкретного преступника.

Особо важное значение имеют также результаты исследований отношения общества к уголовному наказанию в целом и отдельным его видам в частности. Речь идет о системе: «наказание — население», «наказание — преступник». Только после этого возможно предложить соответствующие теоретические и практические предложения по совершенствованию системы уголовного наказания. В принципе, можно утверждать, что социология наказания предусматривает четыре основных направления исследования, которые и составляют ее предмет. Первое направление — это изучение социальной обусловленности законодательства по определению наказания. Второе направление в определенной степени как на теоретическом, так и на практическом (эмпирическом) уровне составляет исследование эффективности действия наказания в реальной жизни, то есть на практике. Третье направление — комплекс исследований различного профиля, посвященных изучению социально-психологического механизма действия наказания на население, а также отношение самого населения к системе наказания в целом и к отдельным ее видам в частности. Наконец, четвертое направление связано с попыткой определения будущей судьбы того или иного конкретного наказания, то есть с прогнозированием.

В связи с обсуждаемой проблемой следует отметить, что, хотя социология и философия и имеют общее проблемное пространство, тем не менее каждая из них самостоятельно трудится на его просторах. Социология гораздо ближе к нуждам непосредственной общественной

практики, чем философия. Если от философии никто не ждет конкретных практических рекомендаций, то от социологии их ожидают.

Сказанное можно отнести также к философии и социологии наказания. В отличие от философии наказания социология наказания интересуется исключительно жизнедеятельностью этого средства воздействия на людей в пределах системы «наказание — общество», «наказание — преступник», а не сутью и содержанием этого феномена. Для социологии наказания не имеет значения, на каких принципах, условиях основано наказание — на возмездии или нравственности. Для нее важно, чего и как мы достигаем наказанием, какие результаты получаем и т. д. Поэтому, если для философии разгадка тайны находится в самом наказании, то для социологии — в самом обществе и в личности как участнике социума. Так, например, если социология исследует конкретный механизм действия наказания на население, на общество, на личность по обеспечению контроля над преступностью и предупреждением преступных проявлений с точки зрения реальных показателей, то философия стремится показать внутреннюю сущность, содержание, свойства и нравственную сторону этого феномена. В чем состоит суть и назначение социологии наказания? По О. Контю, задача социологии — добывание именно позитивных, свободных от мистико-метафизических компонентов, знаний посредством наблюдений, сбора и обобщения фактов, построения и проверки гипотез, создания научных концепций, обнаружения законов наблюдаемых социальных явлений и процессов. Одним словом, в обобщенном виде социология собирает, обобщает, систематизирует информацию о том, что происходит в обществе с людьми, с отношениями между разномасштабными социальными субъектами, с общественным и индивидуальным сознанием.

Следовательно, можно утверждать, что социальноправовые исследования проводятся в целях сбора и обобщения эмпирической информации, необходимой для решения каких-либо теоретических или практических проблем. Социологический подход к исследованию феномена наказания предполагает изучение социального, социально-психологического и юридического механизмов действия наказания на население. Это дает возможность определить соответствующие факторы, влияющие на исполнение (реализацию) наказания. Благодаря результатам таких исследований мы в состоянии реально оценить объективные возможности наказания в реализации тех целей, которые стоят перед обществом в контроле над преступностью, и, соответственно, обеспечить законодателя и правоприменителя научными рекомендациями, что позволит по результатам исследования найти пути повышения эффективности наказания.

Как правило, социология подразделяется на теоретическую, специализированную и прикладную. **Теоретическая социология** (общая социология) — общая теория социальных проблем, формулирующая обобщенные принципы взаимодействия человека и общества, которая не вправе уклоняться от эмпирических фактов, поскольку только на их основе она может строить какие-либо обобщения.

Специализированная социология использует методологический потенциал теоретической социологии применительно к локальным сферам и их проблемам (политическая социология, социология права, социология преступности, социология наказания и т. д.).

Прикладная социология — это сфера исследовательской деятельности, имеющей конкретные социальные задачи. Социологическое исследование наказания, относящееся к специализированной социологии, включает в себя следующие стадии: 1) составление программы; 2) сбор

первичной информации; 3) обработка и статистический анализ первичной информации; 4) научный анализ и объяснение статистических данных; 5) прогноз эффективности наказания.

Рассмотрев значение и возможности социологии вообще, а также социологии наказания в частности, становится очевидным, что только посредством социологического исследования мы можем определить полезность (эффективность), а значит, необходимость смертной казни в качестве средства достижения той цели, которую общество преследует. При этом под полезностью мы понимаем такое ее свойство, которое способно приносить выгоду, пользу, добро, предупреждать вред, зло. **Поэтому смертная казнь как вид наказания полезна, если она способна устранить какое-либо большее зло, чем она. Следовательно, она бесполезна не только тогда, когда мы с ее помощью стремимся предотвратить вред, ценность которого незначительна, но и в том случае, если смертная казнь не способна противостоять деяниям, приносящим наивысший вред как обществу в целом, так и отдельным личностям в частности.**

В принципе, считается логически правильным определять степень полезности смертной казни путем соотношения поставленной цели и полученного результата, хотя и эту формулу нельзя считать идеальной, ибо между поставленной обществом **целью** и фактическим **результатом** существует довольно значительная дистанция, которую следует преодолеть. Поэтому на этом пути может быть целый комплекс взаимосвязанных обстоятельств, влияющих на эффективность достижения. Сложность определения **полезности смертной казни** связана также с неопределенностью, неясностью самой цели, в отличие от результата, который свободно и точно выражается в числовых показателях. Иначе говоря, если результат возможно

«материализовать», «овеществить» посредством введения соответствующих показателей, которые придают ему количественную и качественную определенность, то в отношении цели этого сделать невозможно. Чтобы измерить величину цели, необходимо найти отношение измеряемой величины к другой однородной величине, принятой за единицу измерения. А для этого нужно, прежде всего, провести их сравнительный анализ, то есть, во-первых, найти непосредственный эталон оценки; во-вторых, выразить в однозначных единицах измерения как цель, так и результаты. Поэтому, чтобы измерить, хотя бы приблизительно, эффективность смертной казни, необходимо выразить предварительно цель, поставленную обществом, и результаты в соотносимых единицах измерения, для чего требуется разработать систему показателей. Так, например, чтобы определить эффективность пожизненного лишения свободы, заменившего смертную казнь, можно провести сравнительную характеристику между показателями уровня преступлений, за которые по законодательству предусмотрена эта мера наказания. Если уровень этой категории преступлений системно идет к увеличению, то можно предположить, что смертная казнь была более эффективна, чем ее альтернатива.

Этот же метод можно использовать при определении эффективности лишения свободы в случае изменения его границ, то есть при увеличении его пределов. Поэтому измерение эффективности наказания вообще и смертной казни в частности посредством числовых показателей невозможно. Они могут основываться на относительных величинах числа: низкая, средняя, максимальная; худшая, средняя, лучшая; малая, средняя, большая. Мы предлагаем выделить четыре условных ступени эффективности наказания в виде смертной казни в зависимости от существующего результата преступления: высокоэффективная,

среднеэффективная, малоэффективная, неэффективная (нулевая эффективность).

Высокоэффективная ступень — результат является настолько положительным, что равен либо приближается к идеалу, задуманному как цель. Следовательно, смертная казнь способна сдерживать людей от совершения убийств, а также других преступлений, за которые она предусмотрена, а значит, может оцениваться как средство полезное и целесообразное.

Среднеэффективная ступень — лишение жизни не в состоянии сдерживать определенную часть населения от преступлений, за которые предусмотрена эта мера. Они существуют, хотя их уровень и невысокий. Полезность этого наказания средняя, то есть неудовлетворительная.

Малоэффективная ступень — результат оказался значительно ниже намеченной цели. Уровень преступности этой категории относительно высокий и стабильный. Тенденции к снижению не наблюдается, наоборот, идет ее рост. Одна из причин заключается в том, что устрашительно-предупредительная сила смертной казни слишком слабая. Полезность такого наказания сомнительна.

Неэффективная ступень — высшая мера наказания как средство не способна принести положительных результатов, ибо уровень убийств очень высокий и идет тенденция к росту. Можно утверждать о бесполезности этого наказания. Однако нельзя забывать, что ее возможности ограничены и что на результат оказывают влияние многочисленные условия и обстоятельства социального порядка, в том числе экономическая и политическая ситуация в стране. Недостижение намеченной цели еще не значит, что средство бесполезное, а это означает возможность неверного его применения. Если мы хотим определить степень «вины» смертной казни в неэффективности противостояния, в частности, убийствам, то тогда следует изучить полезность общества в устранении первопричин этого преступления,

внешних условий, способствующих его совершению.

2. Ю.М. Юмашев утверждает: «... 100-страничная книжечка Ч. Беккариа “О преступлениях и наказаниях”, несомненно, потрясла Европу XVIII в.»^{LXX} По словам самого Ч. Беккариа, если он докажет, что смертная казнь ни полезна, ни необходима, то он выиграет дело человечества. Что хотел сказать этим великий Беккариа? **Во-первых**, то, что, действительно, эта проблема имеет огромное общечеловеческое значение. **Во-вторых**, автор бессмысленность смертной казни видит именно в ее бесполезности и отсутствии необходимости, а не в безнравственности ее применения. Однако, как ни старался Беккариа доказать, что необходимо отказаться от этой меры, его аргументы так и остались небесспорными. Он утверждает, что право на смертную казнь не имеет ни одна верховная власть и законы, ибо это наказание не может быть **правом** и не является таковым. Как видим, данное утверждение имеет чисто философский характер и не подтверждено с практической точки зрения. То, что жизнь есть величайшее из всех благ, знают все. Но кто-то должен взять на себя обязанность охранять жизнь членов сообщества, чтобы люди сами не отнимали жизнь друг у друга. Возможно ли это, если общество не будет иметь право отнимать ее у того, кто вздумал бы отнять ее у других. Конечно, никто не согласится дать обществу, власти право отнимать у себя жизнь, если бы не было случая отнятия жизни друг у друга, между членами сообщества, посягать на жизнь другого. Поэтому, соглашаясь на отнятие жизни в случае нарушения условия

^{LXX} Юмашев Ю.М. Беккариа и Россия. М., 2000. С. 5.

договора между членами сообщества верховной властью, индивидuum видел в этом свою безопасность и защиту со стороны общественной власти. И это условие настолько естественно, что никто не мог сомневаться в справедливости смертной казни, поскольку она основана на договоре и общественной пользе.

Далее Беккариа утверждает, что смертная казнь может считаться справедливой и необходимой, если это наказание не является единственным средством удержать других от совершения преступления. Как мы понимаем, в данном случае речь идет об эффективности, полезности смертной казни, в чем сомневается автор. Однако сегодня наука психология доказывает, что именно эта мера является самым могучим удерживающим средством в противодействии насильственным преступлениям, в частности умышленным убийствам.

Кроме того, Беккариа связывает полезность смертной казни с определенными условиями общественной жизни, то есть она не нужна только в тех странах, где существует спокойствие, где система правления воспринята всей нацией и т. д. Ну а как быть, когда в обществе криминогенная ситуация тревожная, когда анархия, когда беспредел заменяет законы? В таких случаях, по логике самого Беккариа, смертная казнь необходима. Она необходима также тогда, когда, по его утверждению, даже лишенный свободы «обладает такими связями и таким могуществом, что это угрожает безопасности нации и его существование может вызвать переворот, опасный для установленного образа правления». Следовательно, автор допускает возможность применения смертной казни за определенные государственные преступления.

Итак, Беккариа выступает против смертной казни, но с определенными условиями. Он, в принципе, против этого наказания с нравственной точки зрения, однако с позиции

здорового смысла считает возможным ее существование. Можно ли отнести высокий рост насильственных преступлений, в том числе умышленных убийств с особой жестокостью и тяжелыми последствиями, к тем условиям, о которых говорит Беккариа? Автор прав в том, что пожизненное заключение или, как он выражается, «рабство», которое может заменить смертную казнь, более мучительно и приносит человеку больше страданий и боли, чем лишение его жизни. Следовательно, оно менее гуманно, чем смертная казнь, конечно, только в том случае, если жизнь в заключении является в сравнении с жизнью на воле достаточно ужасной. Иначе говоря, если социальные условия жизни людей, находящихся на воле, будут такими же, как у отбывающих наказание, тогда страдание и мучение преступников не будут приносить пользы.

Ч. Беккариа так и не смог доказать бесполезность смертной казни, хотя его сомнения в этом были поддержаны не только авторитетными именами современных ему представителей юридического мира, но и влиятельными политиками и общественными деятелями. Недостаточно было привести убедительные доводы против смертной казни только на основе философских идей и деклараций. Нужны были доказательства практической бесполезности этого необычного наказания, которых, естественно, у Беккариа не было и не могло быть, ибо тогда еще не проводились социологические исследования по определению эффективности наказания в борьбе с преступными проявлениями. Может быть, великий итальянец знал, что человечество сможет открыть пути к определению полезности этого древнего наказания тогда, когда появится возможность в проведении научных социологических исследований в этой области. В настоящее время полезность смертной казни, как правило, определяется степенью ее эффективности по отношению к умышленным убийствам.

Скорее всего, это связано с тем, что именно за это преступление, ввиду его особой опасности для общества, предусмотрена смертная казнь во всех тех странах, где существует эта мера наказания.

По официальным данным 2011 г., всего за год на планете в результате криминальных действий погибло 468 тыс. человек. Из них на долю Гондураса приходится на 100 тыс. человек 82 убийства, Сальвадора — 66, Кот-д'Ивуара — 57, Ямайки — 52, Венесуэлы — 49. Больше всех совершается убийств в Африке — 36%; на американском континенте — 31%; в Азии — 27%; в Европе — 5%; в Океании — 1%. 80% жертв от убийств — мужчины.

В современной России, только по официальным данным, от убийств погибает в 20 раз больше мужчин и в 12 раз больше женщин, чем в странах Западной Европы. В 1998 г. в России осуждено за убийство при отягчающих обстоятельствах 5514 человек. К смертной казни приговорено 115 осужденных. Для сравнения: в 1961 г. этот показатель был 2159. Ежегодно в Азербайджане совершается, только по данным МВД, более 200 умышленных убийств. Несмотря на то, что все УК союзных республик 1961 г. имели 15 статей, предусматривающих смертную казнь в мирное время, 96% приговоренных к ней за 1961-1989 гг. были осуждены за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. Россия по уровню убийств находится на втором месте после Южной Африки; количество этих преступлений в 3 раза превышает аналогичную статистику в США и в 19-20 раз — страны Евросоюза. Умышленных убийств в расчете на 100 тыс. населения совершается в 15-20 раз больше, чем в западноевропейских странах, и в 40 раз больше, чем в Японии. Сейчас, по данным НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, в среднем за год совершается 45-46 тыс. убийств. Д. Норрис отмечает, что в последние двадцать лет на долю США,

население которых составляет всего 5% от общего числа людей, живущих на Земле, приходилось 75% серийных убийц. Из 160 серийных убийц, задержанных или вычисленных силами правопорядка, по меньшей мере 120 были обнаружены в США^{LXXI}.

Полезность смертной казни, как уже отмечалось, определяется степенью эффективности достижения поставленной обществом цели. Для этого, как правило, проводятся исследования, в основе которых лежат сравнительные анализы уровня убийств в разных странах, применяющих эту меру наказания и отказавшихся от нее. Так, например, авторы, отрицающие эффективное предупредительное воздействие смертной казни, ссылаются на одно из самых первых исследований, проведенных в Америке К. Шусслером, который, изучив динамику убийств за 1928-1949 гг., пришел к выводу, что в штатах, не применявших смертную казнь, уровень убийств в расчете на 100 тыс. населения был в 2-3 раза ниже. Однако нетрудно заметить, что такой подход, мягко говоря, выглядит слишком «упрощенным», так как не учитывает специфические условия и различия штатов, а также социальные и другие причины, способствующие совершению умышленных убийств. Нельзя забывать, что в американских штатах существуют социокультурные различия и другие особенности, влияющие на уровень преступности, в том числе убийств.

В середине 50-х годов американский криминолог Т. Селлин учел издержки методики К. Шусслера и, сравнивая статистические показатели убийств и практики применения смертной казни за период 1920-1958 гг., пришел к выводу о том, что применение этого наказания не оказывает сдерживающего влияния на уровень убийств. Но означает ли это, что уровень убийств выше именно там, где применялась смертная казнь? Оказывает ли влияние на динамику убийств ее отмена или

^{LXXI} См.: Норрис Д. Серийные убийцы. М., 1998. С. 9.

восстановление там, где она была ранее отменена? Ответы на эти вопросы требовали более точных и глубоких исследований с использованием не криминологических, а социологических исследований. Представляется, что самым примечательным исследованием такого уровня была работа И. Эрлиха с применением метода многомерного регрессивного анализа, которая имела целью продемонстрировать существенное преимущество смертной казни как средства предупреждения особо тяжких преступлений перед пожизненным заключением^{LXXII}. В итоге, Эрлих выявил наличие статистически значимой обратной зависимости между количеством совершаемых убийств и количеством смертных казней, то есть наличие предупреждающего эффекта. В частности, он подчеркнул, что каждая смертная казнь предотвращает приблизительно 7-8 убийств. Тем не менее вопрос о предельной эффективности, а именно: является ли смертная казнь более эффективным предупреждающим средством, нежели пожизненное заключение, остался открытым.

И все же утверждение Эрлиха относительно предупредительного эффекта смертной казни подтолкнуло исследователей к дальнейшему изучению этой проблемы. И как ни удивительно, новейшие исследования, использующие современные методы регрессивного анализа, показывают, что смертная казнь оказывает не только статистически значимый, но и значительный предупреждающий эффект. Современные американские исследования предупреждающего эффекта смертной казни, проведенные методом анализа панельных данных, подтвердили вывод о предупредительном воздействии высшей меры наказания.

^{LXXII} Результаты исследования были опубликованы в 1975 г.

Появились новые методы социально-экономических исследований с применением техник анализа панельных данных, которые выявили поразительный предупреждающий эффект: на одну смертную казнь приходится до 18 спасенных жизней.

Очевидная убедительность некоторых социологических исследований в доказательство предупредительного эффекта смертной казни спровоцировала резкую критику со стороны противников этой меры наказания, которые также ссылались на данные социологических исследований. Так, во второй половине 80-х годов в противовес идеям И. Эрлиха была сформулирована так называемая «теория ожесточения». Ее авторы, американские ученые Г. Пирс и У. Боверс, основываясь на результатах своих исследований, утверждали, что каждая казнь убийцы резко ожесточает общественные нравы и влечет за собой 2—3 новых убийства, а следовательно, о превентивном эффекте казни не может быть и речи. В Великобритании еще в 1950 г. специальная Королевская комиссия, проводившая исследования эффективности смертной казни и целесообразности сохранения этой меры, отметила в своем отчете: «Все изученные нами статистические данные свидетельствуют о том, что отмена смертной казни не влечет за собой увеличения преступлений».

Как известно, в 1965 г. Британский парламент принял закон о временной отмене смертной казни сроком на 5 лет, а в 1969 г. — об окончательной отмене смертной казни за убийство. В 1988-1996 гг. видный английский ученый Р. Худ под эгидой ООН провел исследование, которое было продолжено до 2002 г. Вывод был следующим: нет никаких доказательств того, что угроза смертной казни имеет сдерживающий эффект для потенциальных убийц или, во всяком случае, больший эффект, чем пожизненное лишение свободы. Следовательно, предлагает автор, госу-

дарствам, собирающимся отменить смертную казнь, нет оснований ожидать неблагоприятных изменений в динамике тяжких преступлений.

К сожалению, ни одного реального исследования по вопросу влияния смертной казни на уровень преступности, в частности на динамику умышленных убийств, ни в СССР, ни в постсоветских странах не проводилось. Все выводы ограничивались лишь теоретическими философскими рассуждениями или же голыми статистическими данными в рамках криминологии. Так, по утверждению А.С. Михлина, после введения в 1954 г. смертной казни, с начала 60-х годов наблюдалось стабильное снижение уровня убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах. Но в чем истинная причина такого снижения? Достаточен ли такой срок для подобного утверждения⁹ В.А. Бачинин пишет: «Та же статистика свидетельствует, что введение смертной казни, как правило, не ведет к снижению числа тех преступлений, против которых она направлена»¹. Что это за статистика? Кто и как проводил это исследование? К сожалению, ответов на эти вопросы у автора мы не находим.

Ссылаясь на статистические данные американских и других зарубежных авторов, к такому же выводу приходит и В.Е. Квашиш: «Наивная вера в эффективность предупредительного воздействия смертной казни основана на мифологических представлениях о том, что ужесточение наказания, применение наиболее суровых мер снижает уровень тяжких преступлений. Между тем, давно **доказано**, что расчет на ужесточение репрессии основан на иллюзии»^{73 74}. Если бы было **доказано**, что смертная казнь абсолютно не влияет на состояние и динамику убийств и

⁷³ Бачинин В.А. Указ. соч. С. 774.

⁷⁴ Квашиш В.Е. Куда идет смертная казнь. СПб., 2011. С. 389.

других тяжких преступлений, то от нее давно уже отказались бы все государства мира. В том-то и дело, что, с точки зрения общей превенции, невозможно, по крайней мере на современном этапе, доказать криминологическую значимость института смертной казни.

Статистические данные всегда и во все времена то подтверждали, то отрицали устрашительный характер смертной казни. Так, в Бельгии, по мере того как проникло в общество убеждение, что смертная казнь уже не применяется на практике, число убийств возросло с 34 в 1865 г. до 120 в 1880 г. В Пруссии, где весьма долго не казнили, численность убийств увеличилась с 242 в 1854 г. до 518 в 1880 г. А в Швейцарии со времени отмены смертной казни в 1874 г. убийства увеличились на 75%. В то же время в Канаде после отмены смертной казни в 1876 г. число убийств не только не выросло, а, наоборот, последовательно снижалось, то есть за 25 лет (1975-2001 гг.) после отмены данной меры наказания этот показатель снизился на 23%. В 1998 г., когда приговоры к высшей мере наказания еще выносились и исполнялись, прирост убийств в России составил всего 0,9%, а в 1999 г., когда данное наказание было заблокировано, этот показатель вырос почти в 5 раз и достиг 4,4%.

Мораторий на применение смертной казни в России был ознаменован резким ростом числа убийств — с 20 тыс. до 32 тыс. ежегодно^{LXXV}. Уровень убийств в США в 2006 г. составлял 5,7 на 100 тыс.; в России — 19,2; в Японии — 0,5; в Германии — 1,1; в Индии — 3,4, а в Польше — 5,6. При этом США, Индия и Япония применяют смертную казнь, а Россия, Польша и Германия — нет. Следовательно, утверждение о том, что «еще в начале XX века криминологическая наука накопила большой массив эмпирических

^{LXXV} См.: *Меязев А.Б.* Смертная казнь в Российской Федерации. Казань, 2002. С. 4-5.

данных, убедительно свидетельствующих о неэффективности смертной казни»¹, не подтверждается ни теоретически, ни практически. Что это означает?

А это значит, что сейчас невозможно сказать, каковы будут результаты дальнейшей экспертной оценки этих исследований — будут ли они в поддержку гипотезы предупреждающего эффекта, хотя, скорее всего, с некоторыми уточнениями, или будут обнаружены новые свидетельства несостоятельности этой гипотезы. Однако с большей уверенностью можно заключить, что теперь, когда критики вступили в полемику по поводу новейших исследований, выяснилось, что взаимозависимость казней и убийств до сих пор нуждается в более убедительных доказательствах^{76 77}.

В социологии преступности давно отмечено, что число умышленных убийств и особо тяжких преступлений в той или иной стране на протяжении длительного периода времени остается относительно стабильным, независимо от того, существует там смертная казнь или нет, а «взрывы» приходится на период крупных социальных потрясений. Это можно наблюдать на примере Азербайджана, когда такой «взрыв» убийств начался в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века, в период наиболее ощутимых потрясений при переходе от одной общественно-политической формации к совершенно другой, сопровождаемых еще и началом азербайджано-армянского конфликта из-за Нагорного Карабаха.

⁷⁶ *Квашиш В.Е.* Смертная казнь: мифологические представления и криминологические реалии // Всероссийская конференция по проблемам отмены смертной казни. Москва, 3¹ июня 1999 г. М., 2000. С. 16.

⁷⁷ *Вайсберг Р.* Смертная казнь как предмет социологического исследования: Новый взгляд на политику предупреждения преступлений и поведение присяжных // Право и правоприменение в зеркале социальных наук. М., 2014. С. 124.

Средний показатель уровня умышленных убийств за период с 1992 по 1998 г., то есть тогда, когда еще существовала смертная казнь за это преступление, составлял приблизительно 450: в 1992 г. было совершено 564 умышленных убийства; в 1994 г. — 499; в 1996 г. — 400. Начиная с 1999 по 2008 г., то есть когда смертная казнь была отменена и не применялась, этот показатель был уже ниже 200: в 2000 г. — 226; в 2002 г. — 212; а в 2016 г. — 201.

Наблюдается также процесс резкого уменьшения преступлений с использованием огнестрельного оружия. Так, в 1992 г. этих преступлений было более 800; в 1993 г. — 440, в 1994 г. — 487; 1995 г. — 384; в 2000 г. этот показатель был чуть более 100; а в 2008 г. — всего 71. На основе этих статистических данных можно сделать вывод о том, что не существование смертной казни было причиной роста умышленных убийств за период с 1992 по 1999 г., а нестабильная обстановка в республике и наличие у населения незаконно приобретенного огнестрельного оружия.

Нельзя также утверждать, что уменьшение убийств, начиная с 1999 г. по сегодняшний день, связано с отменой смертной казни. Это результат стабилизации обстановки в стране и отсутствия у населения огнестрельного оружия, которое, как известно, является одним из основных условий и обстоятельств для совершения этого преступления.

Итак, поскольку преступность—динамично развивающееся явление, то ее следует рассматривать в контексте всех протекающих в обществе процессов. Преступность, в особенности убийства, тогда проявляется с особой силой, когда общество бьется в тисках экономических, социальных и политических проблем и противоречий. И никакая социально-политическая система не свободна от этой закономерности.

Когда мы рассматриваем вопрос об эффективности, а значит и необходимости, смертной казни, следует иметь в виду

.....

шб”

два момента: во-первых, речь идет о предельной полезности, эффективности предупреждения убийств, а также особо тяжких насильственных преступлений в сравнении с пожизненным лишением свободы; во-вторых, понятно, что довод об устрашающем воздействии смертной казни на потенциального преступника основан на представлении о «рациональном преступнике», обдумывающем последствия своего деяния, хотя и доказано, что большая часть убийств совершается на бытовой почве, а также в незначительной степени и на почве мести.

Общепринято, что потенциальные убийцы, хотя и не всегда задумываются о последствиях своих деяний, все же по преимуществу осознают и оценивают негативные последствия подсознательно или инстинктивно. Поэтому высшая мера наказания за убийство, вероятно, способствует сокращению количества совершаемых убийств, по сравнению с тем, если бы наказания за убийство вообще не было. Как говорил А. Камю, страх перед смертной казнью очевиден^{LXXVIII}.

Итак, открытыми остаются два вопроса: если сдерживающий эффект смертной казни равен нулю, то какова практическая ценность других видов института наказания? Кто поручится, что число умышленных убийств не увеличится в тех странах, где существует высшая мера наказания, после ее отмены? Если смертная казнь оказывает влияние на динамику и состояние умышленных убийств, то и это тяжкое преступление, то есть убийство, также оказывает воздействие на наказание в виде высшей меры. Поэтому рост коэффициента умышленных убийств служит в качестве контрмеры к возврату смертной казни. В то же время уменьшение коэффициента убийств почему-то

^{LXXVIII} См.: Камю А. Размышление о гильотине. Изнанка и лицо. М., 1998. С. 589-590.

является одним из оснований отказа от этой меры, хотя практика свидетельствует о том, что уменьшение коэффициента преступности в целом никогда не приводит к смягчению наказания вообще.

Итак, количественных показателей, которые дали бы возможность измерить полезность не только смертной казни, но и любого другого наказания, никто еще не приволил. В то же время существует достаточно данных, подтверждающих, что в некоторых странах отмена смертной казни привела к росту преступлений, за которые предусмотрено это наказание, а в других — к снижению. Поэтому попытки непосредственно связывать цифровые показатели совершенных преступлений только с одним обстоятельством — введением или отменой смертной казни — несостоятельны.

Следует учитывать и другие факторы. Так, например, рост особо тяжких преступлений, в особенности умышленных убийств, наблюдался в Азербайджане, так же как и в других постсоветских республиках, именно после распада СССР, то есть тогда, когда в обществе происходили радикальные перемены, с неизбежностью несущие дестабилизацию всего жизненного пространства. Переоценка ценностей, неудовлетворенность и разочарованность новым общественным строем — все это, естественно, оказывало серьезное психологическое влияние на людей, приводило их к злобе, насилию, агрессивности, обострению национальных конфликтов. Поэтому с правовой, криминологической точки зрения было преждевременно уже через несколько лет отказываться от смертной казни как наказания за определенный вид преступления. Она и сегодня необходима как правовое ограничение.

При определении отношения к смертной казни, на наш взгляд, следует разделять два вопроса, на которые необходимо дать ответ: нужна ли смертная казнь вообще и за

какие конкретно преступления следует применять это наказание? Полагаем, что смертная казнь, с учетом целого комплекса причин, имеющих место в современном мире, необходима пока для одного преступления — умышленного убийства с особой жестокостью и с тяжелыми последствиями. Следовательно, положительный ответ на второй вопрос снимает вопрос первый. Еще в XVIII в. Ф.В. Ушаков допускал смертную казнь в двух случаях: во-первых, в отношении преступников, которых невозможно содержать под стражей без опасности; во-вторых, для убийц¹.

Противники смертной казни не учитывают реальные объективные возможности этого наказания, требуя от нее того, на что она по природе своей не способна как средство для достижения поставленной цели. Хотя смертная казнь и не в состоянии сделать людей лучше, оказывать воспитательное воздействие, тем не менее она способна кое в чем убеждать. Само существование смертной казни заставляет граждан проникнуться квазирелигиозным чувством благоговейного страха и уважения к правопорядку^{79 80}. В принципе, невозможно определить предельные возможности не только смертной казни, но и любого другого вида наказания. Относительно полезности этого наказания в противодействии умышленным убийствам противники смертной казни утверждают, что она не влияет на уменьшение этого тягчайшего преступления. В частности, Э.Ф. Побегайло отмечает, что, по экспертным оценкам, устрашающее, нравственное воздействие смертной казни на лиц, склонных к совершению убийств, составляет около 20%⁸¹.

⁷⁹ См.: Ушаков Ф.В. Смертная казнь нужна ли и полезна ли в государстве, то есть в обществе людей, законом управляемом. СПб., 1771. С. 49.

⁸⁰ См.: The Death Penalty in America. New York, 1967.

⁸¹ См.: Побегайло Э.Ф. Избранные труды. СПб., 2008. С. 59.

Однако совершенно не понятно, по какой методике возможно определить лиц, склонных к убийствам. Поэтому показатель в виде процента, указанного автором, весьма сомнителен.

Сегодня всякое общество, сознавая вечность человеческой агрессии, а также объективные возможности смертной казни как вида противодействия насилию, пока ограничивает масштабы своего усилия тем, что старается не допустить убийствам возрастать выше определенного порога допустимости. Для того чтобы эффективно, со знанием дела контролировать убийства, необходимо знать объективную, полную и всестороннюю картину не только состояния этого самого ужасного преступления, но и полезности, возможности тех средств, которыми общество пользуется в достижении поставленной цели — предупреждения умышленных преступлений и насилия.

Умышленные убийства характеризуются непостоянством, впрочем, как и любое преступление. Поэтому под влиянием определенных условий показатель может расти или, напротив, снижаться, но это преступление никогда не исчезает. Э. Дюркгейм говорил: «Для того чтобы исчезли убийцы, нужно, чтобы увеличилось отвращение к пролитой крови в тех социальных слоях, из которых формируются ряды убийц, а для этого нужно, чтобы оно увеличилось во всем обществе»^{LXXXII}. Человек, привыкший часто видеть пролитую кровь, со временем сам горит желанием пролить кровь. Такова уж суть человеческой природы. Поэтому не следует в присутствии детей резать животных, как это делается у некоторых народов.

^{LXXXII} Дюркгейм Э. Правила, относящиеся к различию нормального и патологического // Право и правонарушение в зеркале социальных наук. М., 2014. С. 143.

Если показатель убийств в стране опустился ниже тех границ, к которым мы привыкли, то есть ниже обыкновенного уровня, не стоит это принимать на счет смертной казни, так же как при отмене этого наказания уровень убийств переходит условную границу, ибо этот кажущийся прогресс связан с каким-нибудь другим обстоятельством. В частности, если общество приходит в упадок, находится в кризисном состоянии, то и личность предпринимает попытки выйти за пределы социальной солидарности, совершить различные противоправные деяния, в особенности агрессивной направленности. К существованию умышленных убийств следует относиться как к должному, но лишь в том случае, если это преступление не переходит определенные для каждого общества пределы границ, которые устанавливаются каждым обществом из предшествующих правил.

Таким образом, изначально необходимо определить условную, не слишком широкую границу показателя умышленных убийств в каждой стране, работать с неослабевающей настойчивостью над поддержанием нормального состояния и всегда быть готовыми к восстановлению установленной границы в случае ее разрушения и к обнаружению тех причин и условий, которые к этому привели. Задача не в том, чтобы поставить цель — уничтожить, ликвидировать убийства, а в том, чтобы предупредить возникновение этих убийств.

Глава IV

ПСИХОЛОГИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

1. Какую цель преследует государство, применяя смертную казнь за те деяния, которые, по его мнению, считаются самыми опасными для общества? Имеет ли эта мера объективные возможности для этого? Каков механизм реализации

ужасительных свойств смертной казни, способных противостоять человеческим преступным страстям? Нет необходимости доказывать, что единственной целью общества, оправдывающей необходимость этого средства, является вера в его устрашительные и предупредительные свойства. Но это уже область психологии, а не философии, а тем более права.

Было время, когда психологи соглашались с выводами о том, что в деле искоренения преступного поведения, в частности умышленных убийств и других тяжких агрессивных преступлений, наказания и даже смертная казнь неэффективны. В настоящее время исследования психологов показывают, что эти выводы были ошибочными. В начале 60-х годов интерес к проблеме смертной казни внезапно резко вырос. Психологи убедились, что знания о наказании, в особенности, о той его форме, которая связана с лишением человека жизни, и их воздействии на население имеют

широкое практическое и теоретико-нравственное значение, Отметим сразу, что эмпирических данных для социологических исследований психологического воздействия смертной казни на население накоплено еще недостаточно. Поэтому, если мы хотим получить прочную основу устрашительно-предупредительного воздействия этого наказания на поведение людей, то должны изучить все население. А это уже поле совместной деятельности психологов и социологов. Психология утверждает, что эффект влияния на человека зависит от того, какие механизмы воздействия использовались. Механизм воздействия уголовного наказания — убеждение, предупреждение и устрашение.

Убеждение апеллирует к логике, разуму человека, предполагает достаточно высокий уровень развития логического мышления. На людей, которые малоразвиты, порой невозможно логически воздействовать. Содержание и форма убеждения должны соответствовать уровню развития народа, в отношении которого применяется наказание. Таким образом, применяя смертную казнь, государство пытается с помощью социально-психологического давления разного рода убедить население на основе логических приемов доказательств в нецелесообразности, безнравственности совершения тех преступлений, за которые эта мера установлена. При этом истинность, нравственность применения смертной казни обосновывается через такие понятия, как справедливость и здравый смысл.

Предупреждение осуществляется посредством влияния на сознание населения, действуя как мера профилактики. Иными словами, государство напоминает людям о существовании смертной казни и что она применяется реально, но это напоминание осуществляется в достаточно мягкой форме.

В то же время население информируется о том, что им грозит в случае совершения тех деяний, за которые

установлена высшая мера наказания. Это уже есть реализация **устрашительных свойств** смертной казни, которые оказывают психологическое воздействие на эмоциональное состояние человека, что приводит, как правило, к изменению его поведения, к разрушению имеющихся преступных установок, ибо, если они разрушены, деятельность распадается. Что это за свойства и каковы их возможности?

Как уже было отмечено, любое **наказание** — это воздействие на психическое состояние, чувства и мысли населения, а также на отдельного конкретного преступника посредством предупредительных и устрашительных мер. С момента вступления в силу закона, если, конечно, об этом известно населению, начинается процесс реализации психологического устрашения наказанием. Это логически аргументированное воздействие на рациональную сферу сознания людей. Реализация психологического воздействия уголовного наказания с момента его принятия осуществляется в форме психологического противодействия преступлению, а не физического удержания от преступного намерения. Оно воздействует на психику человека, то есть возбуждает в нем чувство страха, заставляя его соотносить свое поведение с установленными требованиями общества. Устрашение фактически противостоит тем качествам, потребностям, желаниям, которые толкают человека на совершение преступления, предупреждая его о невыгодных последствиях. В основе психологического устрашения лежит страх перед физическим и нравственным страданием. Поэтому сознание наказуемости, страдания, лишения благ является важнейшей частью психологического содержания, волевого процесса и выступает контрмотивом антиобщественного поведения.

Психологическое воздействие наказания состоит в подавлении, ослаблении, искоренении черт человеческого характера, могущих привести к совершению преступления. Психология подсказывает законодателю, как лучше добиться необходимого результата посредством уголовного наказания,

помогает познать эффективность психологического воздействия наказания на население в целом и на отдельных индивидов в частности. Именно через психологию мы в состоянии уяснить систему «наказание — человек». Поэтому тем юристам, которые думают, что, кроме правового, никакого другого регулирования деятельности людей в мире не существует, начинать надо с психологии.

В настоящее время для психологической науки представляет серьезный интерес глубокое исследование психологического отношения человека к уголовному наказанию как к средству воздействия на психику индивидуума с целью создания эффективной системы наказания. Речь идет о создании системы «человек — наказание». Поэтому представляется правильным, наряду с криминальной, судебной и исправительно-трудовой психологией, в подсистему юридической психологии включить также законодательную психологию, или психологию правотворчества.

Потребности законодателя в психологических подходах к системе «наказание — человек» являются совершенно очевидными и необходимыми как с теоретической, так и с практической точек зрения. Законодателю не должно быть безразлично, что творится в душе человека, являющегося объектом психологического воздействия уголовного наказания, как он воспринимает то или иное наказание. Законодатель, который не учитывает это обстоятельство, не в состоянии принять правильное научно обоснованное решение относительно выбора и размера уголовного наказания. Кроме этого чисто практического юридического момента, есть также теоретическая необходимость создания и системы наказаний на прочном фундаменте знаний о психологии человека.

В системе «наказание — человек» психические процессы деятельности, формирование поступков развиваются в соответствии со своими закономерностями и приводят в конечном счете к поведенческим актам, в том числе и

противоправным. ~~Задача законодателя заключается~~ в определении наиболее эффективного воздействия на это поведение. А это возможно только с учетом знания психологического отношения человека к угрозе наказания. Однако с учетом того, что психология людей разная, невозможно найти единого инструмента, средства психологического воздействия на каждую личность. Поэтому речь может идти только об общем правосознании общества (населения) в целом и его отношении как к преступлениям, так и к наказаниям.

Одним словом, законодательный орган должен знать и учитывать закономерности и механизм воздействия наказания на поведение людей, а также отношение самого населения к системе наказания в целом и отдельным его видам в частности. Следовательно, научно обоснованное законотворчество по формированию наказания включает и обязательность использования данных психологических наук.

Известно, что человек способен самостоятельно и независимо от знания законов находить правильный вариант поведения. Немало людей, плохо осведомленных относительно уголовного наказания, могут, тем не менее, различать преступное от непроступного, противоправное от законного. Это — интуиция, которая, по утверждению психологов, представляет собой вид познания. Значит ли это, что в отношении этой категории людей наказание не оказывает психологического воздействия?

Интуитивное соблюдение законов еще не означает, что человек не находится в информационном взаимодействии с уголовным наказанием. Так, например, личность может быть не осведомлена о конкретном наказании за то или иное преступление, однако она осознает, что за это последует та или иная ответственность. Дело в том, что природа переживаемых нами ощущений и восприятия от наличия наказания нам не известна, но действие известно и состоит в способности человека к переживанию от свойств и содержания наказания, то есть от страданий и переживаний, которые может причинить

наказание. В частности, переживаемые нами ощущения и восприятие от наличия смертной казни в законе не проходят бесследно, а оставляют «следы», природу которых можно назвать психологическим принуждением или воздействием, утрашением. Переживания в психологии называют представлениями. Применительно к рассматриваемой проблеме человек представляет себе последствия наказания: лишение свободы, позор, страдание в процессе отбывания наказания, условия, в которых он будет его отбывать, и т. д. Что касается смертной казни, то человек не в состоянии отогнать от себя мысль о тех последствиях, которые его ожидают: лишение жизни, конец существования и т. д. Представление касается той части населения, которая еще не подвергалась наказанию. А для тех, кто уже это пережил, видел, испытал, для них это «воспоминания горького прошлого»: если человек усиленно будет вспоминать прошлые неприятности, анализировать жизнь в черном свете, у него начнут выработываться «розовые иллюзии» на будущее.

Итак, если считать, что юридическая психология — психологическая закономерность системы «человек — право», то, соответственно, психологическое воздействие наказанием — это система «человек — наказание», которая должна быть разработана психологией, философией, криминологией, социологией, педагогикой и другими

науками. Здесь речь идет о сложном объекте и предмете исследования — о человеке как существе биологическом и социальном с его психической деятельностью. Располагает ли смертная казнь объективными свойствами воздействия на психику человека?

Смертная казнь как самая суровая и наивысшая мера наказания, как лишение человека жизни государством, несомненно, и является сильнейшим источником **страха**. Смертная казнь в состоянии подавить волю, которая, по словам Гегеля, «совершенно исчезает в страхе... во внутреннем чувстве собственной негативности»⁸³. Как объясняют психологи, этот страх является чувственным аспектом напряжения, порождаемого угрозой лишения жизни. Человек с самого раннего возраста демонстрирует поразительную способность испытывать страх перед предметами и событиями, таящими в себе опасность для жизни. Как известно, некоторые психоаналитики пытались провести различия между феноменами, вызывающими беспокойство у человека и описываемыми в таких терминах, как «страх», «боязнь», «испуг», «тревога» (З. Фрейд, К. Хорни, Г. Салливан и др.).

Таким образом, страх является неуловимым психическим состоянием, которое возникает у человека. Следовательно, должны быть какие-то основания, причины для возникновения у человека этого страха. Угроза лишения жизни и является одним из этих источников. Однако «грозить разумным образом можно лишь за что-нибудь, за какое-либо определенное действие (или бездействие), совершить или не совершить которое зависит от воли того, кому предъявляют требования»⁸³

⁸⁴.

⁸³ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 5 т. Т. 2. М., 1973. С. 29-30.

⁸⁴ Мокрицкий С.П. Наказание, его цели и предположения. Ч. I— III. М., 2013. С. 54.

Поэтому, без сомнения, страх — один из важных мотивов действия и воздержания как для человека, так и для животных. Следовательно, полезность страха видится в том, что он мобилизует силы человека для активной деятельности, а это зачастую необходимо в критической ситуации.

Нормальный страх способен мобилизовать сознание и волю человека. Значит, страх в этом смысле может быть достаточно действенным контрмотивом к совершению любых преступлений. Именно это положительное значение страха является одним из основополагающих мотивов в общепредупредительном действии смертной казни. А из этого следует, что законодатель при определении своего отношения к этой мере наказания не может не учитывать данное обстоятельство. При этом нельзя забывать, что страх в малых дозах стимулирует, в больших — парализует¹, поскольку за некоторыми пределами возрастания социального страха начинают проявляться исключительно негативные и даже разрушительные его стороны.

Голландский философ Б. Спиноза писал: «...ни одно общество не может существовать без власти и силы, а следовательно, и без законов, умеряющих и сдерживающих страсти и необуздываемые порывы людей. Однако человеческая природа не терпит, чтобы ее неограниченно принуждали... Законы в каждом государстве должно так устанавливать, чтобы людей сдерживал не столько страх, сколько надежда на какое-нибудь благо, которого больше всего желают; ведь таким образом каждый охотно будет исполнять свою обязанность»⁸⁵
⁸⁶.

Страх перед смертной казнью, по словам А. Камю, очевиден, но существует и другая очевидность: как бы ни был силен этот страх, ему не пересилить страстей человеческих.

⁸⁵ Цит. по: Щербатых Ю.В. Психология страха. М., 2000. С. 69-70.

⁸⁶ Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 63-79.

Неужели человек по своей воле готов отдать свою жизнь ради удовлетворения страстей? Означает ли это, что человеческая воля не в состоянии противостоять его страстям и потребностям? Откуда идут эти страсти, являющиеся причинами разнообразных не только насильственных, но и других преступных деяний?

1.1. Каждое государство всегда причисляло и причисляет к категории преступлений, за которые предусмотрено лишение жизни человека, деяния своих сограждан, представляющих, в его понимании и по его убеждению, наибольшую угрозу развала социальной организации. А это означает, что понятия преступления и наказания связаны с господствующими в том или ином обществе идеями, национальными особенностями, историческим развитием этого народа, наконец, с религиозными ценностями. Так, например, в период Советской власти во всех кодексах союзных республик за экономические преступления было установлено наказание в виде смертной казни. Но, несмотря на это, люди совершали эти преступления, зная, что смертная казнь реально применяется. Неужели страх подвергнуться смертной казни не способен пересилить страстей человеческих в стремлении к наживе, богатству, прибыли путем контрабанды товаров, подделки денег, коррупции, растраты, мошенничества, взяточничества в тех странах, где сегодня существует это наказание за перечисленные деяния (Китай, Вьетнам, Южная Корея)? Невозможно себе представить, что человек готов пойти на смертную казнь и пожертвовать своей жизнью, которую, как говорил Т. Мор, «по ее ценности нельзя уравновесить всеми благами мира» взамен получения временного удовольствия путем потребления наркотических средств (Сингапур, Таиланд). Человек не боится смертной казни даже за совершение прелюбодеяния, богохульства (Иран), зная, что за эти деяния предусмотрена высшая мера наказания.

Почему же человек, рискуя своей жизнью, все-таки решает

идти на совершение таких преступлений, от которых в результате он собирается получить незначительную выгоду? Может быть, он сомневается в объективно существующем риске разоблачения? Или он сознательно выбирает этот вариант поведения, потому что, по сравнению с предполагаемым наказанием — потерей жизни, выгода от преступления составляет явное преимущество? Но ведь для разумного сознания это абсурд. Психологическим понятием, которое более всего приближает нас к проблеме предупреждения (удержания) в уголовно-правовом плане, является **«предвидимое наказание»**. Надо отметить, что Д. Доллард и его соавторы в классической работе «Фрустрация и агрессия» (1939 г.) придают этому понятию основополагающее значение и ссылаются на эмпирические исследования, в которых оно применялось. Авторы утверждают, что перестают совершаться те действия, за которыми в прошлом следовало наказание, и что в качестве закона поведения сила запрета на любой акт агрессии находится в положительной зависимости от размера наказания, которое, как ожидается, должно быть следствием этого акта. Как видим, это вполне соответствует классическим теориям удержания и основанным на здравом смысле представлениям о значении суровости угрозы. Если вторая часть утверждения авторов еще может быть оспорена, то первое положение, как минимум, не подтверждается практикой. Убедительное свидетельство тому — показатель рецидивной и повторной преступности.

Нельзя считать доказанным, что опыт пережитого наказания всегда имеет тенденцию усиливать у преступника

страх перед законом. Он может производить и обратное действие. Лицо, осужденное ранее за серьезное преступление, если оно подверглось тюремному заключению, будет меньше бояться нового осуждения, так как его репутация уже испорчена.

На самом ли деле человек настолько разумное, рациональное существо, что всегда действует по строгому расчету, который не могут поколебать ни заблуждения, ни чувства, и идет только на разумный, оправданный риск. Если и есть такой человек — это тип «идеального» человека. Был ли он когда-либо? Есть ли он сейчас?

Еще древние величайшей загадкой человеческого поведения считали то обстоятельство, что человек, зная, как не надо поступать, поступает именно так, как не надо. Отметим сразу, что угроза смертной казни неодинаково действует на людей, ибо не все люди в одинаковой степени восприимчивы к психологическому устрашению и по-разному сознают предвидимый результат. Так, например, некоторые больше боятся не последствий этого наказания, хотя и осознают, что это такое, а осуждения, страдания и переживания со стороны членов семьи, друзей и родственников.

Однако, без сомнения, решающим фактором в создании удерживающего эффекта смертной казни является **расчет**, принимаемый потенциальным преступником. Именно в силу этого, когда государство пытается сдержать заметный рост, в частности, коэффициента умышленных убийств, обыкновенно расширяет применение этого наказания через законодателя и суд, исходя из очень простого и разумного положения: если риск смертной казни станет настолько сильным, что перевесит ожидаемый выигрыш, потенциальный убийца как человек рациональный предпочтет не совершать убийство. Но способен ли человек — потенциальный убийца на рациональный выбор? Ведь

если, как утверждают психологи, внутреннее ограничение отсутствует, то угроза смертной казни мало что дает, поскольку человек не в состоянии делать правильный выбор, взвешивая риск наказания и возможность выигрыша. Он действует в состоянии эмоциональной неустойчивости, отсутствия самоконтроля или потому, что усвоил ценности преступной субкультуры. В таком случае следует поднимать уровень морали у населения, ибо есть категория людей, которые повинуются закону не из страха перед лишением жизни, а в силу моральных запретов. Встречаются попытки определения влияния угрозы смертной казни, исходя из опытов по изучению животных в лабораторных условиях. Один из этих авторов нашел, что экспериментальные данные подтверждают положение, согласно которому не суровость наказания, а его неизбежность удерживает людей от совершения преступлений. Кроме того, для того чтобы быть эффективным, наказание должно сразу же следовать за преступлением^{LXXXVII}.

Никто не отрицает, что важным фактором в создании удерживающего эффекта является существующий риск разоблачения. Однако для населения более важно, что карательная система работает, преступник не уходит от наказания; работает ли она быстро или медленно — имеет небольшое значение. Что касается опытов на животных, то, несомненно, к подобным выводам нельзя прийти на основе таких экспериментов, тем более что они проводились в закрытых лабораториях. Необходимо учитывать различия между угрозой смертной казни и фактическим ее исполнением, ибо психологические опыты на животных были связаны именно с воздействием фактического наказания, а не угрозы. Общепредупредительный же эффект смертной

^{LXXXVII} См.: *Jessery. Criminal Behavior and learning theory* // J. Crim. I. C. and P.S. 1965. № 56. P. 295-300.

казни достигается посредством угрозы этого наказания. Мотивационная ситуация, как мы понимаем, здесь очень сложна.

Риск неблагоприятных последствий, действительно, оказывает очень сильное мотивирующее воздействие на большинство людей. В противном случае процент людей, совершающих преступления на планете, равнялся бы не 6, а 96%. Если иметь в виду чисто удерживающую силу уголовного наказания, которая для некоторых преступлений является важным и главным, то следует признать, что сдерживание зависит не просто от риска быть наказанным, а также от размера и характера наказания. Это, в первую очередь, относится к таким преступлениям, при которых человек тщательно взвешивает все «за» и «против». Повышая размер наказания за такого рода преступления, мы тем самым увеличиваем его сдерживающий эффект.

В принципе, есть преступные деяния, которые с большей вероятностью подвержены воздействию угрозы наказания. Это, в первую очередь, относится к преступлениям материального характера, а также к умышленным преднамеренным преступным деяниям. Так, например, мотивация убийств столь различна, что невозможно оценить эффект действия угрозы смертной казни в этой сфере, не проводя дальнейшей дифференциации. Некоторые люди воздерживаются от совершения умышленного убийства из страха перед этим наказанием. Другие не совершают убийства потому, что оно внушает им отвращение. Одна из причин того, почему многие воздерживаются от убийства, заключается в том, что они не столько боятся быть расстрелянными или повешенными, сколько не способны на такое поведение в силу хорошего воспитания и нравственного совершенства.

Немало также людей, которые отказываются брать на себя такой грех из-за страха не перед наказанием, а перед

Богом. Очень часто кровную месть на Кавказе останавливало не наказание в виде смертной казни, а воздействие словом влиятельных и уважаемых людей. Вообще, грубость, наклонность к насильственным действиям не всегда возможно предотвратить посредством даже высшей меры наказания, так как они совершаются потому, что доставляют человеку определенное удовольствие. Исследования, обнаруживающие высокий уровень рецидива среди наркоманов, дают основание утверждать, что на потребление наркотиков, как и на некоторые виды убийств, сравнительно слабо влияют угроза смертной казни и ее применение.

Мы сталкиваемся с большими трудностями, когда пытаемся оценить общепредупредительное воздействие угрозы высшей меры наказания за измену родине, государственный переворот и подобные преступления. Совершенно очевидно, что законодатель тем самым дает знать, что интересы государства превыше всего и что они должны охраняться посредством жестких и суровых наказаний. Государство не рассчитывает на сознание и патриотизм отдельных членов общества, а надеется на устрашительную силу угрозы наказанием. В то же время есть основание утверждать, что такая угроза не действует на преступления политического характера, побуждаемые верой в справедливость своей цели. Сексуальные преступления принадлежат к той группе преступлений, в отношении которых скептицизм по поводу сдерживающего воздействия угрозы смертной казни в определенной степени обоснован. То, что эти деяния вызывают сильное общественное неодобрение и отвращение, всем известно. Так что сам страх перед разоблачением оказывает мощное сдерживающее воздействие, в отличие от страха даже самого сурового наказания.

Поэтому вряд ли мы в состоянии посредством наказания бороться с этим явлением. В первую очередь,

естественно, речь идет о проституции, которая непосредственно связана с экономической нуждой. Проституция вначале была введена священниками как постоянный институт в честь божества и в пользу храмов, а позднее была включена государством и государственными людьми, в частности Солоном, в целесообразные формы. Проституция существовала во все времена. Делались всевозможные попытки, направленные на ее уничтожение. Людовик XI, чтобы искоренить проституцию во Франции, основал даже убежища для падших женщин. Он хотел полного искоренения проституции. Однако широкое развитие тайной проституции заставило его в том же году отменить свой указ и определить улицы для местопребывания публичных женщин. Если проституцию можно было бы искоренить, то, без сомнений, регламентация и терпимость к ней со стороны государства служили бы подрыву нравственных воззрений народа. Опасность для здоровья и нравственности населения в этих деяниях настолько велика, что государство обязано, по крайней мере, ограничить размеры зла, если оно бессильно его уничтожить. Но как это сделать, если уголовными наказаниями, даже самыми строгими, наклонность к разврату, к сожалению, истребить невозможно. Нельзя забывать, что сексуальные деяния, в том числе даже изнасилования, не являются чуждыми человеческой природе, что находит подтверждение, например, во время войны. Немецкие солдаты насиловали женщин на оккупированной территории СССР, а советские солдаты то же самое совершали на территории Германии. Насильственные акты имеют место также в местах лишения свободы в отношении осужденных.

Угроза наказания не останавливает некоторых также от совершения преступлений, причины которых кроются в экономических и социальных сферах. Например, такие преступления, как мошенничество, находятся в связи

с экономическим положением общества в целом и конкретной личности в частности. Согласно статистике рост этой категории преступлений, так же как краж, грабежей, разбоев и хищений, наблюдается в кризисные периоды. Нет необходимости доказывать, что наибольшее число случаев насильственных преступлений фиксируется там, где распространено и популярно употребление алкоголя в различных его видах: в России — водки, в Европе — вина и пива. Почему же тогда за употребление алкоголя в этих странах не предусмотрена уголовная ответственность? Ведь наносится ущерб не только здоровью человека, но и обществу в целом. В то же время за потребление наркотиков предусмотрено уголовное наказание, а в некоторых странах и смертная казнь, хотя это деяние может являться причиной других преступлений в очень специфических условиях.

Можно установить «сухой закон», тогда существует уверенность, что случаев нанесения тяжких преступлений, убийств и других насильственных деяний станет гораздо меньше. Но есть опасение, что взамен этому мы получим рост других видов преступлений: контрабанда алкоголем, спекуляция, незаконное производство спиртных напитков и т. д. Можно также пойти по пути повышения цен на алкоголь. Эти меры носят некарательный характер. Возможно усиление наказания за насильственные преступления, что и делает законодатель. Однако, как мы знаем, это карательное воздействие положительных результатов не дает.

2. Архимед говорил: «Дайте мне точку опоры, и я сдвину Землю». Мы утверждаем, что полезность и целесообразность смертной казни, степень эффективности ее психологического воздействия невозможно определить до тех пор, пока не получим научно обоснованные

Ж

данные относительно причин и механизма преступного поведения человека за те преступления, в отношении которых предусмотрена эта мера, в особенности умышленных убийств.

Объяснить любое явление, значит, понять его причины, а признать явление беспричинным, значит, признать его необъяснимым, чудесным. Может быть, действительно, преступление, как поведение человека, — явление беспричинное? Что же такое понятие **причины**, без уяснения которого невозможно докопаться до истоков, толкающих человека к совершению преступления?

Знаменитый английский философ-скептик Д. Юм подверг более тщательному анализу понятие причины и пришел к следующим выводам: причинная связь явлений есть лишь зависимость одних явлений от других. Рассматривая происходящие явления, он увидел, что для наступления каждого данного явления необходимо, чтобы ему предшествовало одно или несколько явлений. Явление, неизменно предшествующее другому, называется его причиной, неизменно последующее — следствием. Значит, причинение есть не что иное, как последовательность явлений. Человеческому уму доступно наблюдение только этой последовательности явлений.

Причиной каждого явления нужно признать только другое явление, без которого первое не произошло бы. Представить себе причину, независимо от произведенного его явления, невозможно, невозможно логически, а логически невозможное является бессмыслицей.

Учение Д. Юма разделяется Дж. Миллем, хотя и с определенной оговоркой. Он признает причиной не одно какое-нибудь явление, предшествующее результату, а их совокупность, то есть причиной следует признать не одно какое-нибудь явление, а совокупность всех их. Можно ли отнести теорию Юма, точнее, взять ее за основу, при

поведения вообще и насильственного в частности?

Мы согласны с общепризнанной истиной, что явлений без причины не существует. Вот почему и преступление как социальное явление подчинено причинной связи. Однако существуют явления совершенно различного характера и содержания. Преступление тем и отличается от других явлений природы, что оно совершается людьми, а человек, как известно, может захотеть или не захотеть совершить преступление. Иными словами, человек может и не подчиняться внешним обстоятельствам и условиям, тогда, естественно, не будет и результата, а причина познается только из его результата. Например, человек предпочитает умереть с голоду, чем украсть. В данном случае существуют обстоятельства для совершения кражи, однако результата, то есть преступления, нет, а значит, и нет причины.

В принципе, историю развития учений о природе насильственного преступного поведения можно представить, как историю борьбы двух направлений — социологического и биологического. Все сводится к решению следующих проблем: имеется ли какая-либо взаимосвязь между наследственными свойствами организма и поведением человека, в том числе преступным? И если имеется, то каков уровень количественного «вклада» биологического в различные функции человеческого организма, в психологические процессы и поведение человека?

Если до XIX в. эта проблема так остро не стояла, то успехи медицины и генетики со временем начали порождать у человечества надежды на то, что эти науки помогут ответить на волнующие всех нас вопросы. Почему человек совершает убийство? В чем истоки такой агрессии, насилия? Как их искоренить? Ведь именно от ответов на эти вопросы зависит целесообразность применения смертной

казни в отношении лиц, совершающих умышленные убийства и насилия. Как известно, принципиальная политика марксизма-ленинизма состояла в том, что социальные явления, к которым относилась и преступность, не могут быть объяснены с биологических позиций. Но в то же время возникала другая проблема: человек ведь одновременно и биологическое существо. Значит, человека и его поведение следует изучать с социально-биологических позиций. В противном случае, то есть если все сводить к социальной среде и полагать, что природное, биологическое в человеке никакой роли в преступном поведении не играет, следует ждать, когда в обществе будут решены все социальные проблемы людей и необходимость в их наказании отпадет, поскольку люди не виноваты в недостатках социальных условий общества. В романе «Отверженные» В. Гюго словами своего героя Жана Вальжана вопрошает: «...вправе ли человеческое общество в равной мере подвергать своих членов безрассудной своей беспечности, с одной стороны, и беспощадной предусмотрительности — с другой, навсегда зажимая несчастного человека в тиски между недостатком и чрезмерностью — недостатком работы, чрезмерностью наказания⁹» На наш взгляд, следует не искать общее сопоставление социального и биологического, приобретенного и унаследованного в человеке, а попытаться раскрыть конкретное взаимодействие, анализ механизма действия факторов в объяснении причин поведения. Понятно, что человек изменяет, но не отменяет, не уничтожает в себе природное, биологическое. Генетическое разнообразие создает уникальность, неповторимость биологической индивидуальности каждого из людей. Однако наука доказала, что биологические различия людей, даже рас и этнических групп, ничтожны в сравнении с их единством. Действительно, по наследству передаются многие психологические свойства. Однако это не свиде-

тельствует о том, что существует, например, связь между физической конструкцией человека, психическим складом и умышленным убийством (об этом говорили психиатры Э. Кречмер и Р. Фунес). Г. Кайзер совершенно справедливо подчеркивает: «Исследование преступности как продукта наследственности оказалось весьма недостаточным... Мы должны определенно признать неудавшуюся попытку объяснить преступное поведение наследственными факторами»^{LXXXVIII}. Понятно, что речь идет о насильственных преступлениях, в частности убийствах умышленного характера. Можно было бы утверждать о существовании наследственных причин агрессивной преступности, если бы удалось установить, что закономерности генетического развития людей, проживающих в определенное время на определенной территории, совпадают с закономерностями в движении насильственных преступлений, убийств, изнасилований.

Итак, основа дискуссии о роли биологического может быть устранена при условии, что генетический фактор не является решающей причиной поведения, в том числе убийств, а играет второстепенную роль по сравнению с социальными причинами. Ведь от решения этой проблемы зависят методы и формы предотвращения преступных проявлений, то есть будущее развитие наказания, а также судьба смертной казни. Если будет установлено, что причины умышленных убийств связаны с биологическим фактором, придется изобретать способы медицинского воздействия на преступников, формы генетического контроля. В таком случае вопрос о целесообразности применения наказания, а тем более смертной казни, естественно, потеряет свое значение. В принципе, подавляющее большинство совет-

^{LXXXVIII} Кайзер Г. Genetics and Crime. Proceedings of the II International Symposium on Criminology. San Paulo, Brasile, 1975. P. 7-8.

ских и современных ученых-юристов считали и считают, что преступность — не биологическая категория. Такого же мнения придерживаются и философы. Так, например, П.Н. Федосеев пишет: «Было бы просто нелепо искать корни преступности в биологических качествах человека, но, вместе с тем, надо принимать во внимание при этом и некоторые из индивидуальных различий между людьми»¹. В самом деле, разве смог бы неразумный человек выполнять роль мыслящего деятельного существа, способного к неограниченному прогрессу, если бы его мысли и поступки носили врожденный, генетически запрограммированный характер. Наука доказывает, что «громкая пластичность мозга, тренируемость и обучаемость людей исключают фатальное значение генетической программы»^{89 90}. Это означает, что люди с нормальной генетической программой могут себя контролировать, а в случае ее нарушения — в той или иной степени страдает мозг. Иными словами, поражение генетической программы вызывает резкое противоречие между социальными потребностями и биологическими возможностями. Если согласиться с утверждением о том, что убийство, так же как и другие насильственные преступления, — явление столь же естественное и необходимое, как рождение, смерть, зачатие, психические болезни, начальной разновидностью которых оно часто является, то становится бессмысленным и безнравственным применение смертной казни для предотвращения этих деяний. Прямая связь наследственности и убийства есть отрицание не только этой исключительной меры, но и любого наказания, в том числе пожизненного лишения свободы как альтернативы. Смертная

⁸⁹ Федосеев П.Н. Проблемы социального и биологического в философии и социологии. Биологическое и социальное в развитии человека // Вопросы философии. 1976. № 3. С. 29.

⁹⁰ См.: Беляев Д.К. Современная наука и проблемы исследования человека // Там же. 1981. №3. С. 15.

~~казнь не в состоянии противостоять наследственному инстинкту стремления отнять жизнь себе подобного.~~

Исследование умышленного убийства как продукта наследственности оказывается весьма недостаточным и неубедительным. Поэтому попытку объяснить убийства наследственными факторами следует определенно признать неудавшейся. Конечно, было бы просто примитивно искать корни насилия в биологических качествах человека, но, вместе с тем, надо принимать во внимание при этом и некоторые из индивидуальных различий между людьми.

Но ведь существуют какие-то причины, свойства, которые являются источниками этого страшного насильственного поведения человека? И в состоянии ли это разумное создание самостоятельно противостоять этим свойствам? Какова роль страха перед смертной казнью в этом процессе? Различные подходы и взгляды психологов на проблему агрессивности поведения человека привели к различным мнениям относительно причин убийств. Пытаясь объяснить умышленные убийства, жестокое асоциальное поведение, приводящее к любому насилию, психоневролог Дж. Прескоти разработал собственную теорию «глубоких поражений головного мозга», а главный хирург США Э. Кооп высказал предположение, что жестокость, насилие, убийство — это заболевание, требующее медицинской профилактики. Невропатологи подтверждают, что мозговая аномалия характерна для индивидуума, не способного контролировать жестокость в той мере, в какой это делают большинство здоровых людей. Д. Норрис в книге «Серийные убийцы» в результате своих исследований пришел к выводу о том, что у убийц, в особенности серийных, существует набор симптомов, характеризующих конкретный тип заболевания, которые формируют

Глава IV

модель поведения. По его мнению, любое убийство имеет период «вынашивания». В это время убийца достигает точки

бессознательного, от которой возврата нет. На этой точке он теряет сознательную способность контролировать свои действия.

Согласно теории инстинктивистов (З. Фрейд, К. Лоренц, Э. Фромм) человек живет прошлым своего рода, а значит, его поведение, в том числе агрессивное, насильственное, связано с его предками, то есть с животными. А это означает, что человеческая деструктивность имеет генетическое (врожденное) происхождение. Так, основная теоретическая посылка З. Фрейда гласит: человек одержим одной лишь страстью — жадой разрушить либо себя, либо других людей, и этой трагической альтернативы ему вряд ли удастся избежать. Следовательно, убийство как одна из форм жестокой агрессии представляет собой некий постоянно присутствующий в организме подвижный импульс, обусловленный самой биологической и физиологической конституцией человеческого существа, самой природой человека.

К. Лоренц в книге «Так называемое зло» (1963) пытается доказать, что страсть человека к насилию, злу обусловлена биологическими факторами, не подлежащими его контролю. Из этого положения можно заключить, что убийство — это результат внутреннего напряжения, которое требует разрядки и находит выражение, невзирая на то, есть для этого подходящий внешний раздражитель или нет. По К. Лоренцу выходит, что человек совершает убийство безо всяких на то мотивов и причин. Именно такое агрессивное, насильственное поведение является как бы освободителем энергетической напряженности.

Итак, и З. Фрейд, и К. Лоренц разными путями приходят к одному и тому же представлению о человеке как существе с постоянно возникающей агрессивно-

деструктивной энергией, которая не может долго существовать. Следовательно, даже такое наказание, как смертная казнь, является бесполезным в предотвращении такого вида человеческой агрессии, как убийство другого человека, ибо такое поведение следует считать врожденной чертой. В таком случае человек вообще не может нести ответственность за убийство, поскольку он не имеет ни капли свободы, выступая в роли марионетки, которая управляется инстинктами. Мы совершенно согласны с общеизвестным утверждением о том, что пока наше отношение к исследованию причин насилия, убийств будет основываться только на уровне криминологии, то это напоминает выражение «ловить черную кошку в темной комнате», поскольку такое криминальное поведение, как убийство, — явление отнюдь не простое, а исключительно сложное, — «заключительная стадия развития», в которой находят выход нарушения биологического, психологического и социального аспектов индивидуума. Но у юристов, естественно, не может не возникнуть достаточно много вопросов. Можно ли болезнь, которая существует у убийц, предотвратить? Если допустить существование биопсихологического синдрома, заставляющего индивидуума против его сознательной воли совершать убийство или изнасилование, то кто компетентен оценить состояние здоровья этой личности? Все ли перенесшие черепно-мозговую травму, как утверждают невропатологи, становятся убийцами? Все ли, кто подвергся в детстве жестокому обращению, становятся убийцами? Все ли голодающие в раннем возрасте обязательно когда-нибудь совершат убийство? Почему же подавляющее большинство людей не совершают убийств, насилия? Может быть, у человека все-таки есть антипре-ступный, антиагрессивный инстинкт, который служит внутренней преградой против убийства, а **страх** перед

смертной казнь, оказывая воздействие именно на этот инстинкт, предупреждает: «Не убивай!».

Самооборона в любой форме — это тоже проявление потребности выживания. Поэтому страх, так же как и жестокость, гнев, бегство, ужас и паника, не что иное, как реакции, которые в том или ином виде присущи всем живым существам. Насколько человеку удастся подавлять свои инстинкты, приводящие к убийству, зависит, таким образом, не только от собственных внутренних человеческих факторов, но и от соответствующей силы страха перед смертной казнью.

Можно привести огромное количество примеров, когда воля человека условиям и обстоятельствам, какими бы они сильными и тяжелыми ни были, не подчинена. Поэтому стать преступником — это не судьба твоя, а твой выбор, и ошибочно утверждение о том, что «преступник — все же жертва общественных условий, ведь воля его определяется условиями»^{хс1}.

Неужели человек неискоренимо предрасположен к преступлениям? Неужели зависть, алчность, месть, ненависть и т. д. составляют неотъемлемые свойства человеческого существа, приводящие его к насилию и убийству подобных себе существ? Способен ли человек, обладая свободной волей, эти свойства направлять не на зло, а на добро? Насколько действительно для человека психологическое устрашение смертной казнью, если убийства, так же как и другие насильственные преступления, являются результатом не свободной воли человека, а сложного процесса, образующего характер деятельности, обусловленного, с одной стороны, организацией и развитием мозга, интел-

^{хс1} Популярные лекции по уголовному праву И.В. Платонова. СПб., 1901. С. 32.

лектом и накопленным опытом, эмоциональной возбудимостью, а с другой — внешними обстоятельствами?

Д. Норрис пишет: «Меня удивлял тот факт, что разумные люди снова и снова совершают поступки, обрекающие их на тюремные заключения. Может быть, делая выбор, они не имели свободы воли? Один такой убийца сказал мне “как только я выхожу из тюрьмы и вдыхаю воздух свободы, я становлюсь похож на попугая, выпущенного из клетки, срываюсь с тормозов и делаю то, что вновь попадаю в клетку”»¹. В свое время философ Д. Локк, указывая на несоответствие качества свободы понятию о воле, сказал, что задаваться вопросом — свободна ли воля, так же неосновательно, как спрашивать, быстр ли сон человека или квадратна ли добродетель^{92 93}. На самом деле, если общественный договор, в котором человек принял на себя обязательство и обещание ни у кого не отнимать жизнь взамен защиты своей со стороны соответствующего органа, был основан на разуме и свободной воле тех, кем управляют, значит, следует согласиться с мнением о том, что человек обладает волей и может контролировать свои действия и поступки.

Не рассматривая здесь вопрос о свободе воли подробно, что слишком отвлекало бы нас от основной проблемы, хотелось бы, однако, подчеркнуть, что философия почему-то всегда пыталась отнести эту проблему только к предмету своего познания, игнорируя, тем самым, другие конкретные науки, в частности психологию, социологию и психофизиологию, в то время как в основе волевых актов лежит именно рефлекс высших мозговых центров. Возможно, что при объяснении причин других преступлений это не имеет решающего значения, но в мотивах

⁹² *Норрис Д.* Серийные убийцы. М., 1998. С. 4

⁹³ *Locke D.* Essey on human understanding. В. II. С. 21.

умышленных убийств и различных насильственных преступлений без данных этих наук обойтись невозможно, на что, кстати, еще обращали внимание философы древности. Так, говоря о мотивах и причинах убийств и вообще об агрессивном насильственном поведении людей, Платон утверждал, что причиной тому служит, как правило, наибольшее из зол — господство страсти, заставляющее душу рычать от вожделения, устремляться к ненасытному стяжанию и насилию. Яростное начало начинает господствовать в душе человека, переворачивает все в ней вверх дном и толкает на тяжкое преступление — убийство с тиранической силой, которой невозможно противостоять. Платон признавал неодолимость этой силы для многих людей. Приблизительно так же рассуждал Аристотель, считая, что даже в условиях единообразия внешних условий жизни люди будут сохранять присущие им от рождения различия характера, темпераментов, склонностей. Поэтому психологическое разнообразие индивидуальностей всегда будет порождать конфликты между людьми, которые вряд ли удастся устранить. По мнению философа, никакими наказаниями, даже угрозой лишения жизни, невозможно сделать человека иным, чем он есть по своей природе, ибо он продолжает оставаться «животным», существом, способным впадать в безумство, сеять вокруг себя разрушение и гибель. Следовательно, по Аристотелю выходит, что государству не под силу посредством даже смертной казни переделать человеческую природу, а значит, уничтожить в корне насильственные преступления, в частности умышленные убийства.

Психофизиология призвана изучать физиологический, нервный механизм волевых актов при совершении преступлений, а психология исследует взаимные зависимости психических процессов человека при совершении преступления: ощущения, желания, сознание, чувство страха

о наказании и т. д. Физиологические состояния и внешние обстоятельства, воздействуя на наше сознание, возбуждают в сознании человека стремление, хотение к совершению преступления.

Каким бы страшным подобием дикого животного человек ни был, каждое конкретное преступление насильственного характера, в особенности убийство, следует рассматривать, на наш взгляд, как результат нескольких факторов: психологические признаки человека, естественно-физические и социальные. История развития учений о природе насильственных преступлений, в принципе, можно представить как историю борьбы двух направлений — социологического и биологического. Чтобы страх перед смертной казнью оказал на людей эффективное психологическое воздействие и противостоял ужасным преступным намерениям, необходимо, естественно, выяснить, познать смысл поведения человека вообще и насильственно-преступного в частности. Может быть, мы от рождения подвержены животным страстям — страху, гневу, жадности, как утверждал Т. Гоббс, и любовь к себе, а не к другим, является неискоренимым и доминирующим мотивом большей части человеческих действий. Или же, человек — это страшное подобие дикого животного, которого не смогли сделать лучше цивилизация и культура (А. Шопенгауэр). Если это так, то такое средство, как наказание, даже в форме смертной казни, не в силах противостоять злему намерению человека. Наказание бесполезно также в том случае, если мы согласимся с Ж.Ж. Руссо, утверждавшим, что будто человек от природы добр, а во всех его злодеяниях виновна цивилизация, которая способна его укротить. Одним словом, значимость и полезность психологического устрашения наказания, в том числе смертной казни, непосредственно связана с уяснением основного вопроса: связано ли преступное поведение человека с его сущностью, с ним самим, или это результат

внешних факторов? Если мы установим, что эти мотивы и причины исходят из самой личности и находятся под ее контролем, следовательно, есть смысл обратиться к наказанию и использовать его психологическое воздействие. Если же поведение человека вообще и агрессивно-преступного в частности регулируется обстоятельствами, не зависимыми от него, то в таком случае, естественно, необходимо отказаться от наказания и обратиться к некарательным воздействиям, ибо установлено, что есть преступники, у которых в результате потери контроля отсутствует рациональное поведение в отношении оценки последствий своего деяния. Но также встречаются преступники, которые совершенно ясно понимают значение своего поведения и предполагаемое наказание в результате разоблачения, даже в виде смертной казни. Э. Фромм отмечал, что «новых открытий в человеческой природе можно ожидать только на базе эволюционного учения»¹.

Иногда создается впечатление, что развитие науки о человеке не только не приблизило нас к познанию его сущности, но, напротив, все более удаляет нас от этой цели. Конечно, не хочется быть экзистенциалистом, представители которых утверждают, что, хотя мы все более и более узнаем о человеке, его сущности, по-видимому, все менее и менее для нас это существо становится ясным. Не хочется верить и в принципиальную непознаваемость, непостижимость, непонятность сущности человека. В то же время нельзя не согласиться с Б. Паскалем, который сказал, что нет для человека задачи неразрешимее, а между тем, это есть он сам^{94 95}. На протяжении веков оттачивалась способ-

⁹⁴ Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М., 2012. С. 300.

⁹⁵ См.: О природе человека: Монтень, Ларошфуко, Паскаль. М., 2009. С. 368.

ность человека глубоко и тонко размышлять о самом главном — о себе, своем месте в мире, смысле собственного существования, справедливости, об истоках своего поведения, о добре и зле. Медленно, постепенно шел он к познанию своего существа, ибо понимал, что «наихудшее состояние человека — это когда он перестает сознавать себя и владеть собою»^{xcvi}. А из этого вытекает, что наилучшее состояние человека — это когда он сумел познать и понять себя, чтобы уметь владеть собой. Известное изречение: «Познай самого себя», написанное перед входом в храм Аполлона в Дельфах, стало своего рода ориентиром для науки, начиная с античных философов. Но возможно ли это? Ведь человек хорошо знает сущность того, что создал он сам. Однако если признать, что человек — творение Всевышнего, значит, только Ему как Создателю суждено понять суть созданного Им существа. Тем не менее человек, зная, что он — самое непостижимое для себя творение природы, всегда помнил изречение Платона: «Делай свое дело и познай самого себя».

В системе тех или иных связей человек начал изучаться то как продукт биологической эволюции, то как субъект и объект исторического процесса — личность, то как естественный индивид с присущей ему генетической программой развития и определенным диапазоном изменчивости. Как и следовало ожидать, философы, в особенности марксисты, полагают, что лишь философия, а не какие-либо другие науки в совокупности, может осветить проблему человека в целом, то есть стать подлинной теорией целостности человека, ибо другие науки, в частности, антропология и психология, этика, юриспруденция, история, генетика, каждая отрасль социальной науки, ставят или освещают ту или иную сторону проблемы человека,

^{xcvi} Там же. С. ПО.

и только философия, опираясь на названные отрасли, в состоянии ответить на вопрос: что за существо — человек? Однако физиологические и психологические исследования нейродинамических свойств человека последних лет открыли эпоху в познании природных особенностей личности, в частности в области источников ее поведения. На самом деле, выдвижение проблемы причин преступного поведения человека и определение эффективного противодействия этому явлению в качестве общей проблемы для всей современной науки коренным образом изменяет положение психологии в системе наук, поскольку именно психология становится орудием познания поведения человека, средством объединения философии и генетики, а также криминологии вообще, различных разделов естествознания в новом синтетическом человекознании. Естественно, что основу теории о человеке составляет философия, для которой человек — великая, вечная и универсальная проблема. В принципе, нетрудно заметить, что современная наука о человеке, о познании его сущности, развивается, с одной стороны, в превращении этой проблемы в общую проблему всей науки в целом. С другой стороны, наблюдаются всевозрастающая дифференциация научного изучения человека, углубленная специализация отдельных дисциплин и их дробление на ряд все более частных учений. Наконец, особенность современного научного развития характеризуется тенденцией к объединению различных наук, аспектов и методов исследования человека в различные комплексные системы, к построению синтетических характеристик человеческого развития^{xcvii}. В то же время следует особо подчеркнуть, что тесное взаимодействие между естественными и общественными нау-

^{xcvii} *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. 3-е изд. М., 2016. С.

ками о человеке, о его сущности нельзя обеспечить без психологической науки, которая способна объединить все специальные дисциплины в целях познания все еще непознанного существа — человека.

Теория эволюции дала возможность психологии, в какой-то мере, дать ответ на исторический вопрос об источниках поведения человека, поскольку именно эта наука занимается изучением того, какие механизмы стимулируют человеческое поведение и каким образом возможно противостоять зловердным деяниям. Различные подходы и взгляды психологов на проблему агрессивного поведения человека привели к различным мнениям криминалистов. И это вполне естественно, ибо, как говорил Э. Фромм, «сам человек не являет собой совершенное, законченное существо, он еще не готов, полон противоречий»⁹⁸.

Человек наделен от природы могучим разумом, обладает способностью рассуждать и отличать добро от зла, правомерное поведение от зловердного. Как говорил Д. Дидро, Бог дал человеку сердце для того, чтобы различать добро и зло, не делать другим того, чего он не желает себе. Следовательно, поведение человека предопределено его сознанием и волей. А из этого вытекает, что если **воля** человека являлась причиной совершения преступления, то она и является конкретным объектом психологического воздействия смертной казни. Но почему же у одних людей воля противостоит преступному намерению убивать, а у других — нет? Дело в том, что нашим волевым действиям, в том числе преступным, предшествует известный процесс, который совершается в нашем **мозге**. Именно этот процесс и играет роль причины по отношению к преступлениям, в особенности насильственным.

⁹⁸ Фромм Э. Указ. соч. С. 353.

Таким образом, можно утверждать, что воля человека, совершившего преступление, больна. Но откуда эта болезнь появилась? Это продукт природы или общества? Если это продукт природы, то получается, что природа, создавая большую волю, противостоит обществу и создает особые натуры убийц и насильников. Если же это продукт общества, то человек с больной волей, совершивший злодеяние, убийство, не ответствен за свои поступки. Поэтому использование наказания в виде смертной казни в качестве средства психологического воздействия, естественно, неприемлемо. Г.В. Еллинек пишет: «Не в природе, а в обществе должны мы искать причины болезни воли»¹. Болезнь воли, по мнению автора, состоит в ненормальном отношении индивидуальной воли к социальным требованиям. Следовательно, это болезнь социальная^{99 100}; это есть полное и четкое отрицание наказания в противостоянии насилию, убийствам и вообще к любому преступному поведению.

Современное состояние науки дает основание утверждать, что воля не представляется чем-то отвлеченным. Она есть такое же естественное явление, как и все окружающее нас в мире, и находится в зависимости от таких же естественных причин, как и все прочее во вселенной. Законы ее зарождения, развития и разрушения исследуются **психологией**, которая в состоянии проникнуть во все тайны человеческой воли и объяснить нам весь ее механизм. Несмотря на то, что психология и сегодня признает, что в этом вопросе она сталкивается со многими неясностями и трудностями, которые известны и философам, тем не менее она с достаточной определенностью раскрывает очень

⁹⁹ Еллинек Г.В. Социально-этическое значение права, неправды и наказания. М., 2013. С. 82.

¹⁰⁰ Там же. С. 80.

важный и принципиальный для нас вопрос: соотношение с волей, что и требуется для установления объекта и предмета психологического воздействия наказания вообще и смертной казни в частности.

Мы согласны с тем, что как орган тела болен, если существует за счет других органов, не внося своей доли в работу для поддержания жизни всего тела, так больна и воля, стремящаяся проявляться в обществе за счет всеобщего блага. Если телесная болезнь — состояние здоровья, то душевная болезнь — болезнь воли, которая отличается своей слабостью.

Человек настолько сложное существо, что «если бы можно было психологическую организацию человека поместить, подобно сложному химическому соединению, в реторту и разложить там, то в ней снова можно было бы отыскать унаследованные от родителей физические и психические качества, влияние климата, свойств почвы, пищи, расы, национальности, языка, религии, воспитания, высшего жизненного положения, политических и общественных отношений, так как все это результаты предшествующего исторического процесса — всей истории»^{С1}. Вот почему характер механизма деятельности человека настолько сложен, многообразен, число движущих сил так велико, что даже сегодня, при современном развитии науки, мы не в состоянии заглянуть в этот механизм глубже, чтобы понять причины преступного поведения, а затем найти методы и средства эффективного противодействия.

«Болезнь воли» абсолютно не дает оснований для утверждения положения о том, что мозг преступника, в частности убийцы, представляет собой особенный, уклоняющийся от нормального мозга тип (М. Бенедикт). Самое худшее не этот выдуманный «мозг преступника», который

^{С1} Там же. С. 83.

вначале играл роль пугала для представителей уголовного права, а утверждение Ч. Ломброзо, что всякое преступление представляет собой поворот к привычкам примитивного человека, что каждый преступник отличается телесными и душевными признаками дикаря. Если даже сегодня мы не смогли в полном объеме, до конца понять причины и источник злонамеренного поведения человека, тем не менее, знаем, что прирожденного преступника, насильника, убийцы не существует, что он не представляет собой антропологического типа. Следовательно, человек обладает свободной волей, а это означает, что на преступление он может идти свободно и сознательно.

В то же время человеку свойственно стремиться к удовольствиям и избегать неприятностей, поэтому должны существовать наказания (средства), предостерегающие людей от недопустимых методов и способов получения этих удовольствий. Тогда, когда человек, в силу слабого характера, то есть «болезни воли»^{СП}, поддается соблазнам, он теряет способность к свободному волеизъявлению. Иначе говоря, неспособность человека устоять перед соблазном — слабость силы воли. Но возможно ли посредством наказания, а тем более смертной казни, путем психологического воздействия устранить эту «болезнь воли», которая является результатом перекрестного взаимодействия различных факторов: индивидуальных (психологические признаки человека — возраст, пол и т. д.), естественнофизических (влияние географических и климатических условий, времени года и т. д.), социальных (жилищные условия, социальный статус, состояние экономических, политических и других отношений в обществе), исторических (переходное, кризисное состояние общества)? Вспомним, как Шекспир вскрывает несколько разновид-

^{СП} «Болезнь воли» следует понимать в смысле «слабости воли».

ностей оснований творимого людьми зла: метафизические («Макбет»), социально-исторические («Генрих IV») и антропологические («Ричард III»). Следовательно, причиной «болезни воли» являются различные факторы, а значит, в большей части в генеалогии каждого преступления, совершаемого кем-либо, участвуют не общие, а конкретные, специфические детерминанты.

Если исходить из того, что угроза смертной казнью как наказание — одна из детерминант человеческого поведения, то можно констатировать безусловность ее воздействия на волю и разум людей, ибо она воздействует на отдельное лицо, детерминируя его индивидуальное поведение, через индивидуальный психологический аппарат. При этом ошибочно полагать, что психологическая угроза смертной казнью обращена только на тех, у кого «больная воля», что касается остальных граждан, то она оказывает на них лишь воспитательное воздействие.

Угроза наказанием высшей степени, которая реально может лишить человека жизни, направлена на всех, но психологическое отношение самих людей к этой угрозе, естественно, различное. Если кто-то из боязни этого сурового наказания не совершает преступлений, то это не означает, что у него абсолютно здоровая воля, а свидетельствует лишь о том, что воля себя еще не проявила. Возможно, немаловажная роль в этом принадлежит именно наказанию, которое служит средством противодействия преступному намерению. Другие не боятся угрозы потери жизни или боятся, но не настолько, чтобы психологическое устрашающее воздействие смертной казни удержало их от убийств или других тяжких преступлений. Это преступники, которые страдают «болезнью воли». Большинство же людей, как известно, не совершают преступлений, что свидетельствует о «здоровой воле», и преступные деяния противоречат их морали и нравственности. Однако это ни в

коей мере не означает, что для них угроза наказания, а тем более высшей меры, безразлична, ибо насколько бы они ни были высокосознательными, обладающими здоровой, сильной волей, они не могут быть безразличными к существованию смертной казни и психологически не оценивать ее устрашительное, предупредительное свойство.

Таким образом, психологическое воздействие наказания в виде лишения жизни человека направлено на всех членов общества. Однако непосредственным объектом воздействия являются лишь те, у которых существует «болезнь воли», ибо наказание вообще, в принципе, не имеет объективных возможностей излечения людей с «больной волей», совершивших уже противоправное деяние, а граждане со «здоровой волей» в этом, естественно, не нуждаются. Практическая невозможность определения людей с «больной волей» препятствует эффективному контролю над преступностью в обществе. При этом, разумеется, следует помнить, что наказание, и в особенности смертная казнь, в состоянии воздействовать на волю человека, а значит, и на его поведение лишь в том случае, если само поведение подконтрольно его сознанию и воле. В противном случае любое наказание беспредметно, бессмысленно и безнравственно. Следовательно, психологическая угроза смертной казнью тем менее эффективна, чем в большей степени поступок, поведение человека зависят от обстоятельств, не подконтрольных его воле и сознанию.

Итак, нельзя недооценивать роль смертной казни как фактора воздействия на психику людей, создающего дополнительный стимул поведения и вызывающего нежелательные для общества рефлексии. Тот факт, что этим страшным наказанием невозможно вылечить «больную волю», еще не говорит о принципиальной невозможности с помощью угрозы смертной казнью «повернуть» мысль человека в нужную сторону. Потенциальный убийца, например, с «больной волей»

знает, что риск, на который он идет, совершая убийство, столь велик, а наказание столь сурово, что он может больше потерять, чем выиграть от своих действий. Следовательно, в его сознании всегда существуют следующие мысли: величина риска, суровость наказания и расчет. Исследования психологии потенциальных убийц свидетельствуют, что решающим фактором в создании удерживающего эффекта психологического воздействия смертной казни является ее неотвратимость. Конкретные социально-психологические и правовые исследования указывают, что представление об исключительности наказания имеет немалое предупредительное значение, ибо «характер юридических последствий поступка, в том числе степень строгости грозящего наказания, входит в число факторов, оказывающих в ряде случаев влияние на выбор вариантов поведения»^{СШ}.

Конечно, от смертной казни нельзя требовать больше, чем то, на что она объективно рассчитана. Цель государства при применении этого наказания состоит в том, чтобы породить в сознании как отдельного человека, так и общества в целом настолько живые представления о необходимости воздержаться от известных деяний, за которые предусмотрена высшая мера, чтобы такие представления всегда одерживали верх над противоположными.

Между волей человека и его сознанием существует неразрывная связь. Поэтому чем определеннее и яснее мы понимаем, что воля зависит от сознания, побуждающего ее к воздействию в известном направлении на внешний мир, тем наказание становится целесообразнее. Где же нет сознания, где оно неразвито, помрачено или разрушено, там не может быть речи о нормальном соотношении между сознанием и волей. А раз это так, то человек, сознание которого состав-

^{СШ} См.: Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С. 144

Ж

ляет самую сущность его Я, сам является деятелем своих действий. Иначе говоря: кто совершил убийство — мог его и не совершать. Он свободно выбрал зло и должен быть наказан. Побуждением, мотивом, удерживающим человека от совершения этого ужасного преступления, является утвердившееся в сознании представление о том, что эти действия повлекут за собой потерю жизни. Сознание выражается, прежде всего, в понимании, осмыслении определенных фактов и положений, а затем — в постановке определенных целей и подыскании средств для их достижения. Деятельность разума характеризует сознание как доминирующее явление психики человека. Следовательно, **сознание** можно рассматривать как высшую форму психической деятельности человека, подчиняющую, регулирующую и контролирующую все другие явления психической жизни. С другой стороны, сущность сознания можно определять как некое духовное состояние, которое субъективно отражает объективность и на этой основе производит, создает, творит человеческое сознание. Одним словом, сознание — чрезвычайно объемное, целостное и многостороннее историческое образование, отнюдь не исходная предпосылка человека, а результат его многовекового развития в общественной среде. Как справедливо отмечает Д. А. Керимов, глубоко погружаясь корнями в эту среду, сознание не только питается ее соками, но и наполняет ее своеобразием индивидуальности^{CIV}.

Под сознанием следует понимать сформированность нравственных знаний, суждений, чувств и поступков. Поэтому общество, где эти качества стали убеждениями для его членов, руководством в сфере деятельности, обладает **высоким уровнем** сознания, когда нормы поведения становятся осознанной необходимостью. Они обуславливаются внутрен-

^{CIV} См.: Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2011. С. 371.

ними мотивами — потребностями, диктуемыми не только общественными нормами морали, а также существующими правовыми нормами, но и собственной совестью. Такое высококоразвитое сознание, естественно, весьма положительно влияет и на волю человека, и тем самым создается побуждение, мотивы, удерживающие человека от совершения преступления. При **среднем уровне** сознания правовые суждения продиктованы скорее необходимостью жить по законам общества, чем внутренней потребностью. Поэтому **воля** нетвердая и нестабильная и в любой момент в зависимости от сложившихся обстоятельств и условий проявляет свою слабость, что приводит к совершению любого преступления. Уровень сознания не в состоянии положительно влиять на волю такого человека. **Низкий уровень** сознания характерен для тех людей, которые имеют интуитивное представление не только о правовых, но и о нравственных нормах поведения. Правовые и моральные нормы не стали для них убеждениями, а значит внутренней потребностью. Поэтому такой человек является потенциальным преступником, ибо его воля под влиянием низкого уровня сознания больна.

Таким образом, при **высоком уровне** сознания проявляется **сильная воля**. Следовательно, есть гарантия того, что человек не способен совершить преступление. При **среднем уровне** сознания — **воля слабая**. Значит, нет уверенности в том, что человек не совершит преступления. **Низкий уровень** — **больная воля**. Это потенциальный преступник. Цель общества — поднять уровень сознания его членов. Наказание таких возможностей не имеет. Оно в состоянии лишь противостоять больной воле, а не излечивать ее.

Глава V

БУДУЩЕЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

1. Никто до XVIII столетия **не отрицал целесообразности, справедливости, законности**, а значит и нравственности, этого наказания. Так, Ж.-Ж. Руссо, ссылаясь на учение Т. Гоббса о первоначальном договоре, старался доказать законность смертной казни. М. Монтескье, на основе идей которого Ч. Беккариа выдвинул учение о нравственных началах наказания, также допускал смертную казнь для убийц как необходимое средство излечения общества. Очень часто противники смертной казни ссылаются на высказывание Т. Мора о том, что человеческую жизнь нельзя сравнивать со всеми богатствами мира. Однако они не замечают, что Т. Мор имел в виду ненужность смертной казни в отношении только экономических преступлений^{CV}. Кант и Гегель считали смертную казнь не просто справедливой и нравственно обоснованной, но в ряде случаев и наилучшим наказанием. И. Кант, выступая против призыва Ч. Беккариа к отмене смертной казни, заявлял, что его аргументы основаны на софизмах и «ложной концепции права».

^{CV} См.: Мор Т. Утопия. М.; Л., 1958. С. 68.

В противоположность этому И. Кант выдвинул свою концепцию наказания, в основе которой лежит идея абстрактной справедливости, выраженная формулой римских юристов: «Пусть совершится правосудие, хотя бы ради этого погиб мир». Он писал: «Сколько есть убийц, совершивших убийство или приказавших убить, или содействовавших этому, столько должно быть казнено: так этого хочет справедливость»¹.

Появление новых учений, идей, взглядов и теорий о сущности и значении смертной казни как вида уголовного наказания связано с двумя великими явлениями в истории человечества — Гуманизмом и Реформацией. Хотя чрезвычайно трудно указать точные границы эпохи, составляющие переход от средневековых воззрений к воззрению нового времени, но следует согласиться с мнением профессора А.Ф. Кистяковского, который считает, что лишь с XVII в. в европейских обществах мало-помалу начинают развиваться элементы нового устройства вообще и начала, положенные в основание улучшения уголовного права в частности^{106 107}.

Эпоха Гуманизма и Реформации подарила человечеству многих выдающихся философов, политиков, юристов, которых интересовали проблемы смертной казни. Среди них были: Гуго Гроций, Гоббс, Спиноза, Локк, Фихте, Гоммель, Фейербах и др. Без всякого сомнения, они внесли огромный вклад в борьбу с устаревшими и отжившими свой век взглядами на смертную казнь. Но, к сожалению, никто из них не смог сделать то, что сделал Ч. Беккариа, который присоединился к деятельности Вольтера по реформе института наказания в области смертной казни

¹⁰⁶Кант И. Метафизика нравов. Метафизические начала учения о праве. СПб., 1903. С. 58-59.

¹⁰⁷Кистяковский А.Ф. Философия и социология. СПб., 1999. С. 65-66.

в своем появившемся в 1764 г. сочинении «О преступлениях и наказаниях», воскликнув человечеству следующее: «Но если я докажу, что смерть (речь идет о смертной казни. — *И.Р.*) ни полезна, ни необходима, то я выиграю дело человечества». По утверждению А. Бернера, с этого времени получают начало реформы в уголовном праве. С той же достопамятной поры и до настоящего времени продолжают исследования о законности смертной казни.

Хотя голос Ч. Беккариа не был услышан, тем не менее его взгляд на это наказание оказал огромное влияние на эволюцию идеи о смертной казни и был поддержан достаточно авторитетными именами современных ему представителей науки уголовного права во всей Европе. Однако не только ученые, но и многие правители и государственные деятели весьма серьезно отнеслись к идеям Ч. Беккариа. Взгляды итальянского мыслителя, как известно, нашли отражение в Наказе Екатерины II. По всему видно, что императрица достаточно глубоко изучила идеи Беккариа относительно сущности института наказания, его целей и возможностей. Знаменитый Наказ состоит из 526 статей, около половины заимствованы из *Монтескье* и до 100 статей — из трактата Беккариа (ст. 147-245 Наказа). Следует заметить, что статьи Наказа о смертной казни дословно повторяют аргументы Ч. Беккариа. Так, в частности, в Наказе говорится: «Опыты свидетельствуют, что частое употребление казней никогда людей не сделало лучшими. Чего для я докажу, что в обыкновенном состоянии общества смерть гражданина ни полезна, ни нужна, то я преодолею восстающих против человечества» (ст. 210 Наказа). Ч. Беккариа пишет: «Но если я докажу, что смерть ни полезна, ни необходима, то я выиграю дело человечества»^{CVIII}.

^{CVIII} Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2004.. С. 126.

Из Наказа видно, что Екатерина II не решается категорически высказаться по вопросу смертной казни, она колеблется, балансирует между абстрактной идеей неправомерности смертной казни, навеянной ей ее западноевропейскими авторитетами, и сомнением в возможности конкретного воплощения этой идеи. Однако это не означает, что трактат ей не нравится. Императрица вовсе не отрицает идеи Беккариа. Ее сомнения и колебания связаны с тем, что сам автор трактата не был категоричен в отношении полезности смертной казни, поскольку связывал ее с определенными условиями общественного развития и государственного устройства. Отвергая основные положения классической школы о причинах преступления, то есть свободу воли и роль наказания в противодействии с преступными проявлениями, в особенности с насильственными, представители уголовно-антропологической школы ставили совершенно справедливый вопрос: зачем применять смертную казнь к убийцам, а также к другим насильникам, если злодеяния они совершали не по своей воле, а в силу не зависящих от них причин физиобиологического характера? Именно с этого времени отношение к сущности, значению и полезности смертной казни рассматривается в контексте причин преступления, за которые предусмотрена в качестве наказания эта мера.

Проблема стала настолько актуальной, что к ее обсуждению и решению подключились не только юристы, философы, политики, но и представители других наук. Так, на основе анализа статистических данных о состоянии преступности и причинах конкретных преступлений французские статистики Терри и Кетле попытались разрушить веру в возможность путем наказания, а тем более смертной казнью, бороться с этим явлением. Самое удивительное, что законосообразность человеческих

действий, о которой многие века рассуждали блестящие умы человечества, оказалась возможной лишь тогда, когда появился точный и беспристрастный цифровой материал, то есть научно поставленная уголовная статистика. Безусловно, надо быть признательными ее основателям, хотя она не смогла в полной мере помочь раскрыть всю совокупность условий и индивидуальных факторов, которые определяют преступление. Именно поэтому и уголовная статистика не смогла ответить на вечный вопрос: какова роль смертной казни в борьбе с умышленными убийствами и другими насильственными преступлениями?

Недоверие к наказанию в виде смертной казни в противодействии к убийствам и насилию приводило к поиску других средств защиты от этих преступлений. В частности, после того, как теория о прирожденном преступнике не получила одобрения в обществе, Э. Ферри в 1882 г. объявляет о создании новой школы, которую он назвал **уголовной социологией**¹, отрицающей действенность наказания. Он вносит в ряд основных положений этой школы следующее: «Роль наказания — чисто отрицательная, и оно стоит на последнем месте... Оно не уничтожает причин преступления, действующих в индивидуе и среде; самое большее, что оно может сделать, если удастся, — остановить на время поток преступных импульсов меньшей силы, поток, однако, всегда готовый выступить из берегов»^{109 110}. Такое резко отрицательное отношение к роли и значению наказания у Э. Ферри вытекает, естественно, из его позиции относительно сложного происхождения и природы преступления: биологической, физической и социальной. Понятно, что речь идет, главным образом, об источниках и механизме деяний, связанных с насилием, убийством, агрессией. Что же взамен наказанию, в

¹⁰⁹ См.: Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005.

¹¹⁰ Там же. С. 302.

Будущее смертной казни

частности смертной казни, предлагает основатель уголовной социологии? Это эквиваленты наказаний, то есть средства, заменяющие наказание, которые станут противоядием, главным образом, против социальных факторов преступности. В принципе, система эквивалентов наказания является ничем иным, как обыкновенным предупреждением преступлений или, в современной терминологии, устранением условий и обстоятельств, способствующих совершению преступлений. Поэтому эквиваленты наказания, как и признается сам Э. Ферри, вовсе не предназначены сделать невозможным какое бы то ни было преступление. Их цель — ослабить причины преступлений и, таким образом, в большей или меньшей мере довести их состояние до желаемого минимума. С таким подходом можно согласиться в отношении тех преступлений, причины которых находятся в социальных условиях общественной жизни. Так, например, благосостояние народа может быть настолько высоким, что кражи, грабежи и разбои потеряют свое значение и показатель таких преступлений будет незначительным. А что предлагается взамен такому наказанию, как смертная казнь? Какое противоядие он нашел против умышленных убийств, насильственных преступлений и вообще особо опасных деяний, за которые предусмотрена смертная казнь? А ведь эти преступления совершаются также, а иногда и в большем количестве, в странах, где благосостояние людей достаточно высокое.

Проблема смертной казни была объектом изучения также социологической школы, которая исходила из того, что преступление есть не что иное, как ответ на социальную несправедливость, как следствие несовершенной и неудовлетворительной организации общества, радикальная реформа которой довела бы до минимума цифру преступности, а может быть, и вовсе ее уничтожила. Исходя из

элементарной логики, получается, что чем больше виновата внешняя среда, тем меньше вина личности. А это означает, что реакция государства в этом случае должна быть более мягкой, то есть наказание должно быть менее жестким, и наоборот. Следовательно, **невозможно применение смертной казни к преступнику**, ибо его вина в определенной степени зависела от внешней среды. Если же исходить из того, что причины убийств лежат целиком в окружающей внешней среде, то тогда мы должны отказаться от применения не только смертной казни, но вообще наказания и перейти к использованию некарательного воздействия, ибо устранение этих причин — не объект воздействия наказания, тем более смертной казни. Возлагая всю вину за свое поведение на личность, независимо от условий внешней среды, мы тем самым подтверждаем, что причины, истоки убийства исходят именно от нее. Уголовная политика в этом случае, естественно, должна быть направлена именно на реакцию общества против личности, а значит, на ужесточение наказания, усиление психологического воздействия на население, на применение смертной казни, в целях устрашения. Теоретические обсуждения вопроса о смертной казни, естественно, не могли оказать влияние на эволюцию института этого наказания.

Изучение проблемы смертной казни показывает, что процесс ограничения ее применения начался в XIX в. (Голландия, Италия, Португалия, Швейцария), хотя ранее в герцогстве Тосканском вследствие тайного повеления герцога Леональда в 1765 г. наказание в виде лишения жизни человека не приводилось в исполнение, а в 1786 г. казнь была отменена и в законе. Однако уже через пять лет, то есть в 1791 г., она была вновь восстановлена, в 1847 г. опять отменена, а в 1853 г. снова восстановлена. Наконец, в 1861 г. смертная казнь в герцогстве Тосканском была отменена окончательно. Следует особо под-

черкнуть, что не было ни одного государства, которое в своей истории не меняло бы отношения к высшей мере наказания в виде лишения жизни человека вследствие причин различного характера. Так, австрийский император Иосиф в 1788 г. отменил смертную казнь, а в 1795 г. она была вновь восстановлена.

Ни в одной стране мира попытки отмены смертной казни не делались так часто, как во Франции. Еще в 1971 г. в Национальном собрании Франции депутатов, выступивших за отмену смертной казни, оказалось больше, но политическая ситуация была критической, пошли разговоры «о внутренних врагах» и большинство уступило меньшинству. Кодекс Наполеона 1810 г. восстановил смертную казнь, которая действовала до нового УК Франции 1994 г., отменившего это наказание. В принципе, смертная казнь была отменена в законодательном порядке в различных странах в разное время: в Румынии — с 1867 г.; в Голландии — с 1870 г.; в Италии — с 1890 г.; в Норвегии — с 1905 г. и т. д. В Бельгии хотя смертная казнь и не была отменена, но фактически не применялась с 1863 г. В Швейцарии по Конституции 1874 г. она также была отменена. Последняя казнь в Великобритании состоялась 13 августа 1964 г. Как известно, в 1965 г. парламент ввел пятилетний мораторий на смертную казнь.

Применение смертной казни в России было ограничено если не юридически, то фактически в течение всей второй половины XVIII столетия. В марте 1753 г. Елизавета Петровна отменила смертную казнь. Таким образом, Россия стала одним из первых европейских государств, формально отменивших этот вид наказания. При Екатерине II смертная казнь практически не применялась за общеуголовные преступления. Каких-либо сведений о фактическом применении смертной казни за 25 лет царствования Александра I не содержится.

Надо отметить, что юридически это наказание было ограничено в России на много лет раньше, чем в законодательствах ведущих западноевропейских держав. Общее число казненных при императоре Николае I не было велико — всего около 40 человек. Временное правительство отменило это наказание в марте 1917 г., однако уже к июлю 1917 г. смертная казнь была восстановлена. Октябрьская революция большевиков 1917 г. объявила об отмене этого наказания. В УК РСФСР 1922 г. до 38 составов предусматривали наказание в виде смертной казни — расстрела. УК РСФСР 1926 г. расширил круг деяний, за которые предусматривалась смертная казнь, однако, так же как и в УК 1922 г., за убийство, изнасилование это наказание не применялось. В 1947 г. смертная казнь в СССР была отменена, а в 1950 г. вновь восстановлена.

Итак, в советский период смертная казнь отменялась трижды: с ноября 1917 г. по февраль 1918 г.; с января по май 1920 г.; с мая 1947 г. по январь 1950 г. По оценкам экспертов ООН, приговоров к смертной казни в СССР выносилось больше, чем во всех странах мира. После распада Советского Союза многие бывшие республики, получив независимость, по политическим соображениям отказались от смертной казни.

2. Профессор Н.П. Загоскин еще в конце XIX в. утверждал, что Россия идет по верному пути к окончательной отмене у себя смертной казни¹. Кстати, еще до него ^{111 112 113 114}

¹¹¹ См.: Загоскин Н.П. Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1892. С. 18.

¹¹² См.: Учебник уголовного права. СПб., 1866. С. 212.

¹¹³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. М., 1999. С. 190.

¹¹⁴ См.: Пионтковский А.А. Избранные труды: В 2 т. Казань, 2010. Т. 2. С. 179.

профессор Санкт-Петербургского императорского училища П.Ф. Калмыков считал, что у этого наказания нет будущего и смертная казнь в перспективе не будет включаться в арсенал уголовно-правовых средств противодействия преступности, поскольку она не может быть оправдана никакими философскими соображениями². С таким прогнозом относительно будущей судьбы высшей меры наказания позднее выступали также многие именитые дореволюционные ученые-юристы в области уголовного права. В частности, Н.С. Таганцев писал: «...не надо быть пророком, чтобы сказать, что недалеко то время, когда смертная казнь исчезнет из уголовных кодексов и для наших потомков сам спор о ее целесообразности будет казаться столь же странным, каким представляется теперь для нас спор о необходимости и справедливости колесования или сожжения преступников»³. Другой известный ученый А. А. Пионтковский более ста лет назад, размышляя о судьбе смертной казни, был убежден, что эта мера наказания является одним из особенно резко бьющих в глаза пережитков старого времени, сохранившихся в современных карательных механизмах⁴.

Следует особо подчеркнуть, что эти высказывания, прогнозы адресованы были не только России, поскольку проблема смертной казни — это проблема всего человечества. Но правда и то, как писал М.Н. Гернет, «что все еще страшная своею силою, продолжающая сокрушать ежегодно сотни человеческих жизней, она с каждым годом слабеет», ибо «не знавшая ранее врагов, не имевшая противников, она теперь принуждена вести упорную борьбу за свое сохранение, и в лицо ей все чаще бросают позорные упрёки и тяжкие обвинения»^{CXV}. Самое важное в этой

^{CXV} Гернет М.Н. Смертная казнь и общественное мнение // Смертная казнь: За и Против. М., 1989. С. 133.

борьбе, чтобы все дискутирующие учитывали реальности жизни, а не были бы абстрактными гуманистами или, что еще хуже, вечными и твердокаменными сторонниками смертной казни, которых В.Е. Квашиц причисляет к «граничащим с инстинктивными чувствами»^{СХVI}. Сейчас Россия, так же как и некоторые другие государства, законодательно не отменила, но и не применяет этот вид наказания. Она не спешит с принятием однозначного решения. Понятно, что так долго продолжаться не может и, в конце-концов, России придется сделать выбор.

В настоящее время 95 стран отменили смертную казнь за все преступления, 9 — за преступления в мирное время и еще 35 стран не применяют ее на практике. По данным Международной амнистии, за 2008 г. около 8864 преступникам была назначена смертная казнь в 52 странах, из которых не менее 2390 человек были казнены в 25 странах мира. На Китай приходится 72% всех казней. За последние 10 лет количество казней в этой стране доходило до 10 000 в год. Для сравнения: с 1991 по 1995 г. в Индии смертная казнь приводилась в исполнение всего в 17 случаях. По количеству исполненных смертных приговоров Иран занимает второе место в мире после Китая. Так, за 2009 г. было казнено не менее 388 человек. В Южной Корее с 1948 по 1998 г., то есть за 50 лет, казнено более 900 человек. В 2009 г. в США, где смертная казнь существует в некоторых штатах, было казнено 52 человека, а в 1999 г. — 98. Что касается стран постсоветского пространства, то особо следует отметить Казахстан, который в конце 90-х годов занимал одно из первых мест в мире по количеству казней. С декабря 2003 г. в этой стране был введен бессрочный мораторий на исполнение смертных приговоров. Нельзя

^{СХVI} Квашиц В.Е. Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. М., 2008. С. 557.

не отметить, что во время моратория в результате болезней и самоубийств погибает немало заключенных. Например, в Киргизии с 1999 по 2006 г. зафиксировано не менее 73 таких случаев.

В современном мире эта мера применяется особенно интенсивно в Иране, Ираке, Китае, США, Судане, Нигерии, Саудовской Аравии. К примеру, УК Судана предусматривает смертную казнь даже за супружескую измену, систематическое злоупотребление алкоголем, вероотступничество, гомосексуализм и т. д. В Нигерии человека лишают жизни за повреждение нефтепровода либо электрического кабеля. Смертная казнь предусмотрена за 17 составов, в том числе и за отравление водопровода, в такой развитой стране, как Япония.

Сегодня вопрос о существовании смертной казни может быть поставлен следующим образом: с какой стороны следует рассматривать эту проблему — с нравственной или с позиции здравого смысла, учитывающих национальные особенности, религию, исторические обычаи и традиции, криминогенную ситуацию конкретного общества? Европейцы считают, что в XXI в. именно нравственная сторона смертной казни имеет бесспорное и решающее значение при принятии решения о ее существовании. Они исходят из того, что лишение жизни преступника, даже убийцы, свидетельствует о несоблюдении принципов и основ нравственности и гуманизма и характеризует низкий уровень нравственного и культурного развития народов.

Но не только нравственная сторона этого вопроса явилась отрицанием смертной казни. Огромное влияние, бесспорно, оказали также идеи и взгляды выдающихся философов и юристов Европы, несмотря на сильнейшее сопротивление таких великих мыслителей, как Кант и Гегель. На понимание смертной казни как возмездия, противоречащего нравственности, оказало серьезное влияние

учение Иисуса Христа в Новом Завете, где предлагается: «Подставь щеку!». Однако не думаем, что нравственный уровень и культурное развитие японцев или арабов, которые поддерживают смертную казнь и применяют ее, ниже, чем у немцев, или у народов Восточной Европы. Поэтому, если то или иное государство отменяет смертную казнь, это еще не свидетельствует о высоком уровне развития этого народа. В качестве примера можно назвать страны постсоветского пространства, отказавшиеся от этого наказания, как известно, по политическим соображениям, не без давления со стороны Европы. Уровень нравственного и культурного развития народа влияет на характер и состояние преступности в той или иной стране и не более. Как свидетельствует статистика, именно Япония и арабские страны занимают самые последние ступеньки по уровню преступности на планете. Поэтому представляется справедливым и объективным определять отношение к смертной казни того или иного народа с учетом не только нравственного сознания, но и других условий, имеющих религиозные, исторические, традиционные, криминогенные и политические основы. Разве японцы по своему развитию уступают немцам или французам? Многие народы бывшего постсоветского пространства после получения независимости отказались от смертной казни. Значит ли это, что они стали европейцами и что эта мера наказания уже не соответствует их уровню нравственного сознания и развития?

Как известно, система наказаний в исламских государствах предусматривает смертную казнь не потому, что уровень этих народов ниже, чем уровень тех, кто отменил эту меру наказания, а потому, что это вытекает из сущности и значения Корана, который, кстати, в первую очередь, направлен именно на защиту нравственных принципов жизни и поведения мусульман. Причины существования

смертной казни в некоторых странах обусловлены спецификой их менталитета и психологии, неразрывно связанной с многовековыми традициями и обычаями. Так, например, сохранение смертной казни по сегодняшний день в Японии — свидетельство именно сохранения вековых обычаев и традиций, принятого уклада жизни, а не влияния религии, и не показатель высокого уровня кримино-генности в стране. Подавляющее большинство стран, сохранивших смертную казнь, все-таки уверены в том, что такая мера наказания обладает самым высоким качеством противодействия преступным проявлениям. Поэтому эти страны (США, Россия, Китай, Турция и др.) при ответе на вопрос, быть или не быть смертной казни, в первую очередь, думают о состоянии преступности в стране, а потом уже — о нравственной стороне этого наказания. Они считают, что, кроме чувства нравственности, в реальной общественной жизни господствует принцип здравого смысла, основанный на объективной необходимости, полезности и справедливости существования смертной казни как средства защиты общего блага от жестоких преступлений и злодеяний.

Важно также отметить, что институт смертной казни уже давно вышел за пределы уголовной политики и является проблемой государственной политики. Поэтому принятие решения относительно применения этого наказания или отказ от него очень часто связывались не столько с реальной криминогенной ситуацией, с национальными традициями, обычаями и религией народа, с нравственным состоянием и уровнем сознания общества, сколько со сложившейся конкретной политической ситуацией. Об этом свидетельствуют даже дебаты в Древней Греции во время Пелопонесской войны (427 г. до н. э.) о судьбе жителей города Митилена, когда решение, принятое Афинской ассамблеей после диспута, не предавать смертной казни

все мужское население города носило чисто политический характер, хотя и в спорах наших современников этот исторический факт противниками смертной казни приводится как аргумент, свидетельствующий о глубоких сомнениях относительно идеи устрашающего воздействия этого наказания. Ситуация с отменой и восстановлением смертной казни по политическим мотивам, а не исходя из реальной криминогенной и социально-экономической ситуации, имела место до и после Октябрьской революции и еще неоднократно возникала в истории СССР.

Понимание смертной казни как политической меры воздействия на оппонентов имело место в России, в частности, в 1905-1906 гг., в период первой революции. В стране наметилась тенденция к росту числа казненных. Если возникала необходимость снизить крайне негативное отношение к существующей власти, опять-таки использовалась смертная казнь. Так, например, после февральской революции высшая мера по политическим соображениям была отменена Временным правительством 12 марта 1917 г. Такая отмена носила, естественно, политически-популистский характер и имела, кстати, противоположный эффект, поскольку привела к резкому увеличению особо опасных насильственных уголовных преступлений. Само собой разумеется, такое необдуманное решение, основанное на политических предпосылках, не могло не привести в целом к кризису Временного правительства. Поэтому уже к 12 июля 1917 г. смертная казнь была восстановлена. Советская власть во главе с большевиками не могла не осознавать огромный политический потенциал смертной казни по сравнению с другими наказаниями. Поэтому, как известно, на второй день после Великой Октябрьской социалистической революции смертная казнь была отменена. Однако в январе 1917 г. политическая необходимость потребовала от большевиков и лично от В.И. Ленина ис-

пользовать смертную казнь в качестве основного средства борьбы с контрреволюцией, с политически негодными оппонентами, с инакомыслием и неподчинением.

Вождь революции писал: «Ни одно революционное правительство без смертной казни не обойдется, и весь вопрос только в том, против какого класса направляется данным правительством оружие смертной казни»¹. В этом В.И. Ленин был прав, ибо история человечества уже сталкивалась с подобной ситуацией. Так, например, сравнивая обстановку, сложившуюся в России после революции, с политической обстановкой во Франции периода Великой французской революции, Л.Д. Троцкий отмечал: «Железная диктатура якобинцев была вызвана чудовищно тяжким положением революционной Франции». Таким образом, практика применения смертной казни за уголовные преступления, наблюдаемая в первом полугодии 1918 г. в деятельности созданного Чрезвычайного комитета (ЧК), постепенно распространилась и на политических противников Советской власти. По данным А.В. Малько и С.В. Жильцова, за семь месяцев 1919 г. органами ВЧК было расстреляно 2089 человек; всего за год и семь месяцев — 8389^{117 118}.

И.С. Ратковский считает, что применение высшей меры наказания, в частности к анархистам весной 1918 г., даже учитывая их уголовное прошлое и настоящее, нельзя оценивать как меру, направленную исключительно против преступности, определенная политическая составляющая здесь также присутствовала. И хотя число расстрелянных лиц было относительно невелико, это была определен-

¹¹⁷ Ленин В.И. Поли. собр. соч. 5-е изд. Т. 39. С. 183-184; см. также: Т. 34. С. 174.

¹¹⁸ Малько А.В., Жильцов С.В. Смертная казнь в России: История. Политика. Право. М., 2003. С. 121—123.

ная тенденция — от уголовных к уголовно-политическим расстрелам^{СХІХ}.

Очередная формальная «попытка» отмены смертной казни в январе 1920 г. Советской властью была вызвана также политическими мотивами, а не сокращением роста преступности или же отсутствием социально-экономических предпосылок, поскольку к этому времени политическая обстановка в России более-менее стабилизировалась. Таким образом, в конце 20-х — начале 30-х годов XX в. смертная казнь в СССР имела не только уголовно-правовое, но и политическое содержание и функции и применялась в целях придания репрессиям правовой формы.

Развал СССР создал новую правовую ситуацию, связанную с необходимостью отмены смертной казни в пост-советских республиках, не потому, что изменилась криминальная ситуация, а потому, что начался процесс вступления суверенных республик в Совет Европы, который требовал отказаться от этой меры наказания. При этом следует отметить излишне категоричные условия Совета Европы: «...смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорен к смертной казни и казнен» (Протокол № 6). Требование Совета Европы по вопросу о смертной казни, на наш взгляд, носит характер сильного политического давления: или откажитесь от этого наказания, или вам не видать Европы. Так, например, в принятой резолюции заседания Сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы в конце января 1997 г. представители России были предупреждены о том, что в случае невыполнения взятых на себя обязательств по объявлению моратория на смертную казнь будет поставлен вопрос о приостановлении

^{СХІХ} См.: Ратковский И.С. Эволюция института смертной казни в первый год Советской власти // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. Вып. 2.

полномочий российской делегации в Совете Европы. Таким образом, проблема смертной казни непосредственно связана не только с этическими, историческими, социальными, религиозными, криминогенными аспектами, но в современных условиях — в большей степени с политической целесообразностью.

Сегодня почти во всех странах, как сохранивших смертную казнь, так и отказавшихся от нее, время от времени вспыхивает острая полемика. Многие реформаторы считают бесперспективность этого наказания не утопией, а неизбежным результатом нынешнего развития, ибо, по их мнению, лишение жизни человека, если даже он и совершил самое тяжкое преступление, в том числе умышленное убийство, — «социальное уродство». Такое утверждение означает, что в конечном счете не так уж важно, оказывает ли смертная казнь или нет положительное воздействие на уменьшение насильственных преступлений, ибо она выходит из употребления. И это происходит, по их мнению, потому, что данное наказание становится все менее совместимым с современными нормами нравственности. Подобные высказывания выражают, по-видимому, существенные изменения моральных оценок. Поэтому в западном мире, в отличие от остальных стран, в частности государств постсоветского пространства, смертная казнь стала менее приемлемой. Между тем нельзя забывать, что истории известно достаточно фактов, когда после отмены смертной казни та или иная страна вновь возвращалась к ее восстановлению. Так, например, в английский парламент с 1969 г. 18 раз вносились предложения относительно возвращения высшей меры наказания.

Полагаем, что в настоящее время существует потребность в более тщательном исследовании полезности смертной казни с точки зрения не только нравственного чувства, но и здравого смысла и современного состояния

криминогенноеTM в той или иной стране. Мы утверждаем, что смертная казнь должна иметь место лишь в тех случаях, когда она необходима и полезна. Это значит, что нравственность не может быть единственным доминирующим началом в определении отношения к этой мере наказания, ибо существует также принцип справедливости, требующий «воздаяния каждому должного». Следовательно, не исключаем, что общества, отказавшиеся от смертной казни, и в первую очередь те, которые пошли на это в недавнем прошлом по причинам политического характера, вновь вернутся к вопросу о ее восстановлении. Такие призывы, кстати, уже были сделаны официально руководителями некоторых государств, в частности Венгрии, Болгарии. Те же государства, которые объявили мораторий, все более склоняются к мнению о целесообразности применения этого наказания (Турция, Пакистан). Что касается тех стран, в которых сохранена по сегодняшний день высшая мера наказания, то на фоне существующей криминогенной ситуации они еще более убедились в правильности выбора.

В современной жизни встречаются такие убийства, которые по жестокости превосходят фильмы, где «кровь льется рекой». В связи с этим Ю.В. Голик отмечает, что все больше и больше совершается преступлений какой-то запредельной, патологической жестокости. Преступность попросту звереет. Ни уговоры, ни воспитательные меры не помогают и не помогут^{СХХ}. Так в 2010 г. в станице Кущевская банда Цапкова безжалостно убила 12 человек, включая детей. В марте 2017 г. в г. Баку Л.Г. нанес несколько ножевых ударов А.Б. в область горла и лица, затем перерезал горло

^{СХХ} См.: *Голик Ю.В.* Вернется ли смертная казнь в Россию? // *Lex Russica* 2016. № 7. С. 186.

ее сыну и дочери. Тела убитых поместил в багажник машины и увез. Был арестован.

Сейчас мы столкнулись не только с увеличением серийных убийств, но и с новой категорией убийств и насильников, сформировавшейся после развала СССР: безмотивные убийцы, «убийцы для развлечения» или убийцы по влечению. Сегодня в Азербайджане мы все чаще слышим о таких формах убийств, с которыми ранее встречались очень редко. Речь идет об убийствах с признаками зверства и жестокости. К сожалению, все чаще совершают убийства путем отрезания головы своим жертвам. Безусловно, формулу «жизнь за жизнь» в отношении каждого убийства применять нельзя. Однако есть такие умышленные убийства, совершенные с такой жестокостью, с такими последствиями, что смертную казнь за них не может заменить ни одно другое наказание. Целесообразно ли, справедливо ли, нравственно ли отказаться от смертной казни за такого рода преступления?

Считаем правильным, как с точки зрения нравственного чувства справедливости, так и с позиций здравого смысла, сохранение смертной казни как высшей меры наказания только для умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах, когда в результате преступления погибло более двух человек, с учетом, естественно, субъективной стороны деяния. Поэтому целесообразно, наряду со смертной казнью, предусмотреть также пожизненное лишение свободы для остальных лиц, совершивших умышленные убийства. Сохраняя, таким образом, смертную казнь, мы имеем возможность использовать ее высокие предупредительные и устрашительные свойства в целях предотвращения особо тяжких, квалифицированных умышленных убийств. Поэтому, относясь, в целом, отрицательно к смертной казни, с точки зрения нравственного чувства, полагаем, что ее отмена в нашей стране (Азербайджане),

так же как и в других странах постсоветского пространства, основанная чисто на политических условиях, была преждевременной. К такой отмене не было подготовлено общественное мнение, с которым нельзя не считаться, не соответствовала этому и криминогенная обстановка. Нельзя было также не учитывать пока что низкий уровень нравственного сознания населения, вышедшего только- что из тоталитарного режима и не освоившего еще сути гражданского общества и правовой государственности. Чисто политический отказ от этого наказания, без объективных на то условий, перечисленных выше, не привел, и не мог привести к положительным результатам. Мы не учли очень важную истину о том, что смертная казнь как исторический феномен автоматически не исчезает из сферы жизни и общественных отношений. Мы не учли также, что вынужденный отказ от применения смертной казни, являющийся по своей сути декларативным, приводит к реанимации нелегальных форм расправы, имеющих внесудебный характер; забыли, что самодеятельная смертная казнь будет осуществляться, и это имеет место сейчас, но уже не «сверху», а «снизу».

А.В. Малько справедливо утверждает, что при отсутствии полноценных условий для отмены официальной смертной казни ее «уход со сцены» приведет к активизации нелегальных форм, имеющих внесудебный, досудебный и полусудебный характер — самосудов, заказных убийств ит. п.^{СXXI} Кроме того, необходимо учитывать, что сохранение смертной казни — это своеобразный уголовно-правовой способ восстановления социальной справедливости. Именно поэтому общественное мнение всегда выступало и сейчас выступает за сохранение этой

^{СXXI} Малько А.В. Смертная казнь: Современные проблемы // Право' ведение. 1998. № 1.

меры за наиболее тяжкие насильственные убийства. Наши исследования, проведенные в Азербайджане, показывают, что от 80 до 90% населения выступают против отмены смертной казни. Как отмечает Э.Ф. Побегайло, даже 75% опрошенных «смертников» высказались за сохранение смертной казни¹. И такое отношение общественности к этому наказанию естественно, ибо, в отличие от нас, в социально благополучных странах в широком смысле слова, каковыми являются, в частности, большинство стран Европы, к смертной казни «относятся гораздо спокойнее, философски, не так обостренно, как в неустроенных, слаборазвитых государствах»^{122 123}.

И наконец, возникает еще один важный вопрос: не означает ли отказ от смертной казни по политической необходимости частичным ограничением государственного суверенитета? А.Ю. Кизилов на это отвечает: «Отказ от применения смертной казни — это символический шаг, жест, которым элита, осуществляющая управление государственным механизмом на соответствующей территории, посылает глобальным элитам сигнал о готовности ограничить свой суверенитет».¹²⁴ По его мнению, смертная казнь — это такой же атрибут суверенитета, как флаг, герб, гимн и «ядерная кнопка».

Итак, поддерживая в целом идею отказа от смертной казни, мы полагаем, что в современных условиях общество не только в нашей стране, но и во многих странах мира не готово к отмене смертной казни за убийство с особой жестокостью и с тяжелыми последствиями. Это необходимо, в первую очередь, для обеспечения элементар-

¹²²Побегайло Э.Ф. Избранные труды. СПб., 2008. С. 62.

¹²³Малько А.В. Указ. соч.

¹²⁴Кизилов А.Ю. Смертная казнь как разновидность монополии на насилие // Lex Russica. 2016. № 12. С. 91.

ной внутренней безопасности жизни людей в обществе. С таким мнением согласны сегодня многие авторитетные ученые и мыслители. Так, А.И. Коробеев пишет: «Что касается смертной казни как вида наказания в системе уголовных наказаний России, то остается надеяться, что рано или поздно (а скорее всего — в очень отдаленной перспективе) и у нас созреют условия для ее полной отмены, и тогда государство откажется от этого наказания. Пока же, как нам представляется, смертную казнь в России применять не только можно, но и нужно, по крайней мере, за наиболее вопиющие и резонансные случаи совершения из ряда вон выходящих убийств (особенно тех, что сопряжены с преступлениями террористической направленности)»¹.

Высокий уровень существующего ригоризма в обществе постсоветских республик, который не снижается, свидетельствует о том, что ни в психологическом, ни в культурном отношении эти народы к отмене смертной казни готовы не были. Бывают времена, говорил А.И. Солженицын, когда для спасения общества, государства смертная казнь нужна^{125 126}. Думается, что в данный момент в условиях всеобщего кризиса, роста преступности, в особенности умышленных убийств и насилий, в нашей стране вопрос стоит именно так.

Ограничение, а затем отмена смертной казни, в принципе, свидетельствуют об эволюции воззрений на преступление и наказание. Поэтому смертная казнь исчезнет так же, как исчезла в свое время кровная месть, — в результате закономерного объективного процесса общественно-экономического развития. Для отмены смертной казни должны созреть условия: экономические, социаль-

¹²⁵ Коробеев А.И. Смертная казнь: целесообразность сохранения // LexRussica. 2016. №7. С. 198.

¹²⁶ См : Интерфакс. 2001. 29 апреля.

ные, криминогенные, религиозные, политические, нравственные. Необходимость в смертной казни отпадает тогда, когда в обществе господствуют сильные действия нравственных и религиозных норм, когда демократические институты и принципы восприняты населением как внутреннее требование, когда грубость и дикость нравов, экономическая бедность страны, способствующая сохранению насильственной преступности, исчезнут из общественной жизни.

Хотим мы этого или нет, вопрос о возврате смертной казни всегда будет в повестке дня тех государств, которые отказались от нее, не имея для этого объективных оснований, и в конечном счете эта мера займет свое место в системе уголовного наказания. Как отмечалось, эволюция идеи отмирания смертной казни связана с эпохами Гуманизма и Реформации и сопровождалась гуманизацией процесса исполнения этого наказания. Если до этого исторического периода исполнение смертной казни на протяжении веков претерпело немало изменений, подталкивая к постоянному поиску самых ужасных, отвратительных и жестоких способов, какие только способно породить воображение, с целью подчеркнуть показательность казни, то, начиная с XVIII в., обогатившего человечество великими реформами, смертная казнь и в особенности процесс ее исполнения стали проблемой нравственной. Теперь уже начался обратный процесс: человек стал искать гуманистические пути лишения преступника жизни, чтобы причинить ему наименьшие боль и страдание. Однако одних только философских, нравственных учений для этого было недостаточно, появилась необходимость привлекать к процессу умерщвления человека, приговоренного к смертной казни, достижения биомедицинской и технических наук. Таким образом, процесс рассмотрения смертной казни и ее исполнения стал носить **междисциплинарный характер**

В качестве примера можно привести историю появления гильотины — «головорубки» со скользящими лезвиями, которые опускались под тяжестью собственного веса. Как известно, французскую машину для отрезания голов придумали два врача: доктор Гильотен и доктор Луи — гуманист и ученый. Эта машина была не только творением философским, то есть воплощением «новых идей» в области нравственных начал правосудия, основанных на гуманистических принципах, но и результатом достижений биомедицинской науки. Машина для обезглавливания была призвана изменить саму эстетику смерти. Она должна была рубить голову так просто и быстро, что осужденный едва ли мог ощутить даже легкое дуновение на затылке. Гильотен на Национальном собрании говорил: «Моя машина, господа, отрубит вам голову в мгновение ока, и вы ничего не почувствуете». От автора машины требовалось одно: казнь должна быть минимально болезненной и максимально быстрой, ибо от просвещенного человечества требуется усовершенствование искусства умерщвления. Для большей эффективности края «головорубки» должны быть под 45 градусов. Таким образом, гильотина призвана была соответствовать трем критериям: «быть гуманным, эффективным и пристойным» средством.

Очередным шагом на пути гуманизации средств умерщвления был электрический ток, впервые примененный в штате Нью-Йорк в 1889 г. Рассчитывали, что, возможно, электричество сделает, наконец, смертную казнь еще более совершенной и безупречной с точки зрения гуманности. Очередное изобретение в науке умерщвления — газовая камера (1924 г.). Однако врачами было установлено, что с биоэтической точки зрения этот процесс более мучительный и страдание длится несколько минут с момента начала химического процесса. Поэтому был придуман новый способ казни — смертельная инъек-

ция. Эта самая современная «мягкая» процедура умерщвления отличается быстротой, безболезненностью. Своим появлением она обязана успехам медицины, впервые была применена в штате Техас в 1982 г. Единственное болевое ощущение, которое испытывает осужденный, — укол шприца. Таким образом, пока смертная казнь существует, человечество будет использовать достижения наук в поисках новых, более гуманных способов умерщвления приговоренных к смертной казни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая исследование о смертной казни, следует отметить, что **исторически** это наказание — явление закономерное; **религиозно** оно благословлено и одобрено Богом; **философски** лишение жизни человека оправдано только как справедливое воздаяние, а не как месть, **с социологической точки зрения** ее бесполезность и нецелесообразность не доказаны и не подтверждены, однако **психологами** установлено, что страх смертной казни — серьезный барьер для потенциального преступника.

Итак, отрицая в целом смертную казнь с позиций нравственного чувства, мы, тем не менее, утверждаем, что эта мера уголовного наказания обладает самым высоким качеством устрашения, ибо кроме принципа нравственности в реальной общественной жизни господствует принцип здравого смысла. Поэтому представляется целесообразным, справедливым, а значит и нравственно обоснованным, до неопределенного времени сохранение смертной казни за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах и с тяжелыми последствиями. Относительно будущего смертной казни полагаем, что общества, отказавшиеся от этого наказания, не раз еще вернуться к обсуждению ее восстановления именно за убийство, а те страны, которые сохранили по сегодняшний день смертную казнь по причинам религиозным, криминогенным, а также исходя из многовековых национальных традиций, в ближайшем будущем от этого наказания не откажутся, если этого не потребуют политические обстоятельства.

ОБ АВТОРЕ

Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы

Родился 14 января 1951 года в Азербайджанской Республике, в селе Джиловдарлы Таузского района.

В 1969 году окончил русский сектор средней школы № 2 в городе Барде. В 1970 году поступил на юридический факультет Ленинградского государственного университета, по окончании которого, в 1975 г., поступил на очное отделение аспирантуры по кафедре уголовного права Ленинградского государственного университета. В 1978 году получил ученую степень кандидата юридических наук.

С 1978 по 1980 год работал в Институте философии и права Академии наук Азербайджанской Республики.

С 1980 по 1996 год занимал различные ответственные должности в Министерстве юстиции Азербайджанской Республики и был членом Коллегии.

В 1988 году, защитив докторскую диссертацию в Ленинградском университете, стал самым молодым доктором наук в области уголовного права на постсоветском пространстве. С 1996 года — профессор.

Автор около ста научных статей по юриспруденции, в частности уголовному праву, исполнительно-трудовому праву, а также девяти монографий, последние из которых — «Преступность и наказание», «Философия преступления и наказания», «О нравственности наказания».

С 2006 года является вице-президентом Международного союза юристов.

В 2011 году указом Президента Азербайджанской Республики награжден почетным званием «Заслуженный юрист Азербайджанской Республики».

В 2011 году Ильгам Рагимов был награжден Французской международной ассоциацией «Международный комитет защиты прав человека» международным орденом «Полумесяца и Звезды» I степени (высший) и званием Кавалера международного ордена «Полумесяца и Звезды».

В марте 2014 года удостоен награды Международного фонда сотрудничества и партнерства Черного моря и Каспийского моря (МФЧМКМ) «За особый вклад в развитие деятельности МФЧМКМ».

12 ноября 2014 года в Софии удостоен Болгарской академией наук почетного звания «Доктор Хонорис Кауза».

В 2015 году за вклад в созидание демократического общества и развитие институтов правового государства Ильгам Рагимов удостоен Высшей юридической премии «Фемида» — старейшей и одной из самых авторитетных правовых наград России, учрежденной Московским клубом юристов, Ассоциацией юристов России и Международным фондом поддержки правовых инициатив.

Является Почетным профессором Академии Следственного комитета Российской Федерации. Награжден знаком отличия Гильдии российских адвокатов «За вклад в развитие адвокатуры».

С 2016 года — Президент Ассоциации юристов стран Черноморско-Каспийского региона.

В сентябре 2017 года удостоен премии Международного фонда имени Махмуда Кашигари за заслуги в сфере углубления российско-азербайджанских и турецкоазербайджанских отношений.

**Мы ждем Ваши отзывы и предложения
Издательство «Юридический центр»:**

**По вопросам сотрудничества
Электронная почта**

+7 911 977 67 25
izdat@hotmail.com
urizdat@mail.ru
www.juridcenter.ru

Научное издание

Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы

**БЕССМЕРТНАЯ
СМЕРТНАЯ КАЗНЬ**

**Издательство
«Юридический центр»**

Редактор *Ю. А. Безуглая*
Компьютерная верстка *С.77. Кузьминой*

Подписано в печать 04.12.2017 г.
Формат 60х90/16. П. л. 12,0. Уч-изд. л. 12,2.
Тираж 1000 экз. Заказ № 598. Цена свободная.

Адрес

Издательство «Юридический центр»

Тел. +7-911-977-67-25

E-mail: urizdat@mail.ru, izdat@hotmail.com

ООО «Литография Принт»
191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, офис 14

www.spbprinting.ru

тел.+7(812)712-02-08

ISBN 978-5-94201-756-9

